

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2078-7898
ISSN online 2686-7532

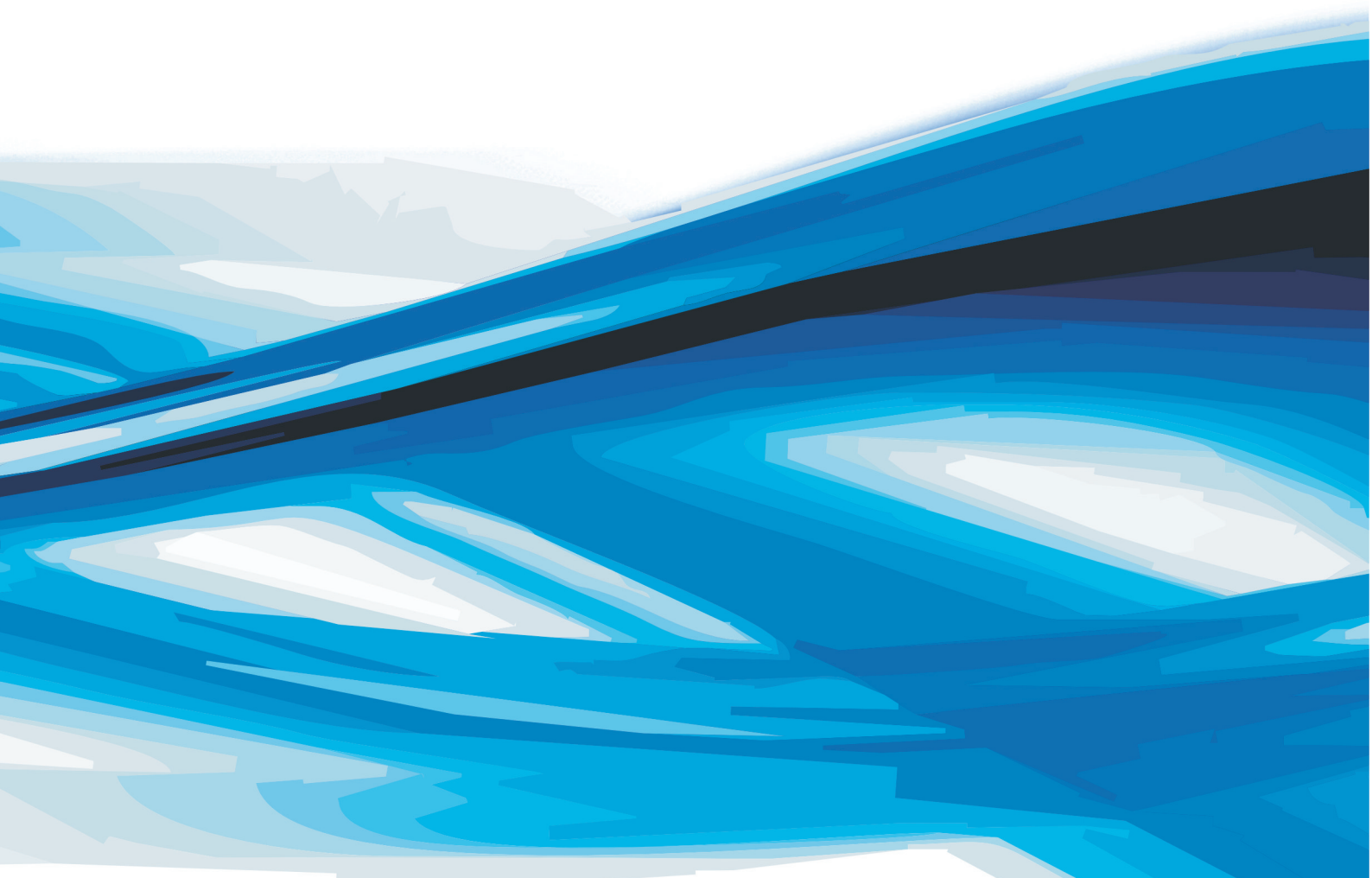
ВЕСТНИК

ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2024

Выпуск 1

**ФИЛОСОФИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ
по следующим научным специальностям,
по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАН, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаелян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, независимый исследователь, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октабринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородинкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замаева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несева (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им.

Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларуси, Минск, Беларусь).

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта—Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткин (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПН № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald»
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2024

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, independent researcher, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyeva (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising,

Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Диалог философских школ об «антропологическом принципе» в статьях Н.Г. Чернышевского и М.Н. Каткова <i>Черных А.А.</i>	5	The dialogue between philosophical schools on the «anthropological principle» in articles by N.G. Chernyshevsky and M.N. Katkov <i>Andrey A. Chernykh</i>
Человек как проводник божественной идеи всеединства в природный мир <i>Переход С.О.</i>	16	Man as a guide of the divine idea of unity into our world <i>Stanislav O. Perekhod</i>
Небытие в современной физической картине мира <i>Свергузов А.Т.</i>	24	Nothingness in the modern physical picture of the world <i>Anver T. Sverguзов</i>
Релятивизм в психоанализе и аналитической психологии <i>Степаненко А.Д.</i>	33	Relativism in psychoanalysis and analytical psychology <i>Alexander D. Stepanenko</i>
Расщепленный субъект и децентрированный дискурс: специфика субъективности в пространстве письма <i>Диль И.В.</i>	44	The split subject and decentralized discourse: the specificity of subjectivity in the space of writing <i>Igor V. Dil</i>
Малевич и Шопенгауэр: диалог о беспредметном <i>Корниенко А.Г.</i>	53	Malevich and Schopenhauer: the dialog about the non-objective <i>Alexej G. Kornienko</i>
Угрозы телесной идентичности в префигуративной культуре <i>Бекарев А.М., Пак Г.С.</i>	64	Threats to bodily identity in prefigurative culture <i>Adrian M. Bekarev, Galina S. Pak</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Эволюция представлений о конструкте «Я» в европейско-американской традиции <i>Дорфман Л.Я.</i>	74	Evolution of the concept of the self in the European-American tradition <i>Leonid Ya. Dorfman</i>
--	----	---

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Перспективы медиапотребления на якутском языке и роль государственных национальных СМИ в формировании контента в цифровой среде <i>Гаврильев Ч.Н.</i>	88	Prospects of media consumption in the Yakut language and the role of state- owned national media in the formation of content in the digital environment <i>Chokuur N. Gavrilev</i>
---	----	--

Особенности формирования агентности молодежи и пожилых людей в период пандемии COVID-19 (на примере Санкт-Петербурга) <i>Галкин К.А.</i>	104	Specific features of the formation of agency of youth and the elderly during the COVID-19 pandemic (a case study of Saint Petersburg) <i>Konstantin A. Galkin</i>
Мотивация участия родителей в деятельности детских общественных организаций на примере скаутского отряда <i>Власова Т.А.</i>	117	Motivation of parental participation in activities of children's public organizations: the scout troop case <i>Tatiana A. Vlasova</i>
Информация для авторов	132	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.3

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-5-15>

Поступила: 18.11.2023

Принята: 30.01.2024

Опубликована: 11.04.2024

ДИАЛОГ ФИЛОСОФСКИХ ШКОЛ ОБ «АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ» В СТАТЬЯХ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И М.Н. КАТКОВА

Черных Андрей Александрович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург)

Проанализирована полемика между Н.Г. Чернышевским и М.Н. Катковым о статье П.Д. Юркевича «Из науки о человеческом духе». В частности, анализируются статьи М.Н. Каткова «Старые боги и новые боги» и «По поводу “полемических красот” в “Современнике”», опубликованные в «Русском вестнике», и работа Н.Г. Чернышевского «Полемические красоты», опубликованная в «Современнике». Отмечено, что по форме спор похож скорее на перебранку, чем на научную дискуссию, но содержательно в ходе спора Н.Г. Чернышевского и М.Н. Каткова были выражены философские основания разногласий между теорией школы Чернышевского и взглядами М.Н. Каткова и П.Д. Юркевича. Указывается, что принцип партийности философии не сводится к разделению мыслителей только на материалистов и идеалистов в онтологии, но также гласит о гносеологическом различии между монизмом и дуализмом. Дискуссия между М.Н. Катковым и Н.Г. Чернышевским рассматривается как особенное, в котором отражается всеобщее. Другими словами, в эпизодическом споре между мыслителями выражена основная суть всей дискуссии 1860-х гг. об антропологическом принципе. Начертаны возможные пути преодоления ситуации, в которой под видом диалога ведется два несвязанных друг с другом монолога. Намечены перспективы налаживания философского диалога между представителями разных философских школ, разных точек зрения на фундаментальные вопросы онтологии и теории познания. Отмечено, что в XIX в. в России материализм как философское учение был менее разработан, чем идеализм, представленный немецкими классиками, в связи с чем могла возникать недооценка этого учения оппонентами.

Ключевые слова: диалог, партийность философии, материализм, идеализм, монизм, дуализм, антропологический принцип.

Для цитирования:

Черных А.А. Диалог философских школ об «антропологическом принципе» в статьях Н.Г. Чернышевского и М.Н. Каткова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 5–15.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-5-15>

THE DIALOGUE BETWEEN PHILOSOPHICAL SCHOOLS ON THE «ANTHROPOLOGICAL PRINCIPLE» IN ARTICLES BY N.G. CHERNYSHEVSKY AND M.N. KATKOV

Andrey A. Chernykh

Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg)

The paper deals with the polemics between N.G. Chernyshevsky and M.N. Katkov on P.D. Yurkevich's article «From the Science of the Human Spirit». In particular, the articles by M.N. Katkov «Old Gods and New Gods» and «Concerning “Polemical Beauties” in “Sovremennik”», published in «Russky Vestnik», and the work by N.G. Chernyshevsky «Polemical Beauties», published in «Sovremennik», are analyzed. By its form, the argument is closer to an altercation than to a scientific discussion, but the essence of the argument between N.G. Chernyshevsky and M.N. Katkov highlighted the philosophical basis for the differences between the theory of Chernyshevsky's school and the views of M.N. Katkov and P.D. Yurkevich. The paper notes that the principle of partisanship in philosophy cannot be reduced only to the ontological division of thinkers into materialists and idealists, but also implies the epistemological distinction between monism and dualism. The discussion between M.N. Katkov and N.G. Chernyshevsky is considered as the special in which the universal is reflected. In other words, the episodic dispute between M.N. Katkov and N.G. Chernyshevsky expresses the main essence of the whole discussion of the 1860s on the anthropological principle. The paper outlines possible ways of overcoming the situation in which two unconnected monologues are conducted under the guise of a dialogue as well as offers the prospects for a philosophical dialogue between representatives of different philosophical schools and different points of view on fundamental questions of ontology and gnoseology. It is noted that in the 19th century in Russia materialism as a philosophical doctrine was less developed than idealism presented by the German classics, in connection with which this doctrine could be underestimated by opponents.

Keywords: dialogue, partisanship in philosophy, materialism, idealism, monism, dualism, anthropological principle.

To cite:

Chernykh A.A. [The dialogue between philosophical schools on the «anthropological principle» in articles by N.G. Chernyshevsky and M.N. Katkov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 5–15 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-5-15>

В статье «Антропологический принцип в философии» (1860) Н.Г. Чернышевский изложил такое понимание природы человека, которое вызвало бурную полемику на страницах журналов «Русский вестник», «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово». Зачастую эта полемика принимала форму скорее перебранки, чем ученого спора. Но, несмотря на нефилософскую форму спора, содержательно он был именно философским — хотя бы потому, что отправной точкой для каждой из двух позиций были философские работы

Н.Г. Чернышевского [Чернышевский Н.Г., 1987] и П.Д. Юркевича [Юркевич П.Д., 2015].

В полемике приняли участие многие журналисты того времени (Катков, Писарев [Писарев Д.И., 1955а, 1955б], Дудышкин и др.), которые содержательно примыкали к одному из двух полюсов: к точке зрения Н.Г. Чернышевского или П.Д. Юркевича.

На этом основании напрашивается вывод, что взгляды «школы» Чернышевского и «школы» Юркевича на антропологический принцип сводятся к материализму и идеализму соответственно. Но если ограничиться этим, то многие

аргументы и контраргументы участников спора останутся непонятными.

В современной историко-философской науке существуют различные мнения по поводу классификации философских систем. Типологизация на основании ответа на основной вопрос философии признавалась удовлетворительной в советское время. В соответствии с этим подходом легко определить Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева как материалистов [Никоненко В.С., 1983], П.Д. Юркевича и М.Н. Каткова — как идеалистов, а П.Л. Лаврова [Лавров П.Л., 1965] — как эклектика. Но сегодня правомерность такой типологизации подвергается сомнению со стороны ряда исследователей [Евлампиев И.И., 2015; Коробкова С.Н., 2015, 2016, и др.]. И что важнее — такое разделение на «философские партии» не всегда отражает суть позиций тех или иных мыслителей. Это видно уже из замечаний Ф. Энгельса [Энгельс Ф., 1979] по поводу философских взглядов Л. Фейербаха, который в одних вопросах оказывался идеалистом, в других — материалистом, в третьих — не вполне последовательным материалистом и т.д. Чтобы содержательно понять позиции философов, мало просто классифицировать их по основному вопросу философии или по любому другому критерию. Следует проследить, как и почему те или иные мыслители выдвигают те или другие аргументы в пользу позиции, диктуемой их школой или направлением.

К примеру, Катков, которому Юркевич обязан своей популярностью, солидаризировался с автором статьи «Из науки о человеческом духе». Но едва ли на этом основании его можно приравнять к Юркевичу. Аргументация Каткова в некотором смысле представляется оригинальной — в том числе на фоне критических замечаний Юркевича в адрес Чернышевского.

Дискуссия между Чернышевским и Катковым в рамках более глобальной полемики об антропологическом принципе 1860–1863 гг. представляет интерес, потому что эта дискуссия — если выразаться языком логики — представляет собой такое *особенное*, через которое проясняется всеобщее; т.е. такое особенное, которое есть *конкретно-всеобщее* [Ильенков Э.В., 2019]. Иными словами, проанализировав дискуссию Чернышевского и Каткова, мы содержательно выразим философскую сущ-

ность полемики 1860–1863 гг. об антропологическом принципе.

Публицист М.Н. Катков в статье «Старые боги и новые боги» [Катков М.Н., 1861b] в ироничном тоне высказался о журналистах «Современника» за их взгляды на философию и науку: «Кто выдает себя за мыслителя, тот не должен принимать на веру, без собственной мысли, ничего ни от г. Аскоченского, ни от г. Бюхнера, ни от Ивана Яковлевича, ни от Фейербаха» [Катков М.Н., 1861b, с. 893]. Упоминание Фейербаха прозрачно намекает на антропологический материализм, сторонниками которого были представители школы Чернышевского. Катков явно указывает на то, что Чернышевский и его сторонники непоследовательны в качестве мыслителей, т.к. «принимают на веру» взгляды Фейербаха. С точки зрения Каткова, такие «нигилисты», как Чернышевский, должны были бы более критично относиться к своим «авторитетам». Можно предположить, что такое «критичное» отношение — каким хотел бы видеть его Катков — закономерно привело бы не только к собственно критике идей Фейербаха, но и к полному или почти полному отказу от них.

Однако представляется, что дело не столько в том, что школа Чернышевского принимает идеи Фейербаха без «собственной мысли», сколько в том, что эта собственная мысль не воспринимается Катковым ценной. Вероятно, с тем же успехом можно было бы подвергнуть критике Фейербаха, причем за то, что он «принимает на веру» идеи П.А. Гольбаха и других французских материалистов. Но очевидно, что такая критика неверна, т.к. свои мысли приносились в систему материализма и Фейербахом [Фейербах Л., 1955], и Чернышевским, и другими философами. И Катков наверняка это понимал, но сам по себе философский подход любых материалистов воспринимал как догматизм, потому что оригинальные, с его точки зрения, идеи И. Канта или Юркевича даже не достаиваются должного диалога со стороны школы Чернышевского. Чернышевский же и его школа воспринимали свою позицию как строгое следование научным принципам, на основании чего другие школы, следующие иным принципам, в их глазах выглядели отступлением не от «материалистической догмы», а от строгости мышления и достижений науки.

Катков пишет, что «бессмысленное повторение чужих мыслей, мракобесие во имя знания, раболепство во имя свободы, фанатическое поклонение идолам, которые созданы нашим собственным невежеством, во имя просвещения, осквернение мысли в ее источниках, — вот что противно, вот что возмутительно, вот что <...> должно возбуждать негодование» [Катков М.Н., 1861b, с. 894]. Другими словами, следование идеям Гегеля и Фейербаха так, как это делает школа Чернышевского, сводится к повторению идей немецких философов. Катков не признает за ними развитие этих идей.

Но наиболее любопытно здесь то, что две спорящие школы упрекают друг друга в одном и том же: догматизме, мракобесии, фанатизме, невежестве. У каждой из двух школ есть свои авторитеты, следование принципам которых оказывается в глазах оппонентов *догматизмом*. Чернышевский признает себя последователем Фейербаха, поэтому он догматик в отношении идей Фейербаха. Юркевич — христианин, поэтому он догматик в отношении истины Откровения. Непризнание авторитетов, на которых опираются их оппоненты, оказывается *мракобесием*, ведь одним очевидно, что Фейербах — передовой мыслитель своего времени, а другим столь же очевидно, что священное писание боговдохновенно. Строгое следование основополагающим принципам своей школы принимает форму такого упорства, что оказывается *фанатизмом*. А следуя своему и только своему курсу развития (или стагнации) философии, каждая из школ погружается в *невежество*, ведь не считается всерьез с достижениями своих оппонентов, а если и делает попытку к сближению, то никак не может понять мыслей своего противника.

Очевидно, что описанная ситуация является проблемой. Отправляясь от разных исходных точек, каждая школа оказывается *по-своему* права. И вполне вероятно, что при разных исходных точках иначе и быть не может. Чтобы действительно говорить на одном языке, т.е. называть, например, догматизмом не взаимоисключающие вещи, а одно и то же, философам необходимо начать философский поиск с одной исходной точки, с одной позиции. Однако далеко не очевидно, что подобная унификация возможна, и также не очевидно, что эта унификация помогла бы философии развиваться.

В статье «Старые боги и новые боги» Катков критикует материализм школы Чернышевского на примере взглядов Антоновича. Однако по форме эта критика больше напоминает перебранку. Содержание — как часто бывает в русской философии XIX в. — приходится искать между строк.

Так, Катков будто бы оправдывает «учение материялистов» и пытается представить М.А. Антоновича противником материализма. Однако очевидно, что то и другое имеет скорее обратный смысл. Оправдывая материализм как философскую систему, Катков говорит о том, что в истории развития философии периоды материализма естественны и полезны, но не сами по себе, а всего лишь как преходящий момент. Иначе говоря, Катков не обнаруживает в этой философии собственного смысла, а только служебный. Обесценивая материализм как философскую школу, Катков рассматривает немецкий материализм XIX в. в качестве болезненной реакции на идеализм «абсолютный» и «неабсолютный». Редактор «Русского вестника» трактует материализм в Германии не как само по себе ценное направление, а в качестве этапа, который был необходим для преодоления кризиса.

Называя Антоновича противником материализма и даже уговаривая его не критиковать материализм, Катков явно иронизирует. Стремясь изобличить критику в адрес материализма, Антонович, по словам Каткова, становится слишком требовательным к своим оппонентам, которые, по предположению Антоновича, должны были бы сами высказывать активную критику, но почему-то этого не делают или делают недостаточно.

Катков утверждает, что Антонович не мыслит самостоятельно, а всего лишь пересказывает идеи своих авторитетов. В этом можно было бы усмотреть не более чем иронию, но, кажется, Катков всерьез критикует Антоновича за неоригинальность и отсутствие собственной мысли. Поэтому Катков пишет, что когда Антонович начнет мыслить самостоятельно, то автор «Современника» изменит свое отношение к материализму и идеализму. Получается, что философ, стоящий на позициях материализма, как бы не все замечает, упускает что-то важное, чего нельзя заметить, если упорно следовать «оракулам» вроде Фейербаха. Известно, что

школа Чернышевского не признавала за духом (говоря словами Э.В. Ильенкова, за идеальным) *как бессмертной душой* онтологического статуса. Признание духа как продукта мышления, психической деятельности недостаточно для мыслителя вроде Каткова. Для него принципиально, что душа есть не просто в человеческом восприятии, а объективно существует: существует примерно так же, как существуют материальные предметы в мире. Отказ от такого онтологического понимания духа (идеального) для Каткова представляется непониманием самой сути философии, онтологии, мироздания. И чтобы понять (принять), что дух или идеальное существует как самостоятельное, независимое от материи бытие, философ вроде Антоновича должен сначала отказаться от установки, согласно которой самостоятельность бытия духа отрицается, а затем отрефлексировать вопрос о природе духа или идеального самостоятельно. При последовательном осмыслении этого вопроса, по Каткову, философ придет к той позиции, которой держатся он и Юркевич.

Оспаривая точку зрения, согласно которой «нигилизм» по отношению к верованиям и предрассудкам является прерогативой материализма, Катков пишет: «Есть идеалистические системы, которые приводят мысль к такому нигилизму, какого не представит себе самый отчаянный из материалистов» [Катков М.Н., 1861b, с. 896]. Здесь Катков явно говорит прямым текстом, не пытаясь уязвить своего оппонента. Говоря о возможности идеалистического «нигилизма», Катков утверждает, что разница между двумя философскими школами не в том, что одна отрицает верования, а другая — защищает их. Это вообще не относится к делению философов на идеалистов и материалистов. Другими словами, не только материалисты, по Каткову, отрицают отжившие предрассудки, но и идеалисты, причем в своем нигилизме они могут быть даже более радикальными, чем школа Чернышевского.

Продолжая эту тему, Катков пишет: «С другой же стороны, материалистические школы вовсе не так враждебны ко всякого рода верованиям. Держа швейцара с суровым ликом на парадном крыльце, материалистические школы радушно принимают с другого подъезда множество верований. Знает ли г. Антонович, что у материализма бывает своя мифология, гораздо

более поработочающая умы, чем та, которая наивно рождается из недр матери земли?» [Катков М.Н., 1861b, с. 896]. Можно было бы подумать, что под мифологией понимается некий фантастический нарратив, но речь явно не о принятии некоторых сюжетов и историй на веру, а скорее о принятии на веру определенных философских и мировоззренческих установок. Соответственно, на первый план выходит «мифология» материализма о несамостоятельности бытия духа. Из этого «мифа» следуют другие, некоторые из которых и самими материалистами нередко критиковались в XIX–XX вв. Например, «миф» о природе мышления как движения вещества в мозгу действительно следует из отрицания самостоятельности бытия духа. Но такие крайности вульгарного материализма уже и Чернышевский не принимал, отчасти потому, что такие вульгарные «мифы» не следуют из первого «мифа» с необходимостью, а всего лишь выводимы: вульгарные выводы не закономерны, а всего лишь гносеологически возможны.

Напрашивается вопрос о том, возможна ли вообще философия без «мифологии», т.е. *совсем без* «мифологии». Если ставить вопрос так, то можно сказать, что Катков критикует школу Чернышевского за «мифологию» о науке, а школа Чернышевского понимает эту «мифологию» как более совершенную по сравнению с «мифологией» религии. Катков считает, что школа Чернышевского неверно трактует само понятие науки, а школа Чернышевского считает, что Катков и Юркевич переоценивают значение религии в философских и научных поисках.

Для школы Чернышевского понимания о производности духа от материи достаточно, чтобы объяснить мироздание, а для Каткова и Юркевича такое понимание духа является неполным, урезанным, а потому дает искаженную картину мира, в которой один из важнейших аспектов бытия (дух) просто не вполне объяснен.

Катков нивелирует «партийность философии», сводя любую философию к философии как таковой. Идеализм и материализм в данном случае, с его точки зрения, оказываются такими типами философии, которые находятся в одном поле, но как бы на разных иерархических уровнях. По Каткову, идеализм Юркевича лучше материализма школы Чернышевского не пото-

му, что они по-разному смотрят на одно и то же, а потому, что школа Чернышевского просто видит меньше, чем Юркевич. Юркевич видит дух, а школа Чернышевского его не замечает, принимая за дух всего лишь одно из движений материи.

Чернышевский же отстаивает *принцип партийности*, разводя тем самым материализм и идеализм не просто как разные уровни иерархии философствования, но как принципиально различные позиции, одна из которых является научной, прогрессивной и истинной, а другая — антинаучной, регрессивной и ложной. Такое резкое отношение к философской партии противника у Чернышевского объясняется как раз тем, что, согласно принципу партийности, философы разных партий (школ, направлений) *по-разному смотрят на одно и то же*.

Но сам принцип Чернышевского о партийности философии не сводится к тому, чтобы возвеличить одну философскую традицию и обесценить другую. Принцип партийности заключается в первую очередь в том, что различие материализма и идеализма мыслится как различие в самом первом шаге, который совершает тот или иной философ на пути своего философствования. Отвечая на основной вопрос философии, мыслитель определяет себя в одну из двух партий. Дальнейшие вопросы, которые встают перед мыслителем, и ответы, которые он на них дает, немаловажны, но основной смысл принципа партийности заключается именно в основном вопросе, а не вообще во всех философских вопросах.

Идеализм и материализм начинают философский поиск с разных исходных точек, поэтому приходят к разным выводам. Это приводит к тому, что материалист в глазах идеалиста упрощает картину бытия, а идеалист в глазах материалиста выдумывает несуществующие аспекты бытия. Отнюдь не случайно в материалистической традиции есть тенденции к утилитаризму, а в идеалистической — к творчеству (в смысле искусства).

В контексте принципа партийности философии и основного вопроса философии важно отметить, что они не всегда совпадают. Так, при анализе взглядов Каткова и Чернышевского нетрудно заметить, что Катков симпатизирует агностицизму Канта, т.е. познавательному пессимизму, а Чернышевский стоит на позициях

гегелевской диалектики, т.е. познавательного оптимизма. Но при этом очевидно, что и Кант, и Гегель были идеалистами (если определять их «партию» по основному вопросу). Однако классификация на гегельянцев и кантианцев в контексте Чернышевского и Каткова оказывается не менее важной, чем классификация на материалистов и идеалистов.

Отвечая Каткову на критику, Чернышевский пишет статью «Полемические красоты. Коллекция первая» [Чернышевский Н.Г., 1950, с. 707–732]. В контексте полемики затрагиваются многие вопросы (в том числе нефилософские), но мы обратим внимание на те, которые относятся к дискуссии об антропологическом принципе.

Возражая против тезиса о том, что Чернышевский и его школа не имеют «собственной мысли», а только повторяют сказанное Фейербахом, Чернышевский в шутку как бы соглашается с этим: «При такой шаткости ума, как только что я прочитаю, с тем и соглашаюсь. А сверх всех других недостатков ума и характера, одарен я еще болтливостью: решительно ни о чем не могу смолчать» [Чернышевский Н.Г., 1950, с. 708]. В саркастической манере Чернышевский пересказывает критику Каткова: «шаткость ума» заставляет Чернышевского соглашаться с взглядами Фейербаха, не формируя при этом собственного мнения, но зато в силу своей «болтливости» постоянно пересказывает то, что вычитал у немецкого философа. Ирония направлена на то, чтобы сказать своему оппоненту, что в действительности дело обстоит совсем иначе. Чернышевский говорит, что прочитанные им работы Фейербаха восприняты критически (как того и хотел Катков), но эта критичность не привела Чернышевского к отказу от идей Фейербаха, а только к их усвоению и переработке. Получается, что в глазах Каткова Чернышевский не смог в должной степени критически подойти к идеям Фейербаха. Чернышевский же говорит, что именно потому он и принял эти идеи, что подошел к ним должным образом критически.

В контексте «кумиров», «старых и новых богов» Чернышевский переходит с явно язвительной иронии на более серьезный тон: «...та часть публики, которая несогласна с нами, видя в нас множество недостатков, никак не думала находить, чтобы мы воздвигали кумиров. Отто-

го статья “Русского вестника” и выходит не больше, как забавна для той части публики, которая сочувствует нам, — неудачно выбран пункт обвинений. Мы воздвигаем кумиров! — сделайте одолжение, вините нас в этом почаше и побольше. Это хорошо» [Чернышевский Н.Г., 1950, с. 715]. Чернышевский находит этот пункт критики со стороны Каткова надуманным. Если Катков всерьез видит в Фейербахе идола школы Чернышевского, то сам Чернышевский видит в нем не более чем передового философа *своего времени*. Чернышевский не рассматривает философию Фейербаха вне времени и истории. Другими словами, если бы Чернышевский стал отвечать на этот тезис серьезно, то он мог бы сказать, что как он «поклоняется» Фейербаху, точно так же Катков почитает, например, Канта или Юркевича. Каждая из двух школ «почитает» тех мыслителей, которые на данный момент являются передовыми, но только на данный момент. Соответственно, если и ставить школе Чернышевского в вину идолопоклонство, то все другие «школы» по этому пункту ничем от нее не отличаются. На это Катков возразил бы, что он воспринимает философию Канта и Юркевича критически, а вот Чернышевский относится к работам Фейербаха некритически. Действительно критическое отношение, по Каткову, неизбежно должно привести к точке зрения Каткова. Но это же можно констатировать и в отношении Чернышевского. Однако в обоих случаях дело не в некритическом взгляде, который провозглашает себя критическим, а в отправной точке, следуя из которой нельзя прийти к иным выводам, чем к тем, к которым приходят Чернышевский и Катков. Дело в том, что Чернышевский и Катков — если говорить языком герменевтики — к моменту своего «критического» анализа того или иного текста (будь то сочинение Канта, Юркевича или Фейербаха) уже имеют некоторое *предпонимание*, уже сформировали *предрассудки* по поводу анализируемого вопроса, явления, предмета.

В отношении статьи Юркевича, фрагменты которой были перепечатаны в «Русском вестнике» с комментариями Каткова, Чернышевский высказался следующим образом: «Извлечению предшествует предисловие от самого “Русского вестника”: я это предисловие прочел и тем удовольствовался. Дело для меня уже яс-

но из одного предисловия» [Чернышевский Н.Г., 1950, с. 725]. За формой полемики снова скрывается содержательная сторона разногласий Каткова и Юркевича со школой Чернышевского. Не приходится сомневаться, что Чернышевский прочитал статью своего критика целиком. Но спорить о частностях, когда проблема лежит в основании, в системообразующем принципе, Чернышевский не видел смысла. Спорить же об этом принципе открыто было бы небезопасно и, вероятно, невозможно по цензурным соображениям. Но нельзя сказать, что спора не состоялось. Демонстративный отказ от ведения дискуссии как раз и является самой сутью полемики. Можно сказать, что «препарировать» философскую систему своего оппонента не в духе того времени, поэтому в том случае, когда пришлось бы добираться до самых основ философской системы Юркевича, Чернышевский и сказал, что даже читать работу своего критика не будет.

Юркевич представил точку зрения, согласно которой физиологическая деятельность человека должна исследоваться эмпирическим путем, а психологическая деятельность — методом интроспекции (самонаблюдения). Причем смешивать методы исследования физиологии и психологии, по Юркевичу, недопустимо, т.к. предметы исследования каждой из областей просто не поддаются адекватному объяснению неподходящего метода. Чернышевский же настаивает, как видно из «Антропологического принципа в философии», на необходимости комбинации методов исследования.

В гносеологическом отношении здесь явно видно противоречие не столько между идеализмом и материализмом, сколько между дуализмом и монизмом. Требование разделять бытие на два начала и ни в коем случае их не смешивать восходит к декартовскому пониманию субстанций. Требование же рассматривать бытие как единую субстанцию с двумя атрибутами восходит к монизму Спинозы. Аллегорически выражая суть гносеологических разногласий Юркевича и Каткова со школой Чернышевского, можно сказать, что Юркевич — это Декарт, а Чернышевский — это Спиноза.

Чернышевский вспоминает свое семинарское прошлое, обосновывая свою осведомленность в философии того направления, которого придерживается Юркевич: «Я сам — семина-

рист. Я знаю по опыту положение людей, воспитывающихся, как воспитывался г. Юркевич» [Чернышевский Н.Г., 1950, с. 725]. Развивая тему семинарского влияния на образ мыслей, Чернышевский пишет: «Все мы, семинаристы, писали точно то же, что написал г. Юркевич. Если угодно, я могу доставить в редакцию “Русского вестника” так называемые на семинарском языке “задачи”, т.е. сочинения, маленькие диссертации, писанные мною, когда я учился в философском классе саратовской семинарии» [Чернышевский Н.Г., 1950, с. 726]. Пример таких задач можно посмотреть в работе В.К. Кантора [Кантор В.К., 2016, с. 52–56]. Если ранее Катков упрекал Чернышевского и его школу в отсутствии «собственной мысли», то теперь Чернышевский высказал этот же упрек, но в отношении Юркевича.

Катков отказался от предложения Чернышевского доставить семинарские «задачи». Представляется, что это была возможность для Каткова доказать на фактическом материале, что Чернышевский заблуждается в своих следующих словах: «Известно, как пишутся эти вещи, что пишется в этих вещах, т.е. известно это нам, семинаристам» [Чернышевский Н.Г., 1950, с. 726]. Но отказ «Русского вестника» свидетельствует о том, что либо это предложение было воспринято как бессодержательная насмешка, либо что Катков уверен в наличии «собственной мысли» у Юркевича помимо семинарского образования, либо что Чернышевский оказался прав в оценке Юркевича как мыслителя, который исключительно верен семинаристским традициям того времени.

Явно сравнивая Юркевича с собой, Чернышевский пишет: «Если положение г. Юркевича изменится, то очень скоро ему станет неприятно вспоминать о своей статье» [Чернышевский Н.Г., 1950, с. 726]. Очевидно, Чернышевский проводит параллель между сочинением Юркевича и своими семинарскими «задачами», в которых действительно не могло быть оригинальной мысли. Таким образом, Чернышевский видел точку соприкосновения двух школ не в исходном онтологическом и гносеологическом пунктах (потому что здесь очевидно расхождение), а в возможности ведения диалога через знакомство с «авторитетами» друг друга: «Я не знаю, каких лет г. Юркевич; если он уже не молодой человек, заботиться о нем поздно. Но ес-

ли он еще молод, я с удовольствием предлагаю ему тот небольшой запас книг, каким располагаю» [Чернышевский Н.Г., 1950, с. 725]. Вряд ли книги из личной библиотеки Чернышевского способствовали бы становлению 35-летнего Юркевича материалистом. Тем не менее этот жест стоит рассматривать не как часть полемики, а как расположение к потенциальному единомышленнику и попытку пойти на диалог, а не конфликт.

В июньском номере «Русского вестника» вышла статья Каткова «По поводу “полемических красот” в “Современнике”» [Катков М.Н., 1861а]. Автор вслед за Чернышевским затрагивал многие вопросы, но мы остановимся на тех, которые имеют отношение к полемике об антропологическом принципе и статье Юркевича.

Катков уделяет большое внимание словам Чернышевского о том, что он не читал статью «Из науки о человеческом духе»: «Зачем ему так хочется уверить публику, что он не читал и не будет читать статьи своего критика? Ведь это хуже, что он не читал и не хочет читать. Ведь это изобличает более слабость, нежели твердость» [Катков М.Н., 1861а, с. 141]. Но Катков приводит сведения, из которых можно вывести, что Чернышевский все же прочитал статью Юркевича. И здесь же пишет: «Ему указывают, например, книгу или писателя по предмету, о котором он заводит речь, — не какую-нибудь глупую и неведомую книгу, не какого-нибудь неизвестного писателя, которого нельзя не принять к сведению, *по крайней мере для опровержения* (курсив наш. — А.Ч.), — г. Чернышевский отвечает: “Я не читал ничего этого и не хочу читать; я заранее знаю, что это вздор”» [Катков М.Н., 1861а, с. 142]. Катков тоже настаивает на необходимости диалога, но, как и Чернышевский, на своих условиях. Чернышевский предлагает Юркевичу почитать книги из своей домашней библиотеки, а Каткову — ознакомиться со своими семинарскими «задачами». Катков предлагает Чернышевскому прочесть статью Юркевича, признать, что прочитал, и либо согласиться с написанным, либо вступить в научный диспут. Но как Юркевич не будет читать книги Чернышевского, а Катков — его семинарские «задачи», так и Чернышевский не будет писать опровержения на Юркевича. Встает вопрос: можно ли считать, что диалог как таковой вообще не состо-

ялся или же рассмотренная полемика представляет собой тот максимум, который был возможен для этих двух школ. Едкая ироничная полемика Каткова и школы Чернышевского формально не может считаться ни дискуссией, ни тем более диалогом: кажется, что каждый из них ведет монолог, пытаясь перебить оппонента. Но по своему содержанию дискуссия все-таки состоялась, хотя и не смогла стать полноценным диалогом.

В доказательство данного тезиса можно привести два эпизода из июньской статьи Каткова, в которой мыслитель пытается нивелировать методологическое различие между философскими воззрениями Чернышевского и Юркевича: «В самом деле, г. Юркевич не отрицает того, во что так веруют гг. Чернышевский и Антонович; но он, кроме этого, допускает и еще кое-что, чего эти господа не допускают, не допускают именно по чувству слепого культа, возбращающего употребление собственной мысли» [Катков М.Н., 1861а, с. 144]. Этот аспект проблемы был рассмотрен выше в связи с февральской статьей Каткова, но здесь отметим только, что попытка исключить партийность философии из анализа является одним из способов, которым Катков пытался выйти на диалог. основополагающая онтологическая установка материализма для Каткова — это всего лишь «слепой культ», от которого следует отказаться. Другими словами, материализм по Каткову смотрит на бытие слишком узко. Согласно же принципу партийности, материализм смотрит не узко, а просто иначе, чем идеализм. Вероятно, Каткову следовало бы не обесценивать такой подход, а принять его в качестве полноценного, чтобы стал возможен диалог.

Но вместо этого Катков берет те или иные положения из философии школы Чернышевского и доводит их до абсурда: «В тех статьях г. Чернышевского, которые разбирает г. Юркевич, доказывалось очень убедительно, что характер ощущений зависит от характера пищи... может быть, также и характер мнений?..» [Катков М.Н., 1861а, с. 155–156]. Конечно, Катков стал иронизировать не потому, что не понимает, а потому, что не принимает идеи Чернышевского о производности духа от материи.

Чернышевский, имея опыт обучения в саратовской семинарии и также опыт веры в Бога (стал атеистом не ранее 20-летнего возраста),

не мог не понимать точку зрения Юркевича и Каткова. Вызывающие высказывания Чернышевского о сочинении Юркевича представляют собой не пренебрежение к личности своего критика или плохое знакомство с философским идеализмом, а форму дискуссии против того мировоззрения, с которым он фундаментально расходится в самых основах и от которого в свое время отказался в пользу другого мировоззрения, в пользу антропологического материализма, который восходит к Фейербаху [Фейербах Л., 1955] и позже воплощается самим Чернышевским на страницах романа «Что делать?» [Чернышевский Н.Г., 2017].

Катков, не принимая это новое мировоззрение в качестве полноценного (ведь материализм не учитывает дух в его самостоятельном смысле), настаивал на пересмотре того «недостатка», который, с его точки зрения, есть в материализме. Можно сказать, что в XIX в. материалистическая философия еще не была так подробно разработана, как философия идеализма (альтернативы немецкой классической философии еще не было). Однако в XX в. этот самый «недостаток» стремились восполнить при помощи анализа проблемы идеального. В работах Э.В. Ильенкова [Ильенков Э.В., 2021, 2022] и М.А. Лифшица [Лифшиц М.А., 2003] эта действительно ненадуманная проблема была подробно разработана.

Список литературы

Евлампиев И.И. Историческое значение русской философии // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2015. Вып. 27, ч. I. С. 131–143.

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении // Ильенков Э.В. Собрание сочинений. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. Т. 1. С. 23–353.

Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Ильенков Э.В. Собрание сочинений. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. Т. 5. С. 15–84.

Ильенков Э.В. Идеальное // Ильенков Э.В. Собрание сочинений. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. Т. 6. С. 68–93.

Кантор В.К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманизм. инициатив, 2016. 528 с.

Катков М.Н. По поводу «полемических красот» в «Современнике» // Русский Вестник. Отдел: Литературное обозрение и заметки. 1861. Т. 33. Май–Июнь. С. 138–158.

Катков М.Н. Старые боги и новые боги // Русский Вестник. Отдел: Литературное обозрение и заметки. 1861. Т. 31. Январь–Февраль. С. 891–904.

Коробкова С.Н. Реализм в системе «Материализм – идеализм»: историко-философский аспект // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 113(09). URL: <http://ej.kubagro.ru/get.asp?id=5451&t=0> (дата обращения: 24.06.2022).

Коробкова С.Н. Реализм и антропологический принцип в русской философии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 115(01). URL: <http://ej.kubagro.ru/get.asp?id=5615&t=0> (дата обращения: 24.06.2022).

Лавров П.Л. Очерки вопросов практической философии // Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 1. С. 339–461.

Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. 368 с.

Никоненко В.С. Материализм Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. 151 с.

Писарев Д.И. Московские мыслители // Писарев Д.И. Сочинения: в 4 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. С. 274–319.

Писарев Д.И. Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Сочинения: в 4 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. С. 97–159.

Фейербах Л. Сущность христианства // Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 2. С. 7–405.

Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 2. С. 146–229.

Чернышевский Н.Г. Полемические красоты // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 7. С. 707–774.

Чернышевский Н.Г. Что делать? М.: АСТ, 2017. 480 с.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1979. Т. 3. С. 373–415.

Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе // Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе. Очерки по философии и богословию. М.: Либроком, 2015. С. 3–91.

References

Chernyshevsky, N.G. (1950). *Polemicheskie krasoty* [Polemic beauties]. Chernyshevsky N.G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Chernyshevsky N.G. Complete works: in 15 vols]. Moscow: Goslitizdat Publ., vol. 7, pp. 707–774.

Chernyshevsky, N.G. (1987). *Antropologicheskii printsip v filosofii* [Anthropological principle in philosophy]. Chernyshevsky N.G. *Sochineniya: v 2 t.* [Chernyshevsky N.G. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 146–229.

Chernyshevsky, N.G. (2017). *Chto delat'?* [What is to be done?]. Moscow: AST Publ., 480 p.

Engels, F. (1979). [Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy]. Marks K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Marx K., Engels F. Selected Works: in 3 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 373–415.

Evlampiev, I.I. (2015). [Historical significance of Russian philosophy]. Veche. *Zhurnal russkoy filosofii i kul'tury* [Veche. Journal of Russian Philosophy and Culture]. Iss. 27, pt. 1, pp. 131–143.

Feuerbach, L. (1955). [The essence of Christianity]. Feyerbakh L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 2 t.* [Feuerbach L. Selected philosophical works: in 2 vols]. Moscow: Gspolitizdat Publ., vol. 2, pp. 7–405.

Il'enkov, E.V. (2019). [Dialectics of abstract and concrete in scientific-theoretical thinking].

Il'enkov E.V. *Sobranie sochineniy* [Ilyenkov E.V. Collected works]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., vol. 1, pp. 23–353.

Il'enkov, E.V. (2021). [Dialectics of the ideal]. Il'enkov E.V. *Sobranie sochineniy* [Ilyenkov E.V. Collected works]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., vol. 5, pp. 15–84.

Il'enkov, E.V. (2022). [Ideal]. Il'enkov E.V. *Sobranie sochineniy* [Ilyenkov E.V. Collected works]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., vol. 6, pp. 68–93.

Kantor, V.K. (2016). «*Srublennoe drevo zhizni*». *Sud'ba Nikolaya Chernyshevskogo* [«The felled tree of life». The fate of Nikolai Chernyshevsky]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 528 p.

Katkov, M.N. (1861). [Regarding the «polemical beauties» in «Sovremennik»]. *Russkiy Vestnik. Otdel: Literaturnoye obozreniye i zametki* [Russian Bulletin. Department of Literary Review and Notes]. Vol. 33, May–June, pp. 138–158.

Katkov, M.N. (1861). [Old gods and new gods]. *Russkiy Vestnik. Otdel: Literaturnoye obozreniye i zametki* [Russian Bulletin. Department of Literary

Review and Notes]. Vol. 31, January–February, pp. 891–904.

Korobkova, S.N. (2015). [Realism in the system «Materialism – Idealism»: historical-philosophical aspect]. *Politematicheskiiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University]. No. 113(09). Available at: <http://ej.kubagro.ru/get.asp?id=5451&t=0> (accessed: 24.06.2022).

Korobkova, S.N. (2016). [Realism and the anthropological principle in Russian philosophy]. *Politematicheskiiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University]. No. 115(01). Available at: <http://ej.kubagro.ru/get.asp?id=5615&t=0> (accessed: 24.06.2022).

Lavrov, P.L. (1965). [Essays on questions of practical philosophy]. *Lavrov P.L. Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Philosophy and sociology. Selected works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 339–461.

Lifshits, M.A. (2003). *Dialog s Eval'dom Il'enkovym. (Problema ideal'nogo)* [Dialogue with Ewald Ilyenkov. (The problem of the ideal)]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 368 p.

Nikonenko, V.S. (1983). *Materializm Chernyshevskogo, Dobrolyubova, Pisareva* [Materialism of Chernyshevsky, Dobrolyubov, Pisarev]. Leningrad: LSU Publ., 151 p.

Pisarev, D.I. (1955). [19th century scholasticism]. *Pisarev D.I. Sochineniya: v 4 t.* [Pisarev D.I. Works: in 4 vols]. Moscow: Goslitizdat Publ., vol. 1, pp. 97–159.

Pisarev, D.I. (1955). [Moscow thinkers]. *Pisarev D.I. Sochineniya: v 4 t.* [Pisarev D.I. Works: in 4 vols]. Moscow: Goslitizdat Publ., vol. 1, pp. 274–319.

Yurkevich, P.D. (2015). [From the science of the human spirit]. *Yurkevich P.D. Iz nauki o chelovecheskom duhe: Ocherki po filosofii i bogosloviyu* [Yurkevich P.D. From the science of the human spirit: Essays in philosophy and theology]. Moscow: Librokom Publ., pp. 3–91.

Об авторе

Черных Андрей Александрович

ассистент кафедры общественных наук

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 30–32;
e-mail: deusdrus@yandex.ru
ResearcherID: JMQ-2272-2023

About the author

Andrey A. Chernykh

Assistant Lecturer of the Department
of Social Sciences

Saint Petersburg State University of Economics,
30–32, Griboedov canal emb., Saint Petersburg,
191023, Russia;
e-mail: deusdrus@yandex.ru
ResearcherID: JMQ-2272-2023

УДК 130.1:316.4

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-16-23>

Поступила: 27.04.2023

Принята: 28.02.2024

Опубликована: 11.04.2024

ЧЕЛОВЕК КАК ПРОВОДНИК БОЖЕСТВЕННОЙ ИДЕИ ВСЕЕДИНСТВА В ПРИРОДНЫЙ МИР

Переход Станислав Олегович

Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского (Симферополь)

В статье рассматривается вопрос о смысле бытия как процесса восстановления всеединства мира и роли человека в этом процессе. Миссия человека, по мысли русских религиозных философов «серебряного века», заключается в организации жизни таким образом, чтобы обеспечить собирание мира в единую, цельную социальную систему. Именно человек является проводником идеи всеединства в природном мире. Такое духовное преобразование мира под руководством человека должно достигаться в результате органического субъектно-объективного или духовно-материального единения всего миропорядка. В статье рассмотрен закон всеединства как единство всего сущего, особая модель построения мира. Всеединство есть принцип тождества двух миров (божественного и природного). Воплощение Божества в человечество входит в общий план мироздания. Цивилизационный процесс направлен на достижение всеединства. Показаны этапы исторического развития. Исторический процесс рассматривается как процесс теогонический. Для восстановления внутреннего единства человек должен пройти все этапы религиозного развития, которые представляют три эпохи теогонического процесса, соответствующие трем эпохам мирового процесса. Иерархическая структура человека отражает все ступени космического бытия. Человек представляет микрокосмос, связанный с макрокосмосом. Трансцендентное средоточение человеческого бытия есть Бог, таким образом, человек творит историю, реализуя замысел Бога. Методом достижения всеединства во всех сферах деятельности человек является устремленность к достижению высшего нравственного состояния человека и общества.

Ключевые слова: Бог, всеединство, человек, иерархия, бытие, история, цивилизация.

Для цитирования:

Переход С.О. Человек как проводник божественной идеи всеединства в природный мир // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 16–23. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-16-23>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-16-23>

Received: 27.04.2023

Accepted: 28.02.2024

Published: 11.04.2024

MAN AS A GUIDE OF THE DIVINE IDEA OF UNITY INTO OUR WORLD

Stanislav O. Perekhod

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol)

The article deals with the question about the meaning of human existence as a process of restoring the unity of the world and the role of man in this process. The mission of man according to the Russian religious philosophers of the Silver Age is the organization of life in such a way as to ensure the gathering of the world into a single, integral social system. It is man who is the guide of the idea of unity in our world. Such a spiritual transformation of the world under the guidance of man should be achieved as a result of

the organic subjective-objective or spiritual-material unity of the entire world order. The article shows the principle of the development of history as God's plan for our existence. The law of unity is considered as the unity of all things, a special model of building the world. Unity is presented as the unity of all that exists, as a special philosophical model of building the world. Unity is the principle of the identity of the two worlds (divine and natural). The incarnation of the Deity into humanity is part of the general plan of the universe. The civilizational process is aimed at achieving unity. The article shows the stages of historical development. The historical process is considered as a theogonic process. To restore inner unity, a person must go through all the stages of religious development which represent the three epochs of the theogonic process, corresponding to the three epochs of the world process. The hierarchical structure of man reflects all the stages of cosmic existence. A person represents a microcosm associated with the macrocosm. The transcendent center of human existence is God, so man creates history by realizing God's plan. The method of achieving unity in all spheres of human activity is striving to achieve the highest moral state of man and society.

Keywords: God, unity, man, hierarchy, being, existence, history, civilization.

To cite:

Perekhod S.O. [Man as a guide of the divine idea of unity into our world]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 16–23 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-16-23>

Рубеж XIX–XX вв. именуется в России «серебряным веком». Это был подлинный Ренессанс в культурной сфере, который характеризовался продуцированием новых идей в духовной жизни и в религиозном сознании. Материалистические взгляды многих философов трансформировались в метафизическое восприятие смысла бытия. В этот период осуществлялись интенции идеологии всеединства. Русская философская культура выработала собственное представление об онтологических особенностях феномена всеединства.

Л.П. Карсавин отмечал, что метафизика всеединства имеет свои корни в философских системах Платона, Плотина, средневековых схоластов, в догматическом богословии Запада и мусульманского Востока, в сочинениях Златоуста, Эригены, Фомы Аквинского, Джорджано Бруно, Франческо Патриции, Николая Кузанского, Лейбница, Шеллинга и Гегеля [Карсавин Л.П., 1993]. Появилось стройное учение, вошедшее в мировую философию под названием метафизика всеединства. В.С. Соловьева можно по праву назвать основоположником классической русской религиозной философии. Представители русского Ренессанса (братья Трубецкие, П.А. Флоренский, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, В.Ф. Лосев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и др.) являются последователями В.С. Соловьева, их

труды обогатили и развили теорию идеи всеединства [Русские философы..., 1993–1996].

Всеединство в работах русских философов представлено как многосмысловое понятие, включающее в себя: содержание Абсолюта, которое несут в себе все элементы мироздания; идеальное представление Бога о мире; принцип устройства мироздания (его матрица); конечная цель нашего бытия. Один из главных вопросов русской религиозной философии — роль человека в процессе воплощения интенций всеединства.

Цель статьи — анализ изысканий русских религиозных философов, которые касаются миссии человека в процессе восстановления всеединства мира. Задачи статьи — раскрыть процесс воплощения божественной идеи в природный мир, показать иерархическую структуру человека как носителя идеи всеединства, рассмотреть этапы мировой истории и место человека в историческом процессе.

В статье были использованы следующие методы исследования: историко-философский, аксиологический и метафизический. Научная новизна заключается в следующем: на данном материале показано, что метафизика всеединства является формирующей парадигмой в развитии восточно-христианской философии. Исследование в данной статье имеет теоретико-методологическую направленность, что

позволяет расширить инструментарий для изучения генезиса метафизики русской философской школы.

При многообразии форм человеческого самопознания выделяют три основных воззрения о существе и назначении (роли) человека. Согласно Ветхозаветному представлению, человека рассматривали как существо слабое, подчиненное и поработанное силами природы. Пушкин в своем стихотворении определил его как «дрожащая тварь». Хотя античный человек уже не считал себя «дрожащей тварью» и осознавал связь с богами, но представлял богов могущественными или даже враждебными по отношению к нему, поэтому человек чувствовал страх и свою зависимость от высших сил. В эпоху Ренессанса и в течение последующих веков человек начал ощущать себя хозяином собственного бытия. Человек почувствовал себя земным богом, стремился к самостоятельности и свободе. Человек отвергает власть Бога (теократию), пытаясь заменить ее своей властью (антропократией).

Третье понятие сущности и роли человека дает христианство. Это сознание человека предполагает веру в абсолютную ценность и истонное родство человеческого духа с высшим началом. Сущность христианства заключается в идее богоподобия человека. Эта идея содержалась в Ветхом завете, где предполагалось, что дух Божий есть источник человеческой жизни. Но религиозная идея богоподобия и богородства человека получила актуальное значение только в христианском сознании, а откровение Христа о Боге стало первоисточником этого нового сознания.

Религиозное сознание есть иерархическое сознание, т.е. осознанное подчинение трансцендентной власти — свободное служение Богу. Человек есть существо высшего порядка, он потенциально божественен, поэтому его роль — не удовлетворение своих субъективных потребностей, а служение, направленное на реализацию божественных интенций на земле. Следует отметить, что третье (христианское) представление о человеке включает элементы синтеза ветхозаветного представления о зависимости человеческой жизни от Бога и античного представления о высшем достоинстве человека.

Религия — это связь человека с безусловным началом мира. У человека есть множество

потребностей, интересов, идей, мнений, которые составляют центры его жизни и сознания. Иногда, когда нет единства и согласия в жизни и сознании человека, его мыслительная активность, физические действия, поступки и состояние души находятся в разладе, представляя иногда *бесцельные явления* жизни. Но когда появляются согласие, понимание, смысл, цель и единство в жизни и сознании человека, тогда все его действия, мысли, чувства оформляются в *необходимые, осознанные, сверенные события*. В.С. Соловьев отмечал, что религия состоит из приведения всех составляющих бытия человека в правильное соотношение к безусловному началу. Человечество не хочет жить в неведении, не согласуя правильность своих действий с неким высшим началом. Однако современная западная цивилизация, отвергнув религиозное начало, пытается найти новое связующее начало жизни, что приводит к нравственной деградации общества.

С.Н. Трубецкой полагал: в реальном мире действуют универсальные законы космического Логоса. Логос — это Божественный разум, который является посредником между Богом и миром [Трубецкой С.Н., 1994]. Согласно восточно-христианской философии, целостность Абсолюта включает два единства: *Логос* (единство божественного творчества) и *Софию* (осуществленное единство). Аналогично в человеке существуют два вида единства: душа (деятельное единство) и единство органического тела, произведенное душой. Представители русской религиозной философии считали, что Христос представляет первого вида единство (Логос), а единство второго вида (София) есть человеческое начало. Единство души человека поддерживается тремя составляющими: 1) я — чувственно-эмоциональная сфера, связанная с телом; 2) воля — сверхчувствительная сфера; 3) духовная сфера — направляющее начало. Существует двуединство душевного и телесного бытия, между ними происходит взаимодействие, благодаря чему человек может трансцендировать за границы реальности, где он может получить силы, энергию, любовь для продолжения деятельности в имманентном мире.

Человек есть духовное существо, имеющее отличия от других творений, в которых воплощены определенные частные замыслы Бога. «Человек есть творение, в котором Бог хочет *выразить свое собственное существо* — как ду-

ха, личности, святыни» [Франк С.Л., 1997, с. 424]. Человеческая личность может свободно соединяться с божественным началом, т.к. личность человека имеет безусловное и божественное значение. Человечество должно осознать и понять свою идентичность и свою роль. Человек может реализовать безусловное содержание в своей жизни после того, как он осознает эту безусловную идею в себе, в своем сознании. По мысли русских религиозных философов, западный мир старается нивелировать индивидуальность, самобытность, самоидентификацию личности человека, чтобы получить хорошо управляемых индивидов с разрозненными интересами, с материальными и плотскими желаниями, с отсутствием нравственных ограничений, с полной вседозволенностью. В таком социуме человек отрицает в себе высшее начало и самого Бога.

Человек имманентен и трансцендентен, т.к. в нем присутствуют три элемента или три ипостаси: 1) материальная сущность человека и его внутреннее психофизическое состояние; 2) человеческое начало, которое представляет разум; 3) божественное начало, в потенциальном виде вкладываемое в душу человека с рождения. Цель человеческого существования — добровольно подчинить человеческое начало божественному как благу и стать связующим звеном между Богом и природой, преобразуя бытие согласно божественным интенциям. В.С. Соловьев вывел следующее определение идеи или достойного вида бытия: «она есть полная свобода составных частей в совершенном единстве целого» [Соловьев В.С. 1966а, с. 44].

Человечество творит историю, состоящую из природных и механических процессов, которые являются средствами или условиями реализации внутреннего *содержания*, оно независимо от материальных условий, т.к. является *безусловным*. Такое содержание есть *идея*. Не только физические, но и духовные силы человечества (*воля, разум, чувство*) являются способами осуществления идеи. Благодаря рефлексии, человек анализирует факты своей внутренней и внешней деятельности. Именно воля, разум и чувства помогают человеку различить *благо, истину и красоту*. Безусловное начало, действительность Бога не могут быть доказаны логически, они принимаются верой. Если существование внешней абсолютной действительности познаются путем веры, то содержание этой действительности по-

стигается через опыт — откровение. Религиозная истина постепенно открывалась человечеству на протяжении его исторического развития. История — это развитие, а значит, существуют определенные законы этого развития, содержание и конечная цель.

Русские религиозные философы XIX–XX вв. отмечали, что наш мир состоит из нетождественных субъектов, несущих свою субъективную идею. Отношения между индивидами с разными идеями должны уравниваться чем-то общим для них, т.е. всеединой идеей. Носителем этой идеи является Бог, он наполняет бытие и сознание человека безусловным содержанием. Следовательно, образ Бога (*идея*) есть априорная онтологическая основа человеческого существования, образ Бога представляет потенциальность. Подобие Бога (*реальность*) рассматривается как заданность человеческого бытия.

Бог не создал человека как идеальную завершенную личность, в которой бы образ и подобие (идея и действительность) соответствовали друг другу. Своеобразие и особенность человека заключаются именно в свободе действий человека для создания своего идеального образа [Булгаков С.Н., 1994].

Бог дал человечеству власть господствовать на земле, используя творческую свободу. Дух человека доминирует над его низшими уровнями. Если нижние слои человеческой структуры позволяют ему соприкасаться с растительным и животным мирами, то высшие слои — ум и дух — позволяют человеку преображать и одухотворять физический и животный миры.

Богopodobие невозможно определить одним понятием. Образ Божий в человеке вырастает до беспредельности и не имеет границ, как и сам Бог. Личность богopodobна именно в том, что она есть целый бесконечный мир. Однако, как отмечал Б.П. Вышеславцев, если человек как образ несет в себе существенные черты прообраза (Бога), которые непостижимы, тогда сущность человека должна иметь непостижимые черты, такие как свобода, творчество, любовь, духовность, таинственность, трансцендентность.

В.С. Соловьев в своем труде «Чтения о Богочеловечестве» писал о том, что человек, получив идею всеединства от Бога, со временем хочет признать ее своей, таким образом, запускается процесс отдаления человека от Бога, в мире сознания человека начинается хаос под

доминантой материального начала [Соловьев В.С., 1966d].

Человек добровольно отделился от Бога и добровольно должен преодолеть эту изоляцию, чтобы завершить свою миссию — восстановление всеединства человеческого бытия. В течение трех эпох теогонического процесса, которым соответствуют три периода мирового развития, происходит возвращение человека к Богу.

1. «Астральная эпоха. Человек поклоняется природе, обожествляя ее. Божество рассматривается как нечто чужое.

2. Солярная эпоха. Человек поклоняется божееству, представляя его стоящим над ним.

3. Теогоническая эпоха. Человек начинает воспринимать Божественное начало в самом себе» [Переход С.О., 2022, с. 161].

Для выполнения своей роли — преобразования бытия, — человек имеет особую иерархическую структуру: некий микрокосмос, связанный с макрокосмосом. Б.П. Вышеславцев выделил следующие элементы и энергии, которые связывают человека с природным и божественным мирами: физико-химическую энергию, живую клетку («биос»), психическую энергию, личное-бессознательное, сознание (животная душа), духовное сознание (дух), самость. Самость метафизична, это — высшая мистическая ступень, она формирует и определяет нашу личность [Вышеславцев Б.П., 1994]. Самость есть единство и слияние душевного и духовного бытия. По словам С.Л. Франка, личность как самость, принимает и проводит сверхестественные идеи и силы в наш мир [Франк С.Л., 1990].

Особое место в русской философии занимает проблема Христа. Церковь есть человечество, соединенное Иисусом с божественным началом. Во Христе заключается высший закон человеческого бытия. Когда человек принимает Христа внутренним способом, он осознает второстепенность и неистинность материальной жизни, ему открывается благо духовной жизни, которой он подчиняет свою плотскую жизнь, освобождаясь от греха. Внешняя форма принятия Христа заключается в «признании чудесного воплощения Божественного существа (Христа) для спасения людей и принятие Его заповедей по букве как внешнего, обязательного закона» [Соловьев В.С., 1966d, с. 173]. Примером внешней формы принятия Христа может служить западный мир, где Римско-католическая

церковь является представителем человеческого начала. Восточная православная церковь, приняв Христа внутренним образом, несет божественное начало в мир. Анализируя феномен Христа, философы пришли к выводу, что во Христе происходит добровольное подчинение божественному началу в форме субъективного психологического процесса, в то время как в человеческом обществе это происходит в форме объективного исторического процесса.

Историю человечества следует рассматривать в метафизическом пространстве и времени. Аксиологическая основа человеческого бытия реализуется как потенция (замысел) Бога. История полна драматических моментов: революций, конфликтов, войн, т.к. отношения человека с Богом строятся на основе свободы выбора между добром и злом, на принципе созидания или разрушения [Бердяев Н.А., 1990]. Исторический период — долгий и трудный переход от зверочеловечества к богочеловечеству. Исторический процесс идет согласно определенному закону и имеет следующие составляющие: 1) внутренний смысл — реализация замысла Бога о бытии; 2) инструментальный — методы и способы реализации идеи всеединства; 3) проводника — человека; 4) конечную цель — достижения идеи всеединства, богочеловечество [Переход С.О., 2022].

Следует отметить, что имманентный мир тождественен трансцендентному по составу, но отличен по форме бытия. Природный мир состоит из таких же элементов, что и божественный мир, только в последнем существует порядок, единство всего, а в первом господствуют хаос и скрытая потенция к гармонизации и структурированию. Природный мир существует в пространстве и во времени. По закону бытия и по плану мироздания порядок в природном мире будет восстановлен через определенное время после прохождения всех этапов мирового развития, когда будет достигнуто тождество двух миров и история закончится.

Итак, подводя итоги, можно выделить следующие положения: создавая человека, Господь определил ему роль — через самопознание и самоусовершенствование внутренней сути человек должен изменить реальный имманентный мир, который стал бы един с абсолютным трансцендентным миром. Человечеству суждено преобразоваться в Богочеловечество,

реализовав все заложенные априорные потенции Бога. В.С. Соловьев отмечал, что «богочеловек отличается от простого человека не как идеал представленный, а как идеал осуществленный» [Соловьев В.С., 1966b, с. 222].

Для выполнения Божественного замысла — преобразование реального мира и усовершенствование самого себя — человек получил свойства и характеристики, которые отличают его от остального живого мира, что дает возможность изменить окружающий материальный мир и свою внутреннюю сущность. Особые свойства и возможности человека отражены в его иерархической структуре, которая состоит из семи ступеней, все ступени соответствуют этапам космического бытия. Все иерархические уровни человека помогают ему взаимодействовать с низшими и высшими слоями бытия. Высшая ступень — самость формирует личность человека, обладающего душой, именно через душу Бог осуществляет помощь человеку, посылая ему благодать [Переход С.О., 2023].

Воплощение Божества в человечество и реализация идеи всеединства входит в общий план мироздания. Для этого Бог создал человека по своему образу и подобию. Образ представлен как идея, как онтологическая основа человеческого бытия. Подобие рассматривается как творческая реализация этой идеи в действительности. Существует несоответствие между образом и подобием, которое объясняется намеренным решением Бога. Бог дал человеку матрицу существования мира (идею всеединства), но предоставил ему свободу действий: принимать божественную идею или отвергать ее. В свободе совершается откровение Бога человеку и откровение человека Богу. Свобода стала источником движения, внутренних конфликтов, противоречий, она объясняет трагедию человеческой истории. В силу того, что безусловное начало не допускает насилия и исключительности, взаимодействие всех сил и элементов бытия должно быть свободными.

Весь жизненный путь человека — это путь самопознания. Одна из ступеней самопознания представлена самоопределением человека по отношению к миру. Но на первом этапе человечество захотело самоутвердиться и почувствовать свою исключительность вне Бога. Грехопадение стало величайшей религиозной катастрофой. После грехопадения человек захотел

самостоятельно строить свою судьбу. Бог был отвергнут. В.С. Соловьев отмечал, что современная западная цивилизация, отвергнувшая религиозное начало, оказалась бессильной в новой форме существования. «Эта цивилизация, однако, стремится вне религиозной сферы найти некоторые связующие начала для жизни и сознания, стремится заменить чем-нибудь отвергнутых богов» [Соловьев В.С., 1966d, с. 4]. Поскольку в сознании человека заложена потенция идеи всеединства, интуитивно человек на протяжении своего исторического развития стремится отыскать и познать истину. После неудачных попыток самоутверждения вне Бога, испытав всю несостоятельность своей исключительности и независимости, изведав неуспех в своем стремлении к исключительному господству, человечество в конце истории будет готово принять откровения истинной религии. Религиозный процесс, направленный на поиск и принятие Бога, составляет суть мировой истории. В религии выделяют две задачи: *богооткровение (познание истины)* и *богодействие (реализация истины)*. Взаимоотношения между Богом и человеком были драматичны, они характеризовались конфликтом между свободой и необходимостью.

С.С. Хоружий отмечал, что человек причастен Богу онтологически: своими конкретными устремлениями, внутренними установками, импульсами, которые должны вырабатываться и поддерживаться [Хоружий С.С., 1994].

Бог определил закон бытия, согласно которому человечество вершит свою судьбу, преобразуя наш материальный мир по образу божественного мира. Божественное начало оказывает влияние на человека: оно подавляет и ограничивает проявление «злой воли», просвещает (открывает человеку истину идеального бытия), проникает в душу человека и перерождает ее [Булгаков С.Н., 2000].

Задача человечества — достичь совершенного уровня развития жизни путем реализации идеи всеединства в трех сферах человеческой деятельности: гносеологической, нравственной и социальной. Человек получает знание и представление о нашем мире при помощи мистически-интуитивного, умозрительного и эмпирического способов познания, единство которых представляет, согласно формулировке

В.С. Соловьева, *свободную теософию* [Соловьев В.С., 1966с].

Экономика, государство и Церковь составляют социальную сферу нашего бытия. Экономическая деятельность направлена на сохранение и преобразование природы для улучшения экономического уровня жизни. Государство (политическая форма общества) занимается организацией людей, обеспечивая их гарантиями, законами и правами. Церковь дает человеку источник духовной жизни, понятие о нравственных нормах, способствует моральной эволюции общества. Представители русской религиозной философии считали, что административная и сакральная власть должны быть сосредоточены в руках лидера, который пользуется непрекословным авторитетом. Такая форма власти может рассматриваться как частный пример понятия «богочеловечества» — *свободная теократия*.

Свободная теургия рассматривается как всеединство в области творчества. В.С. Соловьев выделил три вида творчества: техническое искусство (зодчество), изящное художество (живопись, музыка, литература), религиозное искусство (молитва, литургия, иконография, написание боговдохновенных книг). Цель человечества заключается в организации своей жизни путем достижения всеединства трех сфер: теургии, теократии и теософии. Во всех областях человеческого бытия действуют законы высшего порядка. Человеческая нравственность, нравственный порядок, установленный Богом, составляют основу преобразования и построения гармоничного общества.

История человечества имеет онтологический смысл, она конечна. После выполнения замысла Бога история заканчивается там, где и началась — в недрах Абсолюта. Разные народы и типы цивилизаций реализуют определенные исторические задачи. У каждой цивилизации свой исторический путь. «Если западная цивилизация имела своей задачей, своим мировым назначением осуществить отрицательный переход от религиозного прошлого к религиозному будущему, то положить начало самому этому религиозному будущему суждено другой исторической силе» [Соловьев В.С., 1966d, с. 14].

У России свой путь и своя историческая задача. Россия держалась и строилась памятью о Боге. История показывает нам, что каждый раз проходя через тяжелые испытания, потрясения,

потери, русский народ укреплялся в вере, восстанавливал свои духовные силы. Русский народ обладает богатейшими качествами души, этих героев духа необходимо ценить и чтить. [Ильин И.А., 1993]. В.С. Соловьев, исходя из того, что в основе русской истории и русского национального бытия лежит Божий замысел, полагал, что задача России — этот замысел реализовать. Понять этот замысел и пути его реализации способна, по Соловьеву, только философия Всеединства.

Список литературы

- Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.
- Булгаков С.Н.* Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. 1. М.: Общедоступный православный ун-т, 2000. 464 с.
- Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
- Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. С. 153–324.
- Ильин И.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Наши задачи: статьи 1948–1954 гг. М.: Русская книга, 1993. Кн. 1. 496 с.
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. 350 с.
- Переход С.О.* Идея всеединства в русской философии и духовной культуре. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2023. 166 с.
- Переход С.О.* Метафизический аспект культурной идентификации русской цивилизации. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2022. 202 с.
- Русские философы: конец XIX – середина XX века: в 3 вып. / сост. А.Л. Доброхотов и др. М.: Кн. палата, 1993–1996. 357 с., 423 с., 325 с.*
- Соловьев В.С.* Красота в природе // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 12 т. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. Т. 6. С. 33–74.
- Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 12 т. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. Т. 8. С. 3–516.
- Соловьев В.С.* Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 12 т. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. Т. 1. С. 25–407.
- Соловьев В.С.* Чтения о богочеловечестве // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 12 т. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. Т. 3. С. 3–185.
- Трубецкой С.Н.* Учение о Логосе в его истории // Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. С. 43–480.

Франк С.Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия // Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. С. 207–431.

Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 181–559.

Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетея, 1994. 448 с.

References

Berdyaev, N.A. (1990). *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow: Mysl' Publ., 176 p.

Bulgakov, S.N. (1994). *Svet nevecherniy* [Non-Evening Light]. Moscow: Respublika Publ., 415 p.

Bulgakov, S.N. (2000). *Agnets Bozhiy. O Bogochelovechestve. Ch. 1* [The Lamb of God. On Godmanhood. Part 1]. Moscow: Obschedostupnyy Pravoslavnyy Universitet Publ., 464 p.

Dobrokhoto, A.L. et al. (eds.) (1993–1996). *Russkie filosofy kontsa 19 – nachala 20 veka: v 3 vyp.* [Russian philosophers of the late 19th-early 20th centuries: in 3 iss.]. Moscow: Knizhnaya Palata Publ., 357 p., 423 p., 325 p.

Frank, S.L. (1990). [Incomprehensible]. *Frank S.L. Sochineniya* [Frank S.L. Works]. Moscow: Pravda Publ., pp. 181–559.

Frank, S.L. (1997). [Reality and Man: an essay in the metaphysics of human nature]. *Frank S.L. Real'nost' i chelovek* [Frank S.L. Reality and Man]. Moscow: Respublika Publ., pp. 207–431.

Il'in, I.A. (1993). *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 2: Nashi zadachi: stat'i 1948–1954 gg.* [Collected works: in 10 vols. T. 2: Our tasks: articles 1948–1954]. Moscow: Russkaya kniga Publ., book 1, 496 p.

Karsavin, L.P. (1993). *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. St. Petersburg: AO Komplekt Publ., 350 p.

Khoruzhiy, S.S. (1994). *Posle pereryva. Puti russkoy filosofii* [After a break. The ways of Russian philosophy]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 448 p.

Perekhod, S.O. (2022). *Metafizicheskiy aspekt kul'turnoy identifikatsii russkoy tsivilizatsii* [Metaphysical aspect of cultural identification of Russian civilization]. Simferopol: CFU Publ., 202 p.

Perekhod, S.O. (2023). *Ideya vseedinstva v russkoy filosofii i dukhovnoy kul'ture* [The idea of Unity in Russian philosophy and spiritual culture]. Simferopol: CFU Publ., 166 p.

Solovyov, V.S. (1966). [Beauty in nature]. *Solov'yev V.S. Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Solovyov V.S. Collected works: in 12 vols]. Brussels: Zhizn' s Bogom Publ., vol. 6, pp. 33–74.

Solovyov, V.S. (1966). [Justification of good]. *Solov'yev V.S. Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Solovyov V.S. Collected works: in 12 vols]. Brussels: Zhizn' s Bogom Publ., vol. 8, pp. 3–516.

Solovyov, V.S. (1966). [Philosophical principles of integral knowledge]. *Solov'yev V.S. Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Solovyov V.S. Collected works: in 12 vols]. Brussels: Zhizn' s Bogom Publ., vol. 1, pp. 25–407.

Solovyov, V.S. (1966). [Readings on Godmanhood]. *Solov'yev V.S. Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Solovyov V.S. Collected works: in 12 vols]. Brussels: Zhizn' s Bogom Publ., vol. 3, pp. 3–185.

Trubetskoy, S.N. (1994). [Doctrine of the Logos in its history]. *Trubetskoy S.N. Sochineniya* [Trubetskoy S.N. Works]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 43–480.

Vysheslavtsev, B.P. (1994). [The Eternal in Russian philosophy]. *Vysheslavtsev B.P. Etika preobrazhennogo erosa* [Vysheslavtsev B.P. Ethics of the transfigured Eros]. Moscow: Respublika Publ., pp. 153–324.

Об авторе

Переход Станислав Олегович
кандидат философских наук,
сотрудник научной библиотеки

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
295007, Республика Крым, Симферополь,
пр. Академика Вернадского, 4;
e-mail: perehod1974@yandex.com
ResearcherID: IWW-2660-2023

About the author

Stanislav O. Perekhod
Candidate of Philosophy,
Research Library Employee

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, Academician Vernadsky av., Simferopol,
Republic of Crimea, 295007, Russia;
e-mail: perehod1974@yandex.com
ResearcherID: IWW-2660-2023

УДК 111.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-24-32>

Поступила: 21.11.2023

Принята: 25.02.2024

Опубликована: 11.04.2024

НЕБЫТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Свергузов Анвер Тяфикович

Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань)

В современной физике распространенным является утверждение о возникновении Вселенной из «ничто» («ничего»). Это непосредственным образом делает актуальным в философии не только интерпретацию проблемы происхождения Вселенной, но и проблему небытия. Мировоззренческая для физики проблема небытия требует решения, прежде всего, в самой философии. Ситуация в отечественной философии такова, что естественнонаучные способы решения проблемы предлагаются в двух крайних формах — категория небытия либо отрицается, либо рассматривается в значении «абсолютное небытие». Речь идет о диалектическом материализме в традиционной форме и «философии небытия», в которых под субстанцией понимаются соответственно материя и «абсолютное небытие». Эти подходы используют диалектическую методологию, поэтому являются альтернативными друг для друга. Отсутствие обоснованного философского решения проблемы отражается на физическом уровне понимания. Отмечается существование в физике искаженного понимания смысла категории небытия, что проявляется в некорректном использовании категорий «ничто» и «ничего». Выявляется физическая интерпретация категории небытия, которая говорит о неправомерности претензий «философии небытия» на легитимизацию своей концепции физическими представлениями. Указывается, что категория «абсолютное небытие» в физической картине мира не имеет смысла. Констатируется существование в «философии небытия» категориальной избыточности и, как следствие, путаницы при осмыслении категории небытия. Делается вывод о необходимости адекватного диалектико-материалистического решения философской проблемы небытия, что требует ее пересмотра. Темой дальнейших исследований может стать поиск общепринятого онтологического определения материи, без которого решение проблемы небытия не может быть законченным.

Ключевые слова: материя, небытие, абсолютное небытие, вакуум, Вселенная.

Для цитирования:

Свергузов А.Т. Небытие в современной физической картине мира // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 24–32. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-24-32>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-24-32>

Received: 21.11.2023

Accepted: 25.02.2024

Published: 11.04.2024

NOTHINGNESS IN THE MODERN PHYSICAL PICTURE OF THE WORLD

Anver T. Sverguзов

Kazan National Research Technological University (Kazan)

In modern physics, there is a common statement about the origin of the Universe from «nothing». This directly makes relevant in philosophy not only the interpretation of the problem of the Universe's origin but also the problem of nothingness. The philosophical problem of nothingness for physics requires a solu-

tion, first of all, in philosophy itself. The situation in Russian philosophy is such that natural-scientific ways of solving the problem are offered in two extreme forms – the category of nothingness is either denied or considered in the meaning of «absolute», which is the case of dialectical materialism in the traditional form or the «philosophy of non-existence», with substance understood as matter or «absolute nothingness» respectively. These approaches use a dialectical methodology, therefore they are alternative to each other. The lack of a reasoned philosophical solution to the problem is reflected on the physical level of understanding. The paper notes a distorted understanding of the meaning of the category of nothingness in physics, manifested in the incorrect use of the category «nothing». The study reveals a physical interpretation of the category of nothingness that speaks of wrongfulness of the claims of the «philosophy of nothing» to legitimization of its concept by physical representations. It is indicated that the category of «absolute nothingness» in the physical picture of the world does not make sense. The categorical redundancy in the «philosophy of nothingness» and, as a consequence, confusion in the understanding of the category of nothingness is stated. It is concluded that there is a need for an adequate dialectical-materialistic solution to the philosophical problem of nothingness, which requires its revision. Further research could focus on the search for a generally accepted ontological definition of matter, without which the solution to the problem of nothingness cannot be complete.

Keywords: matter, nothingness, absolute nothingness, vacuum, Universe.

To cite:

Sverguzov A.T. [Nothingness in the modern physical picture of the world]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 24–32 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-24-32>

Постановка проблемы

Между философией и физикой существует тесная взаимосвязь. Вот как, например, А.Л. Симанов характеризует методологическую роль философии: «Методологическая функция философии в физическом познании реализуется, прежде всего, в конструктивной и нормативно-регулятивной формах, т.к. физика с самого начала вынуждена использовать внетеоретические, философские, точнее, метафизические положения, именно в силу предельной общности понятий, лежащих в ее основании (пространство, время, однородность и др.)» [Симанов А.Л., 2019, с. 92]. Проблема взаимосвязи философии с физикой может возникнуть, например, когда отсутствует адекватный методологический ответ со стороны философии на решение физических проблем. Непосредственной причиной этому может быть нерешенность проблемы в самой философии. Актуальность такой ситуации А.Л. Симанов характеризует как «проблему полноты философии науки в физике». В физике она может проявляться, например, в некорректном использовании философских категорий.

Существуют понятия, которые являются одновременно и физическими, и философскими.

В ряду фундаментальных понятий, лежащих в основании современной физики, находятся также понятия, которые не являются философскими, но непосредственно связаны с философскими категориями. «Околофилософская» их специфика проявляется в том, что обобщающим логическим шагом по отношению к ним является философская категория. Такой шаг может происходить со стороны физики. Прежде всего, к таким понятиям относится «вакуум», и распространенным его обобщением, которое предлагается многими физиками, является понятие «ничто» (или «ничего»). Утверждается, что Вселенная возникла из «ничто».

Можно утверждать о существовании в современной физике запроса на философское решение проблемы небытия. Естественна научные способы решения предлагаются материалистической философией и «философией небытия». Имеет смысл говорить о противостоянии диалектических методологий, предлагаемых диалектическим материализмом (подробнее см.: [Свергузов А.Т., 2022]) и рационалистическим вариантом «философии небытия» (подробнее см.: [Свергузов А.Т., 2023]). Это альтернативные подходы к небытию. Отметим, что традиционный диалектический материализм, по

нашему мнению, неправомерно игнорировал категорию небытия, что требует пересмотра. Существующая в физике мировоззренческая ситуация активно используется «философией небытия», для которой субстанцией является «абсолютное небытие». Для выявления адекватности этих философских методологий актуальным является рассмотрение физической интерпретации смысла категории «небытие».

Результаты исследования

С точки зрения материализма, вакуум, из которого возникла Вселенная, является видом материи. В материализме по отношению к вакууму обобщающим логическим шагом является философская категория материи. Однако в современной физике, начиная с самого А. Эйнштейна, можно выделить устойчивое представление, что методологическим обобщением вакуума является небытие. Например, советский академик, физик-космолог Г.И. Наан в 1969 г. отождествлял понятия «ничто» и «вакуум»: «Ничто, т.е. вакуум, выступает в качестве основной субстанции, первоосновы бытия» [Бесконечность и Вселенная, 1969, с. 24]. Характерным является следующее утверждение британского физика-теоретика П. Девиса: «Тысячелетиями человечество верило, что “из ничего не родится ничто”. Сегодня мы можем утверждать, что из ничего произошло все» [Девис П., 1989, с. 225]. В 2012 г. американский физик-теоретик и космолог Л. Краусс писал: «...для меня на сегодня самый привлекательный и правдоподобный вариант — это предположение, что Вселенная возникла из ничего» (в русском переводе: [Краусс Л.М., 2020, с. 258]). И в настоящее время многие, например, российские физики трактуют современную физику, по сути, с этих позиций: «Философская проблематика обостряется тем обстоятельством, что в рамках геометродинамики физические явления материального мира трактуются как проявления внутренней динамики, неотъемлемо присущей “пустому” искривленному пространству, как бы без материи. При этом геометродинамика в современной фундаментальной физике имеет статус одной из наиболее разработанных концепций» [Минасян Л.А. и др., 2019, с. 118].

Можно констатировать, что в физике в вопросе о происхождении Вселенной распространенным вариантом является решение «из ниче-

го». С точки зрения материализма ставится, по сути, вопрос о происхождении «из ничего» самой материи. Это, по нашему мнению, подталкивает материалистическую философию к пересмотру не только традиционного отношения к проблеме небытия, но и проблемы определения материи.

В «философии небытия» утверждение физиков «происхождение Вселенной из ничего» интерпретируется как происхождение Вселенной из «абсолютного небытия». Вакуум, в котором возникла Вселенная, может характеризоваться как объект, «состоящий из ничего». Предлагается следующее диалектическое обоснование, которое можно назвать принципом самоотрицания небытия. Он, по нашему мнению, противостоит традиционному диалектическому принципу тождества бытия и небытия. «Поскольку в вакууме нет ничего, кроме ничего, то “не” обращается на себя, подвергается действию этого “не”, а тем самым и производит нечто, как минус на минус дает плюс» [Эпштейн М.Н., 2013, с. 30]. Вакуум понимается как абсолютное небытие, которое «диалектически» отрицает себя и тем самым порождает бытие. Здесь кроме философской интерпретации наблюдается также попытка изменения смысла физического понятия «вакуум», что должно являться, по нашему мнению, компетенцией физического познания. Доказательством того, что вакуум есть не «ничто», генерирующее Вселенную, а вид материи, является Нобелевская премия по физике 2013 г. Она присуждена за теоретическое открытие и экспериментальное подтверждение физического строения вакуума. Согласно открытию, вакуум состоит из материальных частиц — «бозонов Хиггса». Более того. «В настоящее время имеются экспериментальные подтверждения существования трех вакуумных подсистем — дираковский вакуум квантовых нулевых колебаний полей, кварк-глюонный хромодинамический вакуумный конденсат и хиггсовский вакуумный конденсат» [Минасян Л.А. и др., 2019, с. 125].

Философская и физическая интерпретации философских понятий могут различаться. На это указывает, например, А.Л. Симанов: «Это, однако, не означает, что физические теории, независимо от степени их общности, включают эти понятия в свою структуру в их философском виде» [Симанов А.Л., 2019, с. 93]. Ярким примером является категория небытия. Физическое утвер-

ждение «происхождение Вселенной из ничего» является неправомерным, т.к. искажает физический смысл утверждения. Возникает ситуация, когда физики не используют философский смысл категории «ничего», а философы могут не придать значения физическому смыслу категории. Поэтому прямые ссылки на это утверждение могут быть некорректны (см., напр.: [Солодухо Н.М., 2002, с. 31; Свергузов А.Т., 2022, с. 47]). Во-первых, физический смысл категории «небытие (ничто, ничего)» исключает категорию «абсолютное небытие» как не имеющую физического значения и означает, говоря философским языком, «относительное небытие». Например, Л. Краусс в книге с некорректным, по нашему мнению, для физики названием «Все из ничего: как возникла Вселенная» философскую категорию «абсолютное небытие» («настоящее», «подлинное» ничто в его терминологии) обозначает «интеллектуальным надувательством» и «отвлеченными и бесполезными дебатами о природе небытия» [Краусс Л.М., 2020, с. 24]. Отметим, что не только категория «абсолютное небытие», но и «относительное небытие» в физике не употребляется. Во-вторых, в физике категория «небытие (ничего, ничто)» фактически употребляется как синоним понятий, имеющих конкретное содержание: «пустое пространство», «вакуум», «квантовый вакуум» [Краусс Л.М., 2020, с. 23; Обладович С., 2018, с. 63–64].

Если говорить о проблеме небытия в самой философии, то она не предлагает адекватного решения. По нашему мнению, в философском понимании проблемы наблюдается терминологическая неразбериха. В связи с этим отметим статью А.Л. Симанова с «говорящим» названием «Нужна ли фундаментальной физике философия?», в которой он справедливо пишет следующее: «Сложность решения проблем, связанных с влиянием философии на развитие физики, в известной степени обусловлена отсутствием четкости в категориальном аппарате, при помощи которого они анализируются» [Симанов А.Л., 2018, с. 114]. С одной стороны, категория небытия отвергается как не имеющая фундаментального онтологического значения. Это характерно, например, для традиционного диалектического материализма (подробнее см.: [Свергузов А.Т., 2021]). С другой стороны, категория «небытие (ничто, ничего)» существует в виде множества дублирующих друг друга поня-

тий. К таким, например, следует отнести: изначальное небытие, общее небытие, реальное небытие, небытийное небытие, небытие-до-бытия, небытие-без-бытия, в-себе-небытие, бытийное небытие, небытие-при-бытии, небытие-для-другого, реальность несуществования, реальность отсутствия, несуществующая реальность, отсутствующая реальность, реальная пустота, тривиальная пустота, виртуальная пустота, бытийный вакуум, философский вакуум и т.п.

Более того, эта путаница может распространяться и на физические понятия. Например, предлагается «вакуум» разделить на физическую и философскую составляющие. «Физический вакуум может рассматриваться как проявление бытийного вакуума, т.е. изначального ничто, из которого по теологическим понятиям сотворен мир, а по космологическим понятиям родилась наша вселенная» [Эпштейн М.Н., 2013, с. 29]. В лучшем случае предлагается трактовать физический вакуум как посредник между абсолютным небытием и бытием: «Механизм такого перехода от небытия к бытию лежит, вероятнее всего, через физический вакуум, микрочастицы которого представляют собой виртуальные частицы, их реальное существование определяется соотношением неопределенности Гейзенберга, делая эти частицы одновременно и существующими и несуществующими» [Солодухо Н.М., 2004, с. 58]. По нашему мнению, виртуальные частицы являются «существующими», т.к. они все же существуют, хотя и отличаются от обычных частиц меньшим временем существования. Добавим, что вопроса о возникновении вакуума в физике не ставится. Вакуум рассматривается в качестве исходной физической абстракции, фундамента бытия.

По нашему мнению, для устранения терминологической путаницы в научном познании следует использовать принцип простоты. Элементарного набора категорий для методологической характеристики ситуации в физике (и самой философии) достаточно. Избыточность понятий вокруг категории «небытие (ничто, ничего)» редуцируется без потери смысла к двум исходным философским категориям — «абсолютное небытие (ничто, ничего)» и «относительное небытие (ничто, ничего)». Все дополнительные понятия, которые пытаются ввести в научный оборот, сводятся, по сути, к этим категориям, имеющим законченное онтологи-

ческое значение. В этом случае, например, физическое утверждение «происхождение Вселенной из ничего» требует конкретизации, т.к. является двусмысленным. «Ничего» означает либо «абсолютное небытие», либо «относительное небытие».

Адекватную методологию интерпретации происхождения Вселенной предлагает диалектико-материалистический подход, отрицающий субстанциональность «небытия». Вакуум — это вид материи, т.к. имеет физическое строение. Утверждение «происхождение Вселенной из ничего», по сути, означает «происхождение Вселенной из относительного ничего». Это предполагает дальнейшую философскую конкретизацию в плане объяснения взаимосвязи «ничего» и материи. Косвенно об этом говорит, например С. Обрадович. «...Вселенная возникла из энергии “пустого” пространства, из квантового вакуума (“все сущее есть рябь на поверхности вакуума”, как образно заметил академик Г.И. Наан), из неформившейся материи, которую весьма условно можно назвать Нечто, но это не означает Ничто» [Обрадович С., 2018, с. 66]. Это утверждение носит диалектический характер: если «неформившаяся материя» не означает «ничто» и есть «весьма условное нечто», то возникает вопрос о взаимосвязи «ничто» с материей. По нашему мнению, здесь содержится запрос на решение проблемы определения материи.

По нашему мнению, философская интерпретация вакуума связана с диалектической идеей взаимосвязи бытия и небытия. Косвенно об этом говорит противоречивость в физике понятия вакуума. С одной стороны, вакуум есть пустота, а с другой стороны, «непустота» как первоисточник Вселенной. Распространены характеристики типа «одновременно существует и не существует», «якобы ниоткуда». Вот пример. «В соответствии с инфляционной теорией Вселенная возникла из “пустоты”, из вакуума, из Нечто. В области вакуума, согласно соотношениям неопределенностей Гейзенберга, на короткий промежуток времени Δt появляется энергия $\Delta E = \hbar/\Delta t$ якобы “ниоткуда”» [Обрадович С., 2018, с. 63]. Вакуум, по сути, диалектичен и предполагает не только небытие, но и бытие. Такой подход вписывается в рамки физического «принципа дополнительности» Бора. Согласно этому принципу, физическое явление

полностью можно описать только взаимоисключающими понятиями. Как видим, принцип отрицает логику абсолютного бытия или абсолютного небытия и предполагает логику взаимосвязи бытия и небытия. Онтологическое значение вакуума понять можно только в рамках этих противоположных по смыслу философских категорий. Они характеризуют противоположные стороны физического вакуума.

Помимо мировоззренческой идеи, описанной в квантовой физике (представление о вакууме как пустоте), подобная идея рождена теорией относительности (представление о пространстве как пустоте). Здесь также существует проблема философской интерпретации. Например, ставится под сомнение известный материалистический тезис: «Или все же почти ставшее клише выражение “пространство и время — формы существования материи” еще имеет методологическую ценность?» [Минасян Л.А. и др., 2019, с. 126]. Дело в том, что теория относительности предлагает, на первый взгляд, трактовку происхождения материи как «искривления пустоты»: «...Материя есть возбужденное состояние динамической геометрии...» [Уилер Дж.А., 1970, с. 15]. «Небытийщики» также трактуют эту идею как доказательство происхождения материи из небытия: «Процесс постоянного пространственно-временного расширения Вселенной должен указывать на существование источников рождения материи из ничего...» [Солодухо Н.М., 2002, с. 33].

Идея субстанциональности пространства является следствием соответствующей интерпретации общей теорией относительности Эйнштейна (ОТО). Теория описывает гравитационное поле как меру искривленности четырехмерного пространства-времени. Идея получила оформление в виде программы «геометризации физики», предполагающей «происхождение» материи как результата искривления пустого пространства. Программа геометризации была поддержана автором теории относительности. А. Эйнштейн до конца жизни пытался ее реализовать. Однако, строго говоря, ОТО не говорит о первичности или вторичности пространства-времени перед «материей». Уравнения ОТО устанавливают лишь связь между кривизной пространства-времени и «материей». Кроме того, в дальнейшем процессе объединения ОТО с квантовой физикой возникли дополнительные

вопросы, ставящие под сомнение идею субстанциональности пространства. Прежде всего, появился вопрос о связи вакуума с пространством-временем.

В настоящее время программа геометризации физики, начатая в рамках ОТО, развивается в виде теории суперструн. Теория трактует суперструну в качестве исходной физической сущности, альтернативной представлению о частице. Массы и заряды частиц соответствуют различным модам резонансных колебаний суперструн. Теория суперструн требует для реализации многомерия, а именно десяти пространственных измерений (М-теория) или одиннадцати пространственных измерений (F-теория). При этом три пространственных измерения развернуты, а дополнительные пространственные измерения свернуты. По нашему мнению, реальное пространство трехмерно, а теоретический конструкт из десяти- или одиннадцатимерного пространства косвенно доказывает взаимосвязь реального пространства и времени с материей. Как и в квантовой физике, в теории суперструн вакуум также рассматривается как исходное состояние физического мира в качестве так называемого «пустого пространства»: «С учетом этих задач возникает вопрос о статусе вакуума и пространства-времени и их взаимообусловленности» [Минасян Л.А. и др., 2019, с. 126]. Более того, ставится вопрос о возможности существования материи вне пространства-времени: «Задача современной физики лежит в русле определения, каким образом и почему именно таким образом материя конструирует собственную пространственно-временную структуру, начиная с конфигурации, в которой пространство и время отсутствуют» [Минасян Л.А. и др., 2019, с. 128].

Таким образом, говорить об идее субстанциональности пространства как единственной интерпретации теории суперструн нельзя. Теория суперструн не подтверждает принципы «философии небытия». Это, конечно, не значит, что идея геометризации материи вредна и не имеет научного смысла. Мировоззренчески (стратегически) неосуществимая, она является методологически (тактически) полезной и продуктивной.

Еще одним мировоззренческим значением в физике, предполагающим методологическую роль небытия, обладает понятие «физический

нуль». Его интерпретация связана с характеристиками физического вакуума. Главный вопрос: имеет ли вакуум энергию равную абсолютному нулю? С точки зрения «философии небытия» равенство энергии вакуума нулю доказывает идею тождественности вакуума и небытия. В философии небытия «физический нуль» считают синонимом «ничто»: «...В современном естествознании появились новые взгляды и аргументы, подтверждающие, что Вселенная, материальный мир берут свое начало из небытия, начинаются с физического ничто, характеризующегося нулевой энергией» [Солодухо Н.М., Волкова М.Н., 2013, с. 170]. Распространены представления типа: в науке все противоположные величины в сумме должны быть равны нулю. Характерным является утверждение А.Н. Чанышева: «...миры и антимир, частицы и античастицы, положительные и отрицательные числа, вообще все противоположное погашает друг друга в небытии и возникает из него как из нуля (система координат) ...» [Чанышев А.Н., 1990, с. 160].

В физике существует так называемая теория «Вселенной с нулевой энергией». Она утверждает о равенстве нулю суммарной энергии Вселенной. Предполагается, что полная энергия равна нулю за счет компенсации положительной энергии, связанной с веществом и гравитационной энергии, которая отрицательна по отношению к веществу. Однако подтверждения эта теория не нашла. Сложим, говоря языком А.Н. Чанышева, «возникающие из нуля миры и антимир». Если говорить о самом вакууме, порождающем виртуальные частицы, то нельзя утверждать, что его энергия равна нулю. Об этом непосредственно утверждает определение: «вакуум (вакуумное состояние...) в квантовой теории поля — основное состояние квантованных полей, обладающей минимальной энергией, нулевыми импульсом, угловым моментом, электрическим зарядом и др. квантовыми числами» [Ефремов А.В., 1988]. Например, виртуальные частицы и античастицы, из которых в том числе возникла Вселенная, друг друга уничтожают, но процесс взаимоуничтожения не дает нулевую энергию. Эту энергию частицы берут не из «ниоткуда», а из объекта согласно закону сохранения энергии, имеющего ненулевую энергию. Понятие «нулевая энергия» вакуума нельзя понимать буквально, т.е. как абсолютный нуль. В

физическом вакууме постоянно происходят флуктуации — так называемые «нулевые колебания» полей. Они обладают так называемой «нулевой энергией», но она не равна нулю. Поэтому, например, физический вакуум нельзя также характеризовать как температурный «абсолютный нуль», который недостижим из-за «нулевых колебаний». Эти нулевые колебания рассматриваются как состояния с виртуально возникающими парами частица-античастица. Эксперименты наличие «нулевых колебаний» вакуума подтверждают. Одними из наблюдаемых проявлений нулевых колебаний являются «лэмбовский сдвиг» (отклонение уровней энергии атомов) и «эффект Казимира» (взаимопритяжение незаряженных проводящих пластин из-за виртуальных частиц).

Кроме того, имеет смысл говорить о состоянии вакуума, характеризуемом «нулевой энергией» лишь с одной стороны. С другой стороны, выделяется также состояние, характеризуемое бесконечной энергией. Эта бесконечность проявляется, например, следующим образом. В возбужденном состоянии любая точка вакуума в так называемом «состоянии сингулярности» может генерировать неограниченное число «нулевых колебаний». Так, например, возникла наша Вселенная.

Вообще, по нашему мнению, теорию «все из нуля» обосновать невозможно даже абстрактно, т.е. математически. Предположим, что сущностью «физического нуля» является некий абстрактный математический «абсолютный нуль». Оказывается, что говорить об «абсолютном нуле» даже в математическом смысле нельзя. Математическое понятие нуля не имеет пустого содержания. Для анализа рассмотрим базовые направления математики, представленными алгеброй, геометрией и анализом. В алгебре «арифметический нуль» является представителем натурального ряда чисел, т.е. обладает набором конкретных свойств. Например, относится к целым и четным числам. Таким образом, хотя нуль и обладает меньшим количеством свойств, чем другие числа, но абсолютным нулем его нельзя считать.

В геометрии «геометрический нуль» — это точка. Точка, по определению, не имеет измерений, это своеобразное «геометрическое ничто». Но здесь речь не идет об абсолютном нуле, т.к. из этого «геометрического ничто» со-

стоят «геометрические нечто», что противоречит понятию «ничто». Например, из точек складывается отрезок.

В математическом анализе традиционным предметом изучения являются последовательности чисел. Для иллюстрации «аналитического нуля» здесь, по нашему мнению, можно выбрать бесконечный ряд чисел в форме так называемого «ряда Гранди» $(1-1+1-1+\dots)$. Его сумма, на первый взгляд, равна абсолютному нулю. Но, оказывается, сумма этого ряда зависит от способа счета и может быть равной 0, $1/2$ или 1. И это не абстрактная математическая игра. В значении $1/2$ (полученном суммированием «методом Рамануджана») ряд оказал влияние на исследования в области квантовой физики. Например, при осмыслении «эффекта Казимира». Хендрик Казимир использовал уравнение, истинность которого доказывалась при помощи «ряда Гранди».

Выводы

Классическая физика легитимизировала антидиалектические представления о бытии и небытии. Бытие отождествлялось с материей, вечными и неделимыми атомами как исходной абстракцией. Небытие редуцировалось к абсолютной пустоте или абсолютному пространству, выполняющему роль местоположения для материальных процессов. Искраженному пониманию бытия соответствовало искаженное понимание небытия.

В современной физической картине мира исходная абстракция — вакуум, — с одной стороны, проявляет себя как конкретный объект, а с другой стороны, как пустота, обладает бытийственными и небытийственными свойствами — неограниченной и «нулевой» энергией. Философскую интерпретацию такому противоречию дает, по нашему мнению, диалектика формулой «все есть ничто». Вакуум «одно временно существует и не существует», проявляет себя как бытие и как небытие. Одно состояние является противоположной стороной, «инобытием» другого состояния.

Современная физика дает урок диалектики, продуцирует и тем самым легитимизирует материалистические диалектические представления, конкретизирует представления о вакууме принцип тождества бытия и небытия. Этот принцип противоречит принципу самоотрица-

ния небытия, лежащему в основе «философии небытия». По нашему мнению, принцип тождества бытия и небытия следует учитывать при исследовании общепринятого онтологического определения материи. Решение проблем небытия и материи не могут быть завершёнными друг без друга.

Список литературы

- Бесконечность* и Вселенная: сб. ст. / ред. В.В. Казютинский и др. М.: Мысль, 1969. 325 с.
- Девис П.* Суперсила: поиски единой теории природы / пер. с англ. Ю.А. Данилова, Ю.Г. Рудого. М.: Мир, 1989. 272 с.
- Ефремов А.В.* Вакуум // Физическая энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров; ред. кол. Д.М. Алексеев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. I. С. 236.
- Краусс Л.М.* Все из ничего: как возникла Вселенная: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 283 с.
- Минасян Л.А., Бейлин В.А., Лещева О.А.* Пространство-время в современной научной картине мира // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 118–129. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440006324-1>
- Обрадович С.* Метафизические аспекты квантовой космологии // Философия науки. 2018. № 4(79). С. 58–67. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20180405>
- Свергузов А.Т.* Диалектический материализм: взаимосвязь категорий «материя» и «небытие». М.: Инфра-М, 2022. 204 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/1095043>
- Свергузов А.Т.* О возможности рациональной концепции абсолютного небытия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 198–206. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-198-206>
- Свергузов А.Т.* Проблема небытия в диалектическом материализме // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 1. С. 160–165.
- Симанов А.Л.* Нужна ли фундаментальной физике философия? Ч. I: Постановка проблемы // Философия науки. 2018. № 2(77). С. 113–126. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20180209>
- Симанов А.Л.* Проблема полноты философии науки в неклассической физике // Философия науки. 2019. № 4(83). С. 88–109. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20190407>
- Солодухо Н.М.* Рассуждения о парадоксе существования небытия и несуществования бытия //

Проблема соотношения бытия и небытия: по материалам Всерос. семинара / под общ. ред. Н.М. Солодухо. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2004. С. 56–59.

Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. 146 с.

Солодухо Н.М., Волкова М.Н. Концепт небытия в дискурсе современных российских философов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 1. С. 163–172.

Уилер Дж.А. Предвидение Эйнштейна / пер. с нем. В.Г. Лапчинского. М.: Мир, 1970. 112 с.

Чанышев А.Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 158–165.

Эпштейн М.Н. Двойное небытие и мужество быть. К философии неустойчивого вакуума // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 28–43.

References

- Chanyshv, A.N. (1990). [A treatise on nothingness]. *Voprosy Filosofii*. No. 10, pp. 158–165.
- Davies, P. (1989). *Supersila: poiski edinoi teorii prirody* [Superpower: the search for a unified theory of nature]. Moscow: Mir Publ., 272 p.
- Efremov, A.V. (1988). [Vacuum]. *Fizicheskaya entsiklopediya, gl. red. A.M. Prokhorov* [A.M. Prokhorov (ed.) Physical encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., vol. 1, p. 236.
- Epstein, M.N. (2013). [Double nothingness and the courage to be. To the philosophy of unstable vacuum]. *Voprosy Filosofii*. No. 4, pp. 28–43.
- Kazyutinskiy, V.V. et al. (ed.) (1969). *Beskonechnost' i Vseennaya* [Infinity and the Universe]. Moscow: Mysl' Publ., 325 p.
- Krauss, L.M. (2020). *Vse iz nichego: kak vznikla Vseennaya* [All out of nothing: how the universe came into being]. Moscow: Al'pina Non-fiction Publ., 283 p.
- Minasyan, L.A., Beylin, V.A. and Lescheva, O.A. (2019). [Space-time in the modern scientific picture of the world]. *Voprosy Filosofii*. No. 9, pp. 118–129. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440006324-1>
- Obradovich, S. (2018). [Metaphysical aspects of quantum cosmology]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. No. 4(79), pp. 58–67. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20180405>
- Simanov, A.L. (2018). [Whether fundamental physics philosophy? Part I: Problem statement]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. No. 2(77), pp. 113–126. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20180209>

Simanov, A.L. (2019). [The problem of the completeness of the philosophy of science in nonclassic physics]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. No. 4(83), pp. 88–109. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20190407>

Solodukho, N.M. (2002). *Filosofiya nebytiya* [Philosophy of non-existence]. Kazan: KSTU Publ., 146 p.

Solodukho, N.M. (2004). [Reasoning about the paradox of the existence of non-existence and non-existence of being]. *Problema sootnosheniya bytiya i nebytiya: Po materialam Vserossiyskogo seminara, pod red. N.M. Solodukho* [N.M. Solodukho (ed.) The problem of the correlation of being and non-being: Based on the materials of the all-Russian seminar]. Kazan: KSTU Publ., pp. 56–59.

Solodukho, N.M. and Volkova, M.N. (2013). [The concept of non-being in the discourse of modern Russian philosophers]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. Vol. 155, book 1, pp. 163–172.

Sverguzov, A.T. (2021). [The problem of non-existence in dialectical materialism]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and Humanitarian Studies of the Regions]. No. 1, pp. 160–165.

Sverguzov, A.T. (2022). *Dialekticheskiy materializm: vzaimosvyaz' kategoriy «materiya» i «nebytie»* [Dialectical materialism: the relationship of the categories «matter» and «non-existence»]. Moscow: Infra-M Publ., 204 p. DOI: <https://doi.org/10.12737/1095043>

Sverguzov, A.T. (2023). [On the possibility of a rational concept of absolute non-being]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 198–206. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-198-206>

Wheeler, J.A. (1970). *Predvidenie Eynshteyna* [Einstein's Foresight]. Moscow: Mir Publ., 112 p.

Об авторе

Свергузов Анвер Тяфикович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории науки

Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
420015, Республика Татарстан, Казань,
ул. К. Маркса, 68;
e-mail: atsverguzov@mail.ru
ResearcherID: HTL-6036-2023

About the author

Anver T. Sverguzov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and History of Science

Kazan National Research Technological University,
68, K. Marx st., Kazan, Republic of Tatarstan,
420015, Russia;
e-mail: atsverguzov@mail.ru
ResearcherID: HTL-6036-2023

УДК 165.41:159.964

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-33-43>

Поступила: 07.12.2023

Принята: 15.02.2024

Опубликована: 11.04.2024

РЕЛЯТИВИЗМ В ПСИХОАНАЛИЗЕ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Степаненко Александр Давидович

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва)

В статье излагается взгляд на релятивистскую составляющую психоаналитических концепций Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга. В данном контексте обращается внимание на изначально негативное, но при этом входящее в противоречие с базовыми установками данного направления отношение к релятивизму основателя психоанализа. Высказывая мнение, что постулирование наличия скрытой части психической системы значительно расширило область применения психиатрии и психологии и релятивизировало понимание «душевных расстройств», автор вместе с тем утверждает, что, оставаясь преданным ключевой позитивистской установке, Зигмунд Фрейд последовательно отвергал все прочие, кроме науки, методы познания, считая их спекулятивными и потому не заслуживающими доверия. Отношение Фрейда к релятивизации научной истины сравнивается в статье с позицией Юнга, который, последовательно преодолевая мировоззренческие рамки классического психоанализа, по мнению автора, стал тем, кто продолжил развитие идей его основателя в их естественном направлении. В частности, как глубоко релятивистская по духу автором характеризуется ключевая юнговская концепция коллективного бессознательного, поскольку принцип его действия — материализация автономного содержания в явлениях самого различного рода — фактически подразумевает такое мироустройство, в котором и роль человека, и его возможности весьма относительны. Автор также высказывает мысль о том, что принципы проявления коллективного бессознательного по Юнгу базируются на релятивистском понимании пространственно-временного фактора, тогда как акаузальный характер проявлений автономного содержания подразумевает деабсолютизацию представлений о времени и пространстве; на этой основе делается вывод о взаимопроникновении концептуальных установок аналитической психологии и релятивистской физики (теории относительности и квантовой механики).

Ключевые слова: аналитическая психология, психоанализ, Юнг, Фрейд, Фромм, Самуэлс, релятивизм, мировоззрение, душа, бессознательное, психика.

Для цитирования:

Степаненко А.Д. Релятивизм в психоанализе и аналитической психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 33–43. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-33-43>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-33-43>

Received: 07.12.2023

Accepted: 15.02.2024

Published: 11.04.2024

RELATIVISM IN PSYCHOANALYSIS AND ANALYTICAL PSYCHOLOGY

Alexander D. Stepanenko

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

The article presents a view on the relativistic component of the psychoanalytic concepts of Sigmund Freud and Carl Gustav Jung. In this context, attention is drawn to Freud's attitude toward relativism, initially negative but at the same time being in conflict with the basic tenets of psychoanalysis. Expressing

the opinion that the postulation of the presence of a hidden part of the mental system significantly expanded the scope of psychiatry and psychology and relativized the understanding of «mental disorders», the author of the article at the same time argues that, while remaining faithful to the key positivist attitude, Freud consistently rejected all methods of cognition other than science, considering them speculative and therefore not trustworthy. Freud's attitude to the relativization of scientific truth is compared in the article with the position of Jung, who, consistently overcoming the ideological framework of classical psychoanalysis, according to the author, became the one who continued to develop the ideas of its founder in their natural direction. In particular, the author characterizes Jung's key concept of the collective unconscious as deeply relativistic in spirit, since the principle of its operation: the materialization of autonomous content in phenomena of various kinds, implies such a world order in which both the role of man and his capabilities are very relative. The author also expresses the idea that the principles of manifestation of the collective unconscious according to Jung are based on a relativistic understanding of the space-time factor, while the acausal nature of the manifestations of autonomous content implies deabsolutization of ideas about time and space; on this basis, a conclusion is drawn about the interpenetration of the conceptual attitudes of analytical psychology and relativistic physics (the theory of relativity and quantum mechanics).

Keywords: ideology, analytical psychology, psychoanalysis, Jung, Freud, Fromm, Samuels, relativism, worldview, soul, unconscious, psyche.

To cite:

Stepanenko A.D. [Relativism in psychoanalysis and analytical psychology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 33–43 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-33-43>

Введение

В 35-й лекции «О мировоззрении» цикла «Введение в психоанализ» Зигмунд Фрейд высказывает следующую мысль: «Интеллектуальные нигилисты, конечно, были и раньше, но в настоящее время... теория относительности современной физики ударила им в голову» [Фрейд З., 1991b, с. 411].

Обрушиваясь на «аналог политического анархизма» в науке, Фрейд далее говорит о том, что «нигилизм лишь временная установка, нужная лишь при решении этой задачи», что необходим он исключительно для того, что освободить место для «какого-нибудь мистицизма». Основателя психоанализа возмущает, что «нигилисты» действуют по принципу: «находим только то, что нам нужно, видим только то, что хотим видеть»; это, по его мнению, приводит к тому, что «согласованность с внешним миром отпадает» и все становится «одинаково истинно и одинаково ложно» [Фрейд З., 1991b, с. 411].

Хотя Фрейд и не произносит здесь ключевое слово, понятно, что речь идет о релятивизме; если точнее, о релятивизации научной истины, об отрицании ее единичности и, наоборот, абсолю-

тизации относительности любого знания — тенденции, уходящей корнями в некоторые направления античной философии (например, софистики), но по-настоящему ставшей данностью и неизбежностью с развитием квантовой механики, которая изначально строилась на невозможности обосновать, доказать, а временами и объяснить весьма значительный массив выявленных фактов¹.

Мало того, будучи фанатично преданным ключевой позитивистской установке (примат науки и естественнонаучного метода познания), скептически относится Фрейд и к философии, полагая ее метод спекулятивным и потому не заслуживающим доверия [Фрейд З., 1991b, с. 401].

Парадоксально, но факт: тем самым основатель психоанализа словно бы отрицает сам себя — ведь это он, фактически постулировал

¹ Например, Р. Фейнман, говоря о необъяснимости того, почему один из атомов в упаковке атомов радиоактивного урана распадается в данный момент, а другой остается нераспавшимся тысячи лет, утверждал, что «этого не знает не только познающий субъект, но и сама Природа» [Мамчур Е.А., 2004, с. 5]; в свою очередь, Н. Бор, выдвигая «принцип дополнительности», высказывает мысль о том, что «...в отношении анализа и синтеза в других областях знания мы встречаемся с ситуациями, напоминающими ситуацию в квантовой физике» [Бор Н., 1961, с. 147].

наличие скрытой части психической системы, значительно расширил области психиатрии и психологии, релятивизировал понимание «душевных расстройств», распространил психотерапию на «широкие массы», а психоанализ превратил, помимо узкопрофессионального и методического, еще и в общефилософское направление.

Имманентный релятивизм в психоанализе

Говоря о вкладе психоанализа в этику, немецкий психоаналитик и философ Эрих Фромм еще в 1947 г. высказывает мнение, что «психоанализ — первая современная система психологии, предметом которой является не какой-то отдельно взятый аспект проблемы человека, а человек как целостная личность» [Фромм Э., 2002b, с. 337].

Фромм пишет: «В противоположность экспериментальному методу традиционной психологии, вынужденной ограничиваться изучением частных феноменов, Фрейд выдвинул новый метод, давший ему возможность изучать личность в целом, а также понять, что вынуждает человека поступать так, а не иначе» [Фромм Э., 2002b, с. 337].

Впрочем, по мнению Фромма, к широкой экстраполяции Фрейд шел поэтапно, опытным путем: сначала его интересовали невротические симптомы, но чем дальше продвигался психоанализ, тем более очевидным становилось, что полное понимание симптомов невроза возможно только при понимании типа характера человека. Вследствие этого, «уже не отдельные симптомы, а сам невротический характер стал предметом психоанализа» [Фромм Э., 2002b, с. 337].

Именно через «характерологию», как полагает Фромм, психоанализ оказал влияние на этику, поскольку «добродетельный или порочный характер, а не отдельные добродетели или пороки» являются истинным предметом этики [Фромм Э., 2002b, с. 338].

Схожим, в целом, образом проникает психоанализ и в философию: пытаясь найти ключ к невротическим патологиям, Фрейд предполагает наличие скрытого содержания психической системы; это, в свою очередь, заставляет охватывать более широкую область, выходя за пределы только лишь исследований душевных расстройств и их причин, т.е. говорить о характерах и их типах; определение же предметом исследо-

вания человека вообще, а не человека в ряде специфических случаев неизбежно выводит Фрейда на следующий, онтологический, уровень обобщения: речь заходит как о сущности души, так и о весьма широкой проблематике социального и культурного характера. Так психоанализ, несмотря на постоянно декларируемую Фрейдом приверженность научному методу, превращается в оригинальное философское направление; причем — и это весьма значимо — по базовой установке, которую можно охарактеризовать как нацеленность на личность, психоанализ объединяется с теми философскими течениями, которые сам Фрейд, полагая иррациональными (иллюзорными или, быть может, «иллюзиогенными»), весьма эмоционально отрицает (иррационализм, философия жизни, экзистенциализм, персонализм и т.д.).

Фромм (который, считая себя последователем классического психоанализа и будучи практикующим психоаналитиком, в своих трудах тяготел в большей степени к социальной тематике) отмечает также и следующее: несмотря на неприятие релятивизма Фрейдом, релятивизм присущ психоанализу имманентно, можно сказать, органически. Так, например, он указывает, что релятивистской является занимаемая Фрейдом позиция, «согласно которой психология может помочь в понимании мотивации ценностных суждений, но не в силах утверждать что-либо об их общезначимости» [Фромм Э., 2002b, с. 339].

Фромм пишет и о том, что релятивизм Фрейда наиболее отчетливо проявился в его концепции Сверх-Я («Супер-Эго», «Ид». — А.С.), т.к. «согласно этой теории, нечто может стать содержанием сознания лишь в том случае, если будет частью системы требований и запретов родительского Сверх-Я либо существующих культурных традиций» [Фромм Э., 2002b, с. 339]. Речь, как можно догадаться, идет об этическом релятивизме, которым, в частности, подразумевается зависимость морально-нравственных оценок от массы внешних факторов и условий. Как полагает Фромм, «сознание с этой точки зрения есть не что иное, как интернализованный авторитет» [Фромм Э., 2002b, с. 339].

В том же ключе анализирует Фромм и собственно взгляд Фрейда на нравственность, которая, по мнению последнего, «есть в сущности

реакция на зло, изначально укорененное в человеке». Фромм также пишет: «Он (Фрейд. — А.С.) полагает, что сексуальные стремления ребенка направлены на родителя противоположного пола, что в результате он ненавидит как соперника родителя одного с ним пола и что отсюда с необходимостью возникают чувства вины, страха и враждебности (Эдипов комплекс)». Потому человек, по его мнению, «постепенно вырабатывал нормы социального поведения, защищавшие как отдельного индивида, так и большие группы людей от опасности проявления этих побуждений» [Фромм Э., 2002b, с. 340].

К этому, пожалуй, стоит добавить и то, что сам принцип формирования личности (характера), который моделирует Фрейд, в основе своей исключает возможность чрезмерно строгих обобщающих заключений. Пусть бессознательное, в понимании Фрейда, и манифестирует через поведение человека исключительно базовое свое содержание: возникшие на основе ранних сексуальных переживаний и вытесненные в силу травматического воздействия стремления и желания (см.: [Фрейд З., 1991a; Freud S., 1977]), уже и разнообразие индивидуальных оттенков подобного опыта не оставляет никаких шансов для того, чтобы ввести в характерологию раз и навсегда исчерпывающий перечень причин и следствий; т.е. истина, по самой постановке вопроса, становится и относительной, и недостижимой, что в свою очередь вполне соответствует как интуитивному, вытекающему из утверждения принципов относительности в естественных науках, в первую очередь, в физике, варианту эпистемологического релятивизма, так и современному, теоретически обоснованному пониманию принципиальной невозможности достичь абсолютную истину ввиду различий в способах мышления на уровне цивилизаций, культур индивидов («несоизмеримость» Т. Куна и П. Фейерабенда (см.: [Кун Т., 2020; Фейерабенд П., 1986])).

«Воинствующий» антирелятивизм в психоанализе

Тем не менее, по мнению Фромма, «страстная вера в истину как в цель, за которую человек должен бороться, не позволяет Фрейду занять последовательно релятивистскую позицию», в результате чего последний и противопоставля-

ет себя «анархизму», а психоанализ квалифицирует как попытку раскрыть истину в самом себе. «В этом отношении Фрейд, — полагает Фромм, — продолжает вслед за Буддой и Сократом традицию мысли, согласно которой познание истины есть та сила, которая делает человека добродетельным и свободным, или, в терминологии Фрейда, “здоровым”» [Фромм Э., 2002b, с. 340].

Получается, что антирелятивистская позиция Фрейда суть та же открыто им декларируемая «антииллюзорная», и проистекает она из исповедуемой им позитивистской установки, согласно которой а) окружающий мир полностью познаваем, а окончательная истина в принципе достижима; б) мир познаваем, а истина достижима научным путем; при этом, однако, фрейдовский психоанализ содержит целый ряд концептуальных составляющих, в корне противоречащих самому допущению подобных возможностей.

Характерно, что Фромм, вроде бы фиксируя ряд противоречий, в отношении рассматриваемой тематики придерживается взглядов, схожих с Фрейдом; в упомянутой уже работе он не столько констатирует встроенный во фрейдовскую теорию мировоззренческий парадокс, сколько пытается показать, каким образом его преодолевает основатель психоанализа. Так, в другой своей работе, где он, констатируя некоторое сходство функций психоаналитика и священника (см. также: [Юнг К.Г., 2022b]), предпринимает попытку проанализировать характер пересечений и взаимоотношений психоанализа и религии на примере взглядов Фрейда и Юнга, собственное отношение к релятивизму Фромм обнаруживает гораздо более откровенно. В частности, характеризуя позицию Юнга в отношении того, что есть истина (факт, а не суждение, согласно Юнгу), он заявляет: «Подход Юнга... это — проповедь релятивизма, который, хотя на поверхности и более дружелюбен к религии, чем взгляды Фрейда, по духу своему фундаментально противоположен таким религиям, как иудаизм, христианство и буддизм». Таким образом, полагает Фромм, дело обстоит потому, что «для этих религий поиск истины является одной из главных добродетелей и обязанностей человека» [Фромм Э., 2002a, с. 456].

Далее Фромм, критикуя юнговские критерии субъективного и объективного, высказывает мнение, что они суть тот же релятивизм («Его критерий для различения субъективного и объективного состоит в следующем: имеется идея у одного только индивида, или же она разделяется обществом» [Фромм Э., 2002а, с. 457]), причем релятивизм социологический, т.е. подразумевающий приоритет сообщества над индивидом; заканчивает же он тем, что прямо утверждает: «Релятивизм, согласно которому ценным оказывается любой идеал или любое религиозное чувство, опасен и ошибочен» [Фромм Э., 1990, с. 160].

Понятно, что, обрушиваясь на релятивизм Юнга и фактически объявляя взгляды последнего «последовательно релятивистскими», Фромм преследует определенную цель: так он обосновывает свое неприятие упрощенной трактовки отношения Фрейда к религии как к явлению. Фромм пытается показать: пусть и объявляя религию иллюзией, Фрейд сохраняет верность религиозной этике, тогда как Юнг, отдавая дань религии как неотъемлемой части психической структуры (через коллективное бессознательное), на самом деле девальвирует ее, низводит до психического феномена [Фромм Э., 2002а, с. 459–460], причем наиболее значимым здесь представляется не столько степень обоснованности подобной трактовки, сколько фактически прозвучавшее признание Фромма: для Юнга имманентно присущий психоанализу релятивизм не является камнем преткновения. Вероятно, как раз поэтому взбунтовавшийся против основателя «крон-принц психоанализа» как раз и стал тем, кто после кризиса конца 1910-х гг. продолжил развитие идей Фрейда в их естественном направлении.

Стоит, впрочем, отметить, что попытки расширения рамок теории с целью выхода из тупика однозначности предпринимались и самим Фрейдом. Так, в частности, уже после разрыва с Юнгом, Фрейд дополнил описание психической системы промежуточной областью, так называемым «предсознательным», через которую в виде представлений происходит переход содержания из сознания в бессознательное и обратно (см., напр.: [Фрейд З., 2022, с. 150–155]). Этим, а также рядом других допущений Фрейд пытался повысить роль бессознательного, а также отвести ему более значительную, отчасти созидательную роль, тем са-

мым сближаясь с Юнгом, но прямо не признавая этого. Частично отказавшись от рационалистической враждебности по отношению к бессознательному (и, соответственно, от принципиальной возможности достичь безотносительной истины), в итоге Фрейд, что естественно, вплотную подошел к вопросу о его автономности, продолжая, однако, такое допущение последовательно отрицать; т.е. следуя по пути снижения строгости системы, Фрейд, в полном соответствии с концепцией И. Лакатоса, на самом деле всеми силами стремился защитить, оставить неизменным теоретическое ядро.

Заметим, кстати, и то, что последний вовсе не отказывал психоанализу в статусе «научно-исследовательской программы»; и даже напротив, критикуя «догматический фальсификационизм» Поппера, высказывал мнение, что по основным характеристикам теория Фрейда вполне органично встает в один ряд как с теорией тяготения Ньютона, так и с теорией относительности Эйнштейна (т.к. научные теории или «научно-исследовательские программы», позволяющие опровергнуть или хотя бы поставить под сомнение на основе единичного наблюдаемого факта не частный случай, а всю систему, в принципе отсутствуют)²; здесь, впрочем, как и в случае с Поппером, психоанализ оказался вовлечен в дискуссию о методологии демаркации научного знания в качестве «удачного примера» в силу особенности своего положения на стыке естественных и гуманитарных наук (а желание Фрейда считать его частью науки (см., напр.: [Фрейд З., 1989, с. 120, 141]) и медицинские корни психоанализа такому вовлечению весьма способствовали) вне всякой связи с его культурной ценностью и динамикой результатов соответствующей практики.

Формальный релятивизм в аналитической психологии

Весьма примечательно, что в период после разрыва с Фрейдом значительное влияние на Юнга оказал швейцарский физик, лауреат Нобелевской премии 1945 г. Вольфганг Паули, научная

² «Поппер спрашивает: “Какого же рода клинические реакции могли бы в глазах психоаналитика опровергнуть не только отдельный его диагноз, но и психоанализ в целом?” А какое наблюдение могло бы опровергнуть в глазах ньютоновеца не только какое-нибудь частное объяснение, но саму теорию Ньютона?» [Лакатос И., 1995, с. 175].

деятельность которого была в основном сосредоточена в области квантовой механики и физики элементарных частиц. Сохранилась обширная переписка Юнга и Паули, позволяющая с большой долей обоснованности говорить о том, что введение и развитие понятий акаузального принципа и синхронии в аналитической психологии есть результат глубочайшего проникновения в теорию Юнга идей релятивистской квантовой механики; собственно, и концепция коллективного бессознательного завершённую форму обрела в работе «Синхроничность: акаузальный принцип», которая вошла в изданную Юнгом совместно с Паули книгу «Интерпретация природы и души».

Характерно и то, что здесь же, а именно в статье «Влияние архетипических идей на научные теории Кеплера», уже Паули, анализируя взгляды немецкого астронома, приходит к выводу о существенном влиянии на них архетипов коллективного бессознательного: так, в частности, Кеплер одушевляет небесные тела, полагая, что последние «знают», как им двигаться (см.: [Паули В., 1975]); позже Юнг объяснит «психоидные свойства» предметов автономными психическими процессами, объективными представлениями, изначально формируемыми представлениями людей, а использование акаузального принципа позволит ему также сказать несколько слов в защиту астрологии на основе синхронистического, а не каузального понимания связи человеческих судеб и движения планет (см.: [Юнг К.Г., 1997]).

Синхрония событий, возникающая вследствие наличия объективных представлений или автономного содержания коллективного бессознательного, активирующего, казалось бы, связанные между собой, но никак не обусловленные причинно-следственной связью события, есть также своего рода релятивистская декларация Юнга; не только признание им, но и утверждение невозможности установления окончательной истины, однако же, вместе с тем, и заявление о необходимости принимать окружающий мир во всем его многообразии и органически встраиваться в него, не боясь обретения трансцендентного опыта и не пытаясь в обязательном порядке втиснуть «видимое» в рамки рациональных представлений, тем более поставить под контроль человеческого «разума».

Весьма важно также и то, что глубоко релятивистской по духу является и ключевая юнгов-

ская концепция коллективного бессознательного, хотя ее посредством Юнг вроде бы пытается снизить роль субъективного фактора. Действительно, отсутствие автономного коллективного содержания в теории Фрейда, на первый взгляд, повышает значение индивидуального опыта и, как следствие, субъективизирует взаимодействие с внешним миром (или с представлением о нем). Однако же принцип действия коллективного бессознательного, которое материализует элементы своего содержания в явлениях самого различного рода, *в том числе* в поведении людей (см. также: [Юнг К.Г., 2014а; Jung C.G., 1964]), фактически представляет собой агностическую или близкую к агностической картину мира — то есть такое его устройство, в котором и роль человека, и его возможности весьма относительны, как минимум, зависимы от множества факторов, повлиять на которые непосредственно он в принципе не способен.

Кроме того, сам принцип проявления коллективного бессознательного через активацию и приложение объективного смысла в действиях людей и событиях природного характера, не связанных каузально, очевидным образом базируется на релятивистском понимании пространственно-временного фактора, что также непосредственно перекликается с концептуальными установками теории относительности и квантовой механики. Хотя Юнг не предпринимает последовательных попыток объяснить физическую природу коллективного бессознательного или хотя бы предположить саму принципиальную возможность ее наличия, автономное коллективное идейное содержание, вероятно, мыслится им как некий аналог квантового поля с волновыми возмущениями всего разнообразия «объективных представлений»³.

³ «Объективный», по Юнгу, действительно, в известной степени, синоним «коллективного» (на что указывает Фромм), поскольку критерием отличия субъективного от объективного для него является индивидуальная или коллективная применимость. Трудно не согласиться с Фроммом в том, что такая позиция имеет определенные изъяны. Собственно, сам Юнг именно «прорывом коллективного бессознательного» склонен был объяснять охватывающие «целые континенты» случаи долговременного массового психоза; стало быть, как минимум в гносеологическом аспекте коллективная применимость не есть показатель объективности в смысле ее отличия от субъективности. Вместе с тем возникновение конфликта объективного с коллективным является, по Юнгу, следствием захлестнувшей европейскую цивилизацию сверхрацио-

Акаузальный характер синхронизации таких возмущений предполагает, по сути, вторичность времени и пространства по отношению к проявлениям коллективного бессознательного, т.е. деабсолютизацию представлений о них. Речь, иначе говоря, о том, что человеческое сознание в силу своей ограниченности (неважно, возможностями ли чувственного восприятия или априорными понятиями субъективного разума) в принципе не способно представить наличие какой-либо связи там, где нарушается «естественная установка»⁴, выражающаяся в данном случае в необходимости жестко привязать множество явлений к определенным точкам во времени и (или хотя бы «или») в пространстве, выстроив их тем самым в каузально обусловленную цепочку.

Что также значимо, аналитическая психология, базируясь на достаточно интуитивных представлениях о тех движущих силах, которые, оставаясь вне пределов постижения разумом, тем не менее оказывают самое непосредственное, если не определяющее, влияние на формирование личности и, как следствие, социума, отнюдь не страшится этого. Отсутствие возможности объяснить наблюдаемое (а для Юнга синхронные, акаузально связанные явления есть не метафизическое построение, а вполне конкретные эмпирические данные) на основе научного (опытного) метода познания не воспринимается ни как непреодолимое препятствие, ни как препятствие вообще, поскольку значительно более важным, чем строго научное обоснование, Юнгу представляется достижение целительного эффекта — не стоит забывать, что и психоанализ, и

аналитическая психология корнями уходят в медицинскую практику.

Практический релятивизм в аналитической психологии

Отсюда вытекает принципиально различное отношение к целям практической психотерапии в классическом психоанализе Фрейда и в аналитической психологии Юнга. В первом случае, по выражению Фромма, «оздоровление» выглядит как «замена иррационального (Id) разумом (Ego)» [Фромм Э., 2002b, с. 340] или, по сути, как превращение бессознательного содержания индивидуальной психики в ясно, без «иллюзий», осознаваемое; Юнг же фактически исповедует следующий принцип: поскольку содержание коллективного бессознательного объективно, нет иного выхода, как, что называется, принять условия сотрудничества и, попытавшись понять смысл посланий, именно этим достичь личностной целостности (индивидуации).

Нацеленность на синтез бессознательного и сознания обуславливает, в свою очередь, и разницу в практическом подходе, и в этом также проявляется релятивистский дух аналитической психологии (или, вернее, реализация в аналитической психологии релятивистского духа, изначально характерного для психоанализа). Идеологическая установка на приверженность наличию безотносительной истины и ее достижимости заставляет психоаналитика оставаться прежде всего врачом, задачей которого является постановка диагноза (а само его наличие считается возможным); вследствие этого психоанализ всегда испытывал проблемы с преодолением ограниченной применимости исключительно к области «душевных расстройств» (по крайней мере, обосновать иное представлялось затруднительным). Аналитический психолог в принципе не скован подобными рамками (одна из известнейших цитат, приписываемых Юнгу: «Покажите мне психически здорового человека, и я его вылечу», — как раз об этом). Индивидуация и достижение целостности, или, иными словами, поиск и, в идеале, обретение смысла жизни — это личностное развитие, а не «лечение»; соответственно, и аналитик в этой ситуации выступает далеко не как врач.

Например, как свидетельствует Эндрю Самуэлс, «Юнг постоянно утверждал, что анализ — это диалектический процесс». Самуэлс

нализации, в условиях которой людьми были утрачены естественные формы проекции темной стороны индивидуального содержимого; в дальнейшем, «выгруженные» в бессознательное, они, находя, соответственно, коллективные формы проекций (например, демонизация евреев, славян и т.п.), и захлестнули Европу, в первую очередь немцев — как нацию, по мнению Юнга, отличающуюся высокой степенью внушаемости. Таким образом, данные «объективные представления», по сути, нельзя назвать коллективными. В конечном счете, остается, вероятно, следуя и здесь принципу относительности, констатировать множественность значений термина «объективность» и, как следствие, усомниться в принципиальной возможности поставить даже знак приближительного равенства между «объективностью» и «истинностью».

⁴ «Естественная установка», «наивная установка», по Э. Гуссерлю, — обыденное состояние субъективного мышления, при котором внешний мир (вещи и события) мыслятся существующими физически в пространстве и времени.

поясняет: «Под этим он понимал, что (а) здесь участвуют два человека, (б) между ними имеет место двустороннее воздействие, и (в) что их следует рассматривать как равных участников» [Самуэлс Э., 2006, с. 255].

Самуэлс заостряет внимание на значении, которое вкладывает в данном случае Юнг в понятие «равенство», подчеркивая, что речь идет о моральном и духовном равенстве. Смысл, по мнению Самуэлса, в том, что «аналитик не обязательно является лучшим человеком, поскольку получил соответствующую подготовку или аналитически работал над собой» [Самуэлс Э., 2006, с. 256]. Отсюда, как он полагает, следует, что контакт с пациентом⁵ изменяет жизнь аналитика.

Речь, таким образом, идет о принципиально ином типе отношений в рамках анализа. Самуэлс в этой связи упоминает следующее высказывание Юнга: «Если врач⁶ хочет руководить другим или даже сопровождать его на части пути, он должен *чувствовать* вместе с душой этого человека», а также утверждение последнего, что «аналитик — это “партнер” при анализе» [Самуэлс Э., 2006, с. 256]. Соответственно, утверждает Самуэлс, «целью анализа является взаимное преобразование». Более того, как он полагает, «Юнг пошел еще дальше и утверждал, что если аналитик не ощущает, что анализ воздействует на него как на личность, тогда из такого анализа ничего не получится»; отсюда, в частности, проистекает императив Юнга об обязательной необходимости анализа самого аналитика [Самуэлс Э., 2006, с. 257].

Стоит отметить также неоднократно высказанную Юнгом мысль о том, что собственные душевные качества часто известны пациенту лучше, чем его врачу, поскольку это не только в принципе исключает менторскую роль аналитика, но ставит под сомнение даже и его интерпретационную функцию. «Когда пациент ждет от меня определенного совета или руководства к

действию, — пишет также Юнг, — я, как и он, не знаю ответа и должен искать пути излечения в бессознательном» [Юнг К.Г., 2003b, с. 50].

Именно это, как утверждает Юнг, заставляет его, в частности, обращаться к анализу сновидений пациента; здесь, однако, примечательно следующее его признание: «Меня побуждает к этому (к работе со сновидениями. — А.С.) ... вовсе не какая-нибудь особая теория. Нет, я просто не знаю, где еще можно почерпнуть нужные сведения... Я не обладаю теорией сновидений и не знаю, как они формируются. Я даже не думаю, что такой способ... можно назвать методом... Тем не менее я знаю, что длительное и тщательное размышление над содержанием сновидения обычно позволяет что-то обнаружить... Разумеется, это не будет научным результатом в строгом смысле, но... меня должен вполне устраивать практический результат таких рассуждений, то, что жизнь пациента благодаря этому обретает направленность» [Юнг К.Г., 2003b, с. 50–51].

Описывая в общих чертах аналитический процесс, Юнг рисует картину, напоминающую не столько лечение, сколько путешествие в глубины бессознательного клиента посредством обсуждения его сновидений, рисунков, иных вариаций творческого самовыражения, а также применения фрейдовского метода свободных ассоциаций; такого путешествия, в которое сам аналитик отправляется вместе с клиентом в поисках указаний на скрытые смыслы и которое далеко не всегда обречено на успех. При этом Юнг пишет: «Врач должен не поучать или убеждать, а просто предоставить пациенту свою реакцию на его особый случай» [Юнг К.Г., 2003a, с. 78]. Ключевым здесь, очевидно, является слово *реакция*, поскольку под ней Юнг понимает вовсе не диагноз: «...лечение происходит благодаря взаимному влиянию, в котором пациент и врач проявляют всю свою сущность. А сущность человека иррациональна, ибо вместе с сознанием... она несет в себе таинственное и неопределимое бессознательное. Поэтому личность врача для успеха лечения более важна, чем его слова и даже мысли... Встреча двух личностей напоминает химическую реакцию между двумя веществами: если она вообще произойдет, то оба вещества изменятся» [Юнг К.Г., 2003a, с. 78].

⁵ Самуэлс оговаривается, что термин «пациент» он употребляет, поскольку это соответствует его обычной практике. Стоит отметить, что термины «врач», «пациент», «лечение» употребляются также и Юнгом — очевидно, сказывается его медицинский бэкграунд; в дальнейшем более употребительными в аналитической психологии стали нейтральные определения, такие как «аналитик», «анализируемый», «клиент», «аналитический процесс».

⁶ Имеется в виду психотерапевт. — А.С.

Таким образом, задача аналитика, по Юнгу, состоит, вероятно, в том⁷, чтобы суметь обеспечить кооперацию (возможно даже, объединение) собственного бессознательного с бессознательным клиента с целью синхронного соприкосновения с полем объективных содержаний и создания условий для акаузально связанных событий, чтобы тем самым создать больше возможностей для выявления смысла посланий коллективного бессознательного и их интеграции в сознание. Аналитик, соответственно, в таком процессе выступает не столько интерпретатором, сколько участником процесса погружения в бессознательное клиента, вводя себя в этот процесс не как постоянную, а как переменную (как раз в силу своей включенности) величину при условии полной неопределенности как в отношении результатов данного процесса, так и в отношении критериев его успешности; т.е., собственно, и потенциальная конечная точка того, что Юнг, пытаясь не слишком сотрясти традиционные представления, еще сам часто называет «лечением», и ее принципиальная достижимость понимаются в аналитической психологии вполне в релятивистском ключе (см. также: [Юнг К.Г., 1996, с. 197]).

Заключение

Хотя релятивизм был заложен в психоанализе на концептуальном уровне, а также подразумевался самим его генезисом, классический вариант данного направления был сильно заряжен отрицательным отношением к нему. Естественная потребность в релятивизации, проистекающая из преимущественно интуитивного и гипотетического характера теоретических построений и отсутствия критериев практической результативности предложенных методов, сталкивалась с глубоко укорененными в медицине мировоззренческими установками основателя психоанализа Зигмунда Фрейда и его наиболее известных последователей (А. Адлера, Э. Фромма). Их приверженность научному методу и рационалистической картине мира также в существенной мере сужала поле практической применимости психоаналитического метода, не позволяя вывести его ис-

пользование за рамки собственно «лечения» — в данном случае так называемых душевных расстройств и неврозов; тогда как сама гипотеза о наличии скрытой части психики как раз и подразумевала преодоление данного барьера и более широкую экстраполяцию.

Антагонизм мировоззренческих установок обусловил «отпадение» (а вернее, отлучение) от психоанализа Карла Густава Юнга, однако же именно отсутствие предубеждения против иррационального и, более того, стремление усматривать в иррациональных психических мотивах не «иллюзии», а имеющие место и, стало быть, объективно обоснованные явления (см. также: [Юнг К.Г., 2014b]) в конечном счете позволили ему, оттолкнувшись от идей Фрейда, значительно развить и дополнить их содержание, а также, что крайне важно, превратить концепцию бессознательного в своего рода открытую систему. В этом плане Юнг, как это ни парадоксально, действовал целиком и полностью в русле современной ему науки, с одной стороны, внимательно прислушиваясь к ней, с другой — внося тем самым собственный мощный вклад в значительное расширение обозреваемой картины мира посредством допущения принципов относительности.

В итоге Юнг стал одним из тех, кто, применяя релятивистский подход в практической деятельности, внес значительный вклад в его апробацию и, можно сказать, популяризацию; вероятно, именно так, а не как мракобесие стоит понимать и проделанную Юнгом огромную разъяснительную работу по реабилитации «артефактов мышления», которыми «рационалистические материалисты»⁸ в запале объявили едва ли не все отличные от строгой науки формы мировоззрения; причем руководствовался он, очевидно, вовсе не декадентскими соображениями, но неприятием своего рода интеллектуального авторитаризма, пытающегося обесценить значительную часть человеческой культуры и в конечном счете свести все к тому или иному варианту «единственно верного учения».

В этом смысле Юнг, снова — как ни парадоксально, следовал вполне в русле научного способа познания, ведь призывая постоянно

⁷ В общих чертах; согласно тому же Юнгу, аналитический процесс носит скорее интуитивный, чем методический характер (см., например, [Юнг К.Г., 2003b, с. 48]).

⁸ Юнг утверждает: «Психоанализ в своем мировоззрении придерживается рационалистического материализма» [Юнг К.Г., 2022а, с. 273].

оставаться в состоянии интуитивного поиска и не пренебрегать трансцендентным опытом (к примеру, наблюдением акаузально связанных явлений и событий), познание он, наследуя классической традиции, тем самым абсолютизировал, возводил в первооснову — как бесконечный созидательный процесс и, соответственно, как единственно возможную цель.

Список литературы

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / пер. с англ. В.А. Фока, А.В. Лермонтовой. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 151 с.

Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ, 2020. 320 с.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 236 с.

Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М: Ин-т философии РАН, 2004. 242 с.

Паули В. Влияние архетипических представлений на формирование естественнонаучных теорий у Кеплера // Паули В. Физические очерки: сб. ст. / пер. с англ., нем. Ю.А. Данилова, А.А. Сазыкина; отв. ред и сост. Я.А. Смородинский. М.: Наука, 1975. С. 137–175.

Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы / пер. с англ. М.: Добросвет: КДУ, 2006. 407 с.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова. М: Прогресс, 1986. 543 с.

Фрейд З. Бессознательное. Демоны у нас внутри / пер. с нем. М.: Родина, 2022. 240 с.

Фрейд З. Будущее одной иллюзии / пер. с нем. В.В. Бибикина // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 94–142.

Фрейд З. Восемнадцатая лекция. Фиксация на травме, бессознательное // Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / пер. с нем. Г.В. Барышниковой. М.: Наука, 1991. С. 173–182.

Фрейд З. Тридцать пятая лекция. О мировоззрении // Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / пер. с нем. Г.В. Барышниковой. М.: Наука, 1991. С. 399–416.

Фромм Э. Психоанализ и религия / пер. с нем. А.А. Яковлева // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 143–221.

Фромм Э. Фрейд и Юнг // Фромм Э. Гуманистический психоанализ / пер. с нем.; сост. и общ. ред. В.М. Лейбина. СПб.: Питер, 2002. С. 452–460.

Фромм Э. Этика и психоанализ // Фромм Э. Гуманистический психоанализ / пер. с нем.; сост. и общ. ред. В.М. Лейбина. СПб.: Питер, 2002. С. 336–341.

Юнг К.Г. Аналитическая психология и мировоззрение / пер. с нем. В. Желнинова // Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. М.: АСТ, 2022. С. 261–293.

Юнг К.Г. Синхронистичность: акаузальный объединяющий принцип // Юнг К.Г. Синхронистичность: сб. ст. / пер. с нем.; под общ. ред. С.Л. Удовика. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 1997. С. 195–307.

Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Избранные работы / пер. с нем. и сост. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. С. 35–42.

Юнг К.Г. Проблемы современной психотерапии // Юнг К.Г. Практика психотерапии / пер. с нем. А.А. Спектор. Минск: Харвест, 2003. 384 с.

Юнг К.Г. Проблемы современной психотерапии / пер. с нем. А. Анваера // Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. М.: АСТ, 2022. С. 6–38.

Юнг К.Г. Психология и религия // Юнг К.Г. Избранные работы / пер. с нем. и сост. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. С. 61–123.

Юнг К.Г. Сознание, бессознательное и индивидуация // Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации / пер. с нем. М.: Наука, 1996. 269 с.

Юнг К.Г. Цели психотерапии // Юнг К.Г. Практика психотерапии / пер. с нем. А.А. Спектор. Минск: Харвест, 2003. 384 с.

Freud S. Introductory Lectures on Psychoanalysis. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1977. 544 p.

Jung C.G. Man and his Symbols. N.Y.: Dell, 1964. 432 p.

References

Bohr, N. (1961). *Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie* [Atomic physics and human cognition]. Moscow: Inostrannaya Literatura Publ., 151 p.

Feyerabend, P. (1986). *Izbrannyye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Moscow: Progress Publ., 543 p.

Freud, S. (1977). *Introductory Lectures on Psychoanalysis*. New York: W.W. Norton & Co Publ., 544 p.

Freud, S. (1989). [The future of an illusion]. *Nitsche F., Freyd Z., Fromm E., Kamyu A., Sartr Zh.-P. Sumerki bogov* [Nietzsche F., Freud Z., Fromm E., Camus A., Sartre J.-P. Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 94–142.

Freud, S. (1991). [Eighteenth lecture. Fixation on trauma, unconsciousness]. *Freyd Z. Vvedenie v psikhoanaliz. Lektsii* [Freud S. Introduction to psychoanalysis: Lectures]. Moscow: Nauka Publ., pp. 173–182.

Freud, S. (1991). [Thirty-fifth lecture. About worldview]. *Freyd Z. Vvedenie v psikhoanaliz. Lektsii* [Freud S. Introduction to psychoanalysis: Lectures]. Moscow: Nauka Publ., pp. 399–416.

Freud, S. (2022). *Bessoznatel'noe. Demony u nas vnutri* [Unconscious. We have demons inside]. Moscow: Rodina Publ., 240 p.

Fromm, E. (1990). [Psychoanalysis and religion]. *Nitsche F., Freyd Z., Fromm E., Kamyu A., Sartr Zh.-P. Sumerki bogov* [Nietzsche F., Freud Z., Fromm E., Camus A., Sartre J.-P. Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 143–221.

Fromm, E. (2002). [Ethics and psychoanalysis]. *Fromm E. Gumanisticheskii psikhoanaliz* [Fromm E. Humanistic psychoanalysis]. St. Petersburg: Piter Publ., pp. 336–341.

Fromm, E. (2002). [Freud and Jung]. *Fromm E. Gumanisticheskii psikhoanaliz* [Fromm E. Humanistic psychoanalysis]. St. Petersburg: Piter Publ., pp. 452–460.

Jung, C.G. (1964). *Man and his symbols*. New York: Dell Publ., 432 p.

Jung, C.G. (1996). [Consciousness, unconsciousness and individuation]. *Yung K.G. Struktura psikhiki i protsess individuatsii* [Jung C.G. The structure of the psyche and the process of individuation]. Moscow: Nauka Publ., 269 p.

Jung, C.G. (1997). [Synchronicity: an acausal connecting principle]. *Yung K.G. Sinkhronistichnost'* [Jung C.G. Synchronicity]. Moscow: Repl-Book Publ., Kyiv: Vakler, pp. 195–307.

Jung, C.G. (2003). [Goals of psychotherapy]. *Yung K.G. Praktika psikhoterapii* [Jung C.G. The practice of psychotherapy]. Minsk: Harvest Publ., 384 p.

Jung, C.G. (2003). [Problems of modern psychotherapy]. *Yung K.G. Praktika psikhoterapii* [Jung C.G. The practice of psychotherapy]. Minsk: Harvest Publ., 384 p.

Jung, C.G. (2014). [The concept of the collective unconscious]. *Yung K.G. Izbrannye raboty* [Jung, C.G. Selected works]. St. Petersburg: RCAH Publ., pp. 35–42.

Jung, C.G. (2014). [Psychology and religion]. *Yung K.G. Izbrannye raboty* [Jung, C.G. Selected works]. St. Petersburg: RCAH Publ., pp. 61–123.

Jung, C.G. (2022). [Analytical psychology and worldview]. *Yung K.G. Problema dushi nashego vremeni* [Jung C.G. The problem of the soul of our time]. Moscow: AST Publ., pp. 261–293.

Jung, C.G. (2022). [Problems of modern psychotherapy]. *Yung K.G. Problema dushi nashego vremeni* [Jung C.G. The problem of the soul of our time]. Moscow: AST Publ., pp. 6–38.

Kuhn, T. (2020). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [Structure of scientific revolutions]. Moscow: AST Publ., 320 p.

Lakatos, I. (1995). *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm* [Falsification and methodology of research programs]. Moscow: Medium Publ., 236 p.

Mamchur, E.A. (2004). *Ob 'yektivnost' nauki i relyativizm (K diskussiyam v sovremennoy epistemologii)* [Objectivity of science and relativism (Towards discussions in modern epistemology)]. Moscow: IPh RAS Publ., 242 p.

Pauli, V. (1975). [The influence of archetypal ideas on the formation of natural science theories in Kepler]. *Pauli V. Fizicheskie ocherki* [Pauli V. Physical Sketches]. Moscow: Nauka Publ., pp. 137–175.

Samuels, E. (2006). *Yung i postyungianty* [Jung and the Post-Jungians]. Moscow: Dobrosvet Publ., 407 p.

Об авторе

Степаненко Александр Давидович
аспирант кафедры истории философии,
факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: 1142221237@pfur.ru
ResearcherID: JZC-9048-2024

About the author

Alexander D. Stepanenko
Postgraduate Student of the Department
of History of Philosophy,
Faculty of Humanities and Social Sciences
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia,
6, Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russia;
e-mail: 1142221237@pfur.ru
ResearcherID: JZC-9048-2024

УДК 141.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-44-52>

Поступила: 26.11.2023

Принята: 27.12.2023

Опубликована: 11.04.2024

РАСЩЕПЛЕННЫЙ СУБЪЕКТ И ДЕЦЕНТРИРОВАННЫЙ ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПИСЬМА

Диль Игорь Владимирович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Целью данной работы является артикуляция структурных связей между расщепленным субъектом в рамках фрейдовского и лакановского психоанализа и децентрированным дискурсом в рамках (пост)структуралистского философствования на материале работ Деррида. Как психоанализ, так и проект Деррида оказываются особого рода не-регионалистскими (в смысле региональных онтологий) проектами, пытающимися артикулировать и продемонстрировать то, что упускается в классической метафизике присутствия. Как психоанализ, так и деконструкция направлены на то, чтобы вырвать у присутствия примат его трансцендентности, показать, что «центральный» элемент письма является эффектом самого этого письма, но не точкой референции, к которой это письмо якобы отсылает. Субъективность также оказывается не точкой самоналичия и самотождественности, а эффектом структуры. Субъективность обнаруживает себя в пространстве письма, а само письмо оказывается топосом субъективности. Обнаружить следы психоанализа в работах Деррида можно посредством сопоставления концепта *différance* Деррида и понятия последствия Фрейда: именно через особую трактовку темпоральности как прошлого, которое никогда не было настоящим, можно осуществить акт деконструкции как акт разрушения всякого акта (поскольку акт оказывается отнесенным к субъекту). Результатом работы является определенная рационализация *différance*, которое оказывается «сердцем» деконструкции у раннего Деррида, и такая рационализация осуществляется через сопоставление с функционированием последствия в структуре травмы. Субъект тем самым оказывается принципиально разорванным, и этот разрыв является конститутивным для субъективности как таковой, субъект обнаруживает в письме след себя самого, но никогда не может обрести полного, чистого самоналичия. Новизна данной работы заключается в том, что проработке этой структурной взаимосвязи на уровне понятий, как правило, не уделяют должного внимания; в данной работе предлагается такая интерпретация, которая прослеживает взаимосвязь между деконструкцией и психоанализом не в общем, а на уровне связи концептов *différance* и последствия (а также бессознательного вообще), что позволяет прояснить употребление этих понятий во взаимосвязи, а также проливает свет на смежные понятия субъекта и письма.

Ключевые слова: *différance*, *Aufhebung*, присутствие, субъект, смещение, травма, желание, бессознательное.

Для цитирования:

Диль И.В. Расщепленный субъект и децентрированный дискурс: специфика субъективности в пространстве письма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 44–52.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-44-52>

THE SPLIT SUBJECT AND DECENTRALIZED DISCOURSE: THE SPECIFICITY OF SUBJECTIVITY IN THE SPACE OF WRITING

Igor V. Dil

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

The goal of this paper is to articulate the structural links between the split subject within Freudian and Lacanian psychoanalysis and the decentered discourse within (post)structuralist philosophy on the basis of Derrida's works. The paper examines the relationship between Derrida's deconstruction and classical and structural psychoanalysis. Both psychoanalysis and Derrida's project turn out to be a special kind of non-regionalist (in the sense of regional ontologies) projects attempting to articulate and demonstrate what is missing in the classical metaphysics of presence. Both psychoanalysis and deconstruction seek to wrest from presence the primacy of its transcendence, to show that the «central» element of writing is the effect of that writing itself, but not the point of reference to which that writing supposedly refers. Subjectivity also turns out not to be a point of self-identity, but an effect of structure. Subjectivity reveals itself in the space of writing, and writing turns out to be the topos of subjectivity. The traces of psychoanalysis in Derrida's works can be detected by comparing Derrida's concept of *différance* with Freud's notion of afterwardness: through the special interpretation of temporality as a past that was never the present, the act of deconstruction can be realized as an act of destruction of any act (because the act is attributed to the subject). The result of the study is a certain rationalization of *différance*, which turns out to be the «heart» of deconstruction in early Derrida's works — and this rationalization is done through comparison with the functioning of afterwardness in the structure of trauma. The subject thereby appears fundamentally ruptured — and this rupture is constitutive of subjectivity itself; the subject discovers a trace of itself in writing, but can never obtain full, pure self-identity. The novelty of this paper consists in the fact that the examination of this structural relationship at the level of concepts has generally been ignored; this paper proposes an interpretation that explores the relationship between deconstruction and psychoanalysis not in general, but at the level of the relationship between the concepts of *différance* and afterwardness (and the unconscious in general), which allows us to clarify the use of these concepts in relationship, and also sheds light on the related concepts of subject and letter.

Keywords: *différance*, Aufhebung, presence, subject, displacement, trauma, desire, unconscious.

To cite:

Dil I.V. [The split subject and decentralized discourse: the specificity of subjectivity in the space of writing]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 44–52 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-44-52>

Введение

Современная континентальная философия в наши дни пытается расположиться в пространстве гетерогенных множественностей, нечеловеческих акторов и не-корреляционистской философии. «Смерть субъекта» была констатирована еще в середине XX в., но вслед за ней не последовало смерти философии — напротив, философия начала искать новые, еще не изве-

данные пути, которые казались немыслимыми с позиции старого рационализма, предполагавшего господство субъекта. Тем не менее, смерть субъекта — не какое-то «реальное» событие, связанное со смертью чего-то «сущностно» нам принадлежащего; смерть субъекта, как и смерть человека, знаменует конец определенного дискурсивного порядка, предполагающего опору на позитивность нередуцируемой сущности, называемой субъектом или че-

ловеком. При этом такой отказ может предполагать редукционизм субъективного либо к какому-то несубъективному принципу (воле к власти у Ницше или бессознательному у Фрейда), либо универсализацию принципа ирредукции (несводимость акторов к Природе или Обществу у Латура [Латур Б., 2013, с. 398]). Осмысление «смерти субъекта» идет уже достаточно давно, но нельзя сказать, что субъект изгнан из философии и потерял свое значение; он открылся как определенная позиция, как дискурсивная рамка, когерентность и единство которой, тем не менее, оказывается нарушенным. И это нарушение не оказывается проблемой, которую стоит решить — напротив, это нарушение, разрыв в сердцевине субъекта оказывается для самого субъекта принципиально конститутивным. Всем этим обусловлена *актуальность* проведенного исследования: современная философия часто пытается отбросить концепт субъекта без достаточной предварительной проработки. Проработка вопроса о субъективности, как представляется, должна двигаться в рамках нивелирования иерархической привилегии *его*, но без полного забвения самого *его*; *его* должно быть рассмотрено с точки зрения того, как оно оказывается конституированным в качестве расщепленного, и почему стремится избежать осмысления этой расщепленности. Именно здесь мы погружаемся в проблемное поле психоанализа. Но в то же время второй сильной теоретической базой для осмысления расщепления субъективности является *деконструкция*. Так, Деррида напрямую говорит о деконструкции следующее: «Деконструкция имеет место, это некое событие, которое не дожидается размышления, сознания или организации субъекта — ни даже современности. Это деконструируется. И это здесь — вовсе не нечто безличное, которое можно было бы противопоставить какой-то эгологической субъективности. Это в деконструкции (Литтре говорил: “деконструироваться... терять свою конструкцию”). И вся загадка заключается в этом “-ся” в “деконст-руироваться”, которое не есть возвратность какого-то Я или сознания» [Деррида Ж., 1992, с. 56]. Следовательно, деконструкция работает не только с «текстом» или «письмом» в их расхожем понимании (к такой работе ближе американская школа деконструкции как литературного направления,

наиболее известным представителем которой является Поль де Ман), но — и даже прежде всего — с субъективностью, которая некоторым образом получает свое «место» в письме. Прояснением этого отношения между письмом и субъективностью мы и займемся далее.

Основные понятия

Основные понятия, которые наиболее явным образом указывают на связь между психоанализом и деконструкцией, — это *différance* (*различае*) у Деррида, *последствие* у Фрейда, *бессознательное/желание/тревога* у Лакана. Но следует отметить, что, говоря об основных «понятиях», речь идет не о понятиях в классическом и метафизическом смысле; вся работа, которую пытается проделать Деррида, заключается в том, чтобы *différance* вырвать из дихотомии слова-понятия: «то, что я буду некоторое время называть словом или понятием различая <différance> и что, как мы увидим, не является буквально ни словом, ни понятием» [Деррида Ж., 2012, с. 24]. Сам Деррида характеризует *différance* следующим образом: «Различае — это то, что обуславливает то, что движение означивания возможно только тогда, когда каждый элемент, называемый “присутствующим”, выявляющийся на сцене присутствия, соотносится с чем-то отличным от себя, сохраняя в себе мету прошлого элемента и поддаваясь опустошению со стороны меты своего отношения к будущему элементу, поскольку след не в меньшей степени соотносится с тем, что называют будущим, нежели с тем, что называют прошлым, и конституирует то, что называют настоящим в самом этом отношении к тому, что им, настоящим, не является — в абсолютном смысле, т.е. к тому, что не является даже прошлым или будущим, понимаемым в качестве модифицированных моментов настоящего. Необходимо, чтобы некий интервал отделял его от того, что не является им, чтобы оно было самим собой, но этот интервал, конституирующий его в настоящем, должен также разделять настоящее в нем самом, разделяя таким образом вместе с настоящим все то, что можно мыслить из него, т.е. любое сущее, а в нашем метафизическом языке это, собственно, субъект или субстанция. Этот себя конституирующий, себя динамически разделяющий интервал и есть то, что можно назвать опространствовани-

ем, становлением-пространством времени или становлением-временем пространства (темпорализацией). И это конституирование настоящего как «исходный» и неустранимо непростой синтез, т.е., *stricto sensu*, не-исходный синтез мет, следов ретенций и протенций (если воспроизводить здесь — по аналогии и временно — феноменологический и трансцендентальный язык, который вскоре обнаружит свою неадекватность) я и предлагаю называть архиписьмом, архи-следом или различаем. Последнее (есть) (одновременно) опространствование (и) темпорализация» [Деррида Ж., 2012, с. 35–36]. Деррида пытается артикулировать то, чем именно является *différance*, но это не позитивное определение, поскольку этому термину дать однозначное позитивное определение попросту невозможно. Термин также указывает самим фактом своего написания на определенное проблемное поле, которое важно для Деррида — на поле письма. На французском языке *différance* и *différence* читаются одинаково, различие между ними можно увидеть только на письме. Эта концептуальная особенность хорошо передается в переводе термина *différance* на русский язык у Кралечкина: разницу между термином «различае» и «различие» невозможно ухватить при произнесении, поскольку звучат оба этих слова одинаково, но эта разница ухватывается в пространстве письма.

Для того, чтобы проследить связь между деконструкцией и психоанализом, чтобы увидеть, как письмо связано с субъективностью, нам следует рассмотреть, какую функцию выполняет *différance* в письме Деррида, и как сам Деррида увязывает свое письмо и свой проект с психоанализом.

Différance как первоначало первоначала

Différance направлено на то, чтобы проблематизировать и поставить под вопрос «сердце» всей европейской метафизики — присутствие. Присутствие является «трансцендентальным означаемым» [Деррида Ж., 2020а, с. 450], которое центрирует на себе всю систему различий, коей, например, является философское письмо, и тем самым становится предельной точкой референции. Присутствие структурирует всю систему различий, но из-за этой функции само перестает быть присутствующим, поскольку для того, чтобы работал знак, чтобы работало

означающее, должна иметь место отсрочка самого присутствия. Знак выполняет роль заместителя присутствия, обещая появление присутствия в дальнейшем. И *différance* определенным образом на эту «парадоксальность» указывает, но при этом само никогда не оказывается присутствующим: различае ~~есть~~ (именно в зачеркнутом виде, т.к. различае не есть как нечто сущее, присутствующее или как присутствие¹) «то, что делает возможным представление сущего-присутствующего, оно никогда не представляет себя в качестве самого себя» [Деррида Ж., 2012, с. 27]. Поскольку говорить (и писать) о *différance* в понятийно-позитивном ключе невозможно, попытка его обрести оказывается связанной с попытками негативной теологии апофатически обрести бога. Тем не менее, *différance* не является чем-то трансцендентным, сверхчувственным и превышающим бытие, каковым является бог. *Différance* — не центр, а механизм децентрирования, который пытается показать, каким же именно образом письмо приходит к тому, что оказывается структурой, имеющей центр. *Différance* указывает на то, что первоначало на деле не является первоначальным; проводя эту работу, *différance* само становится первоначалом первоначала, но оно не может оказаться положенным в качестве архэ, в качестве истока и трансцендентного первоначала. Различенность, понимаемая как нечто вторичное, всегда выступает как «условие возможности» формы первичности как таковой. Для того, чтобы *différance* обнаружился, необходима метафизическая структура центрированного текста, на котором *différance* и будет «паразитировать», выстраивая свою работу, демонстрируя непервоначальность центра и того, что полагает себя в качестве причины самого себя, в качестве субстанции, субъекта и прочих истоков. Иначе *différance* обнаружиться не может (при том, опять же, обнаружение это не предполагает данности в смысле присутствия), поскольку не является данным как нечто простое, как абсолютное начало. *Différance* отнесен к структуре запаздывания, отсрочки, «повременения». «Деррида подчеркивает тот момент,

¹ По поводу различия между присутствующим и присутствием см. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра [Хайдеггер М., 1991].

что настоящее, присутствие не является изначальным, скорее нужно говорить о том, что присутствие вновь конституируется, что конституирующее переживание настоящего отнюдь не являет собой чистоту живого присутствия» [Мазин В.А., 2010, с. 91].

Последствие: между событием и воспоминанием

Деррида сам указывает на то, что *différance* связано с фрейдовским понятием последствия и с понятием бессознательного: «...бессознательное, как известно, не является присутствием, скрытым от себя, виртуальным или потенциальным присутствием... Эта радикальная инаковость по отношению к любому возможному модусу присутствия отмечается неустрашимыми эффектами *последствия*, запаздывания» [Деррида Ж., 2012, с. 43–44]. При этом в работе бессознательного мы имеем дело не с тем прошлым, которое оказывается феноменологической модификацией настоящего момента, а с прошлым, которое никогда не было настоящим.

Вытеснение работает не так, что некоторое травмирующее событие оказывается вытесненным в бессознательное, из которого травматически продолжает влиять на психику. Скорее, вытесняется травматизм из «наличной» ситуации и переносится на прошлое событие, которое до самого этого вытеснения ничего травматичного в себе не находило. Это и есть воспоминание, которого никогда не было, воспоминание о травме, которая не является модификацией настоящего, но которая является никогда не бывшим прошлым. Важна не полнота присутствия события, которое якобы имело место, но также важно и не актуальное, наличное состояние текущей событийности, из которой бессознательно вытесняется травматизм — важно само напряжение между событием и воспоминанием, т.к. именно в этом разрыве и помещается травма. Сам Фрейд пишет об этом следующее: «Случай Катарини типичен в этом отношении, так как во всякой истерии, вызванной сексуальными травмами, можно обнаружить те переживания предсексуального периода, которые на ребенка не оказали никакого воздействия, но позднее, когда к девушке или молодой женщине пришло понимание ее сексуальной жизни, приобрели травмирующую силу

в качестве воспоминаний» [Фрейд З., 1995, с. 24]. Так и *différance* оказывается не на одном из «полюсов присутствия» — каковыми можно назвать отношения между знаком и смыслом (смысл есть присутствие, идеальное понятие, знак же представляет это присутствие в его отсутствие, но оказываясь всегда конечным, временным, поскольку обещает как будущий возврат полноты присутствия, так и его наличность в прошлом), — а между этими полюсами, но не будучи сам этим различием, а некоторым образом всегда-уже занимаясь проработкой этого различия.

Логика смещения и логика снятия

Деррида предлагает заменить гегелевскую логику *Aufhebung* (снятия) логикой «смещения». Если гегелевская спекулятивная диалектика претендует на то, что опосредование и всякая негативность нужна в конечном счете лишь для того, чтобы увеличить содержательный аспект присутствия, т.е. позволяет развернуться понятию в имманентном самодвижении, обретая в итоге всецелое позитивное присутствие, то логика смещения является скорее своего рода диалектикой без снятия, что позволяет самопротиворечивым структурам существовать не через преодоление противоречия, а через игру самой структуры на этом противоречии, поскольку оно выступает как условие возможности самой этой структуры, хотя сама структура эту самопротиворечивость не столько маскирует, сколько «забывает» о ней, вводя трансцендентальное означаемое и предполагая некую референциальность, хотя в отношении философского текста речь может идти не иначе как об автореферентности; тем не менее, введение трансцендентального означаемого пытается удержать рамочность самой структуры в отношении игры означающих, ведь если этого не сделать, то смысл окажется рассеянным и структура в бесконечной игре означивания потеряет саму себя, свою «серьезность». В работе «Фармация Платона» Деррида вспоминает об одном месте из «Толкования сновидений», в котором Фрейд описывает функционирование логики сновидений: «Вся эта путаница — а ничем иным является это сновидение — живо напоминает мне оправдание одного человека, которого сосед обвинил в том, что он вернул ему взятую у него кастрюлю в негодном виде.

Во-первых, он вернул ее в неприкосновенности; во-вторых, кастрюля была уже дырявой, когда он ее взял, а в-третьих, он вообще не брал у него кастрюли» [Фрейд З., 2005, с. 115]. Это место Деррида вспоминает в контексте того, какую роль Платон отводит в своих работах письму, и это платоновское отношение оказывается противоречивым: «1. Письмо остается строго внешним и нижестоящим по отношению к живой памяти и живой речи, которые, следовательно, никак от него не страдают. 2. Оно вредно для них, потому что оно их усыпляет и заражает их в их собственной жизни, которая без него оставалась бы в целостности и сохранности. Если бы не письмо, в памяти и речи не было бы дыр. 3. Впрочем, если мы обращаемся к гипомнезии и письму, то вовсе не из-за их собственной ценности, а потому что живая память является конечной, потому что дыры были в ней еще до того, как в ней оставило свои следы письмо. Письмо никак не действует на память» [Деррида Ж., 2007, с. 138–139]. Соответственно, та же самая логика — логика смещения — действует как в сновидении, анализируемые Фрейдом, так и в рамках философского письма, анализируемого Деррида. В письме обнаруживается бессознательное, но и в бессознательном обнаруживается письмо: «Разбивка как письмо есть становление субъекта отсутствующим и бессознательным» [Деррида Ж., 2000, с. 196].

«Логика смещения» стремится обратить внимание на то, что некоторым образом выпадает из логики снятия, деконструкция всегда обращает определенное внимание на лакуны письма и систем: например, из логики снятия выпадает понятие конечности, и это заставляет конечность функционировать как *différance*, т.е. как первоначало первоначала, которое само не является метафизически-первоначальным: «Почему Гегель делает исключение для конечности, позволяя ей временно выпадать из механизма диалектического снятия? Это, полагает Деррида, связано с тем, что конечность играет решающую роль в процессе самообоснования Гегелем своей философской системы» [Азарова Ю.О., 2015, с. 99].

Бессознательное, желание, тревога

Еще одна структурная параллель, которая может быть обнаружена — это параллель между *différance* и *бессознательным* в структурном

(лакановском) психоанализе. Бессознательное не терпит бинарного противопоставления между индивидуальным и коллективным (что Лакан отмечает в противовес юнговскому понятию коллективного бессознательного), оно всегда оказывается символической структурой, которая ни индивидуальна, ни коллективна: она, скорее, покрывает все это поле и является условием возможности топологической структуры как таковой. Бессознательное — это речь большого Другого (т.е. Другого из символического регистра), но речь, понятая скорее как буква [Лакан Ж., 1996], как чистое означающее, а не как осмысленная и содержательная речь; речь эта похожа на требование, которое невозможно осмыслить, но которое внушает страх, поскольку ее повелительность очевидна, но неясно само требование, поскольку она содержит чистое требование. Это аналогично божественному требованию не прикасаться к древу познания добра и зла, которое получили Адам и Ева. Они не могли познать, что именно внушает этот запрет, но могли уловить властный приказ бога (а бог есть не что иное, как большой Другой — это высшая степень символического), внушающий страх. Схожим с бессознательным образом функционирует и тревога (или желание в психоаналитическом смысле, которое использовалось Лаканом до тревоги, но на структурном уровне оно аналогично тревоге): «тревога никогда не дана непосредственно в виде переживания, но является защитой против самой же тревоги, и в этом ее, тревоги, основная черта» [Смулянский А.Е., 2022, с. 14]. Тревога не является некоторой «субстанциальной» данностью, которая проявляет себя в различных переживаниях тревожного характера. Тревога сопротивляется самой себе в своих же собственных последствиях. В этом смысле тревога не является некоторой формой истока или центра, она сугубо периферийна и функциональна, т.к. собственное «*есть*» обретает не в форме присутствия, а в форме структурной функции, имеющей определенного рода круговой характер: речь идет о наличности тревожного переживания, в котором тревога не проявляется, но играет роль механизма защиты против самой же тревоги, но сам акт этой защиты и есть тревога как таковая. То же самое мы видели и выше, когда речь шла о том, каким именно образом *différance* играет роль первоначала

первоначала: также должна иметься, наличествовать определенная метафизическая первоначальность, некоторый исток, чтобы различае можно указать на самого себя, вскрывая первоначальность метафизического истока. Ни бессознательное (желание/тревога), ни *différance* не оказываются данными, о них нельзя говорить на языке метафизики присутствия, т.к. этот словарь нивелирует всю «революционность» этих концептов: бессознательное превращается в простой придаток *ego*, а *différance* оказывается просто бессмысленным понятием, которое может быть отброшено. Тем не менее, оба этих концепта даются без данности, улавливаются в собственном ускользании, поскольку лишь в ускользании и могут быть «даны» (хотя и не являются никогда данными). Бессознательное, например, никогда не может быть «сознательно» дано, поскольку таким образом действует невротический (не клинически-невротический) механизм рационализации, что сводит бессознательное к *ego*, создает иллюзорность автономии *ego* и возвращает философию к классической новоевропейской философии субъекта. Оно всегда может быть открыто лишь как нечто отсутствующее, а бессознательное желание всегда оказывается «желанием нехватки».

Субъективность и письмо

Деррида задается вопросом о том, почему Фрейд для описания работы сновидения пользуется метафорой письма (пишущей машины), а не речи, притом письма не фонетического, а иероглифического. Субъект не предшествует письму — субъект оказывается следом самого себя в письме. Невозможно определить наличие субъекта как самотождественного и собственного до того, как различае вступило в игру, а значит, субъект скорее *становится* (и в равной степени стирается), нежели присутствует. «“Субъекта” письма не существует, если под ним мы подразумеваем некое суверенное одиночество писателя. Субъект письма — это система отношений между различными слоями: слоями магического блока, психического, общества, мира. Внутри этой сцены нельзя обнаружить пунктуальную или точечную простоту классического субъекта» [Деррида Ж., 2020b, с. 362–363]. Таким образом, «субъективность — производное письма» [Мазин В.А., 2010, с. 164]. Как субъективность об-

наруживает себя в пространстве письма, так и письмо оказывается топосом субъективности. Попытка помыслить о том, что такое субъект и почему в конечном счете оказывается невозможно говорить о субъекте с позиции «здравого смысла», — важный и непростой вопрос, ответ на который является скорее лишь подходом к этому ответу, но окончательным ответом — никогда.

Заключение

В интервью 2001 г. с Элизабет Рудинеско Деррида называет себя «другом психоанализа» [Rottenberg E., 2019, p. 101]. Мы можем сказать, что наша работа была посвящена тому, как можно понимать эту дружбу: Деррида является другом психоанализа в том смысле, что признает его заслуги, но в то же время друг — это не только тот, кто может оказать поддержку, но также тот, кто способен на наиболее полную критику. Именно такую дружбу Деррида выдерживает с психоанализом: он признает его заслуги в отношении открытия тех сфер, которые оказываются невидимыми с метафизических позиций, — так психоаналитическое понятие «последствия» в отношении его функции воплощается в *différance*, формируя особую структуру временности, в которой точка настоящего в определенном смысле теряет свое первенство. В то же время Деррида критикует фрейдовский психоанализ, к примеру, за его метафизическую веру в натурализм и следующий отсюда редукционизм. Тем не менее, прояснение отношений между психоанализом и деконструкцией позволяет нам лучше усвоить те концепты, которые стоят за используемыми в этих учениях терминами: так, определенная темпоральная парадоксальность последствия открывает временное измерение *différance*. Деконструкция субъекта проясняет особую логику функционирования бессознательного, которая не допускает расхожую «метапсихологическую» трактовку бессознательного как «подсознательного»; сознание в этом смысле не «первично». Письмо — это не письмо в расхожем смысле, в письме переосмысливается «метафизическая» субъективность: субъект письма — не пишущий, а скорее тот, кто в письме пишется. Любая «первоначальность» и «источность», полагаемая классической метафизикой (логика снятия), не может функционировать без опре-

деленного измерения, которое для самой этой логики остается скрытым, — это измерение, которое мы назвали «логикой смещения»; в каком-то смысле логика смещения первоначально не первоначала, но именно потому, что это первоначало не может быть положено как позитивное первоначало в метафизическом смысле, оно оказывается первоначалом первоначала, не существуя вне метафизической первоначальности — на это структурное свойство особым образом и указывает *différance*. В этой точке классический субъект расщепляется, а классический дискурс начинает децентрироваться, и в этой разорванности открывается та первоначальность, которая не может утвердиться иначе, чем описанием и в то же время перформативным созданием этого ускользания.

Список литературы

- Азарова Ю.О. Гегель и Деррида: философия, язык, рефлексия // *Философский журнал*. 2015. Т. 8, № 2. С. 82–111.
- Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр., вступ. ст. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
- Деррида Ж. Письмо к японскому другу / пер. с фр. А.В. Гараджи // *Вопросы философии*. 1992. № 4. С. 53–57.
- Деррида Ж. Различае // Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академ. проект, 2012. С. 24–51.
- Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академ. проект, 2020. С. 447–468.
- Деррида Ж. Фармация Платона // Деррида Ж. Диссеминация / пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 71–218.
- Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академ. проект, 2020. С. 321–371.
- Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / пер. с фр. А.К. Черноглазова // *Московский психотерапевтический журнал*. 1996. № 1. С. 25–58.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
- Мазин В.А. Субъект Фрейда и Деррида. СПб.: Алетейя, 2010. 256 с.

Смулянский А.Е. Исчезающая теория. Книга о ключевых фигурах континентальной философии. М.: РИПОЛ классик, 2022. 496 с.

Фрейд З. Девушка, которая не могла дышать // *Знаменитые случаи из практики психоанализа: сб. ст.* / пер. под общ. ред. А.А. Юдина. М.: REFL-book, 1995. С. 13–25.

Фрейд З. Толкование сновидений: пер. с нем. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 490 с.

Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра / пер. с нем. Т.В. Васильевой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая шк., 1991. С. 28–68.

Rottenberg E. For the Love of Psychoanalysis: The Play of Chance in Freud and Derrida. N.Y.: Fordham University Press, 2019. 272 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780823284139>

References

- Azarova, Yu.O. (2015). [Hegel and Derrida: philosophy, language, reflection]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 8, no. 2, pp. 82–111.
- Derrida, J. (1992). [The letter to a Japanese friend]. *Voprosy Filosofii*. No. 4, pp. 53–57.
- Derrida, J. (2000). *O grammatologii* [Of grammarology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.
- Derrida, J. (2007). [Plato's pharmacy]. *Derrida Zh. Disseminatsiya* [Derrida J. Dissemination]. Yekaterinburg: U-Factoria Publ., pp. 71–218.
- Derrida, J. (2012). [Différance]. *Derrida Zh. Polya filosofii* [Derrida J. Margins of philosophy]. Moscow: Academicheskii Proekt Publ., pp. 24–51.
- Derrida, J. (2020). [Freud and the scene of writing]. *Derrida Zh. Pis'mo i razliche* [Derrida J. Writing and Difference]. Moscow: Academicheskii Proekt Publ., pp. 321–371.
- Derrida, J. (2020). [Structure, sign, and play in the discourse of the human sciences]. *Derrida Zh. Pis'mo i razliche* [Derrida J. Writing and Difference]. Moscow: Academicheskii Proekt Publ., pp. 447–468.
- Freud, S. (1995). [The girl who couldn't breathe]. *Znamenityye sluchai iz praktiki psikhoanaliza* [Great Cases in Psychoanalysis]. Moscow: REFL-book Publ., pp. 13–25.
- Freud, S. (2005). *Tolkovanie snovideniy* [The Interpretation of dreams]. Moscow: AST Publ., Minsk: Harvest Publ., 490 p.
- Heidegger, M. (1991). [The saying of Anaximander]. *Haydegger M. Razgovor na proselochnoy doroge* [Heidegger M. Country Path Conversations]. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., pp. 28–68.

Lacan, J. (1996). [The instance of the letter in the unconscious, or reason since Freud]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow Journal of Psychotherapy]. No. 1, pp. 25–58.

Latour, B. (2013). *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obschestva* [Science in action: How to follow scientists and engineers through society]. St. Petersburg: European University Publ., 414 p.

Mazin, V.A. (2010). *Sub'ekt Freyda i Derrida* [The subject of Freud and Derrida]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 256 p.

Rottenberg, E. (2019). *For the love of psychoanalysis: The play of chance in Freud and Derrida*. New York: Fordham University Press, 272 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780823284139>

Smulyanskiy, A.E. (2022). *Ischezayuschaya teoriya. Kniga o klyuchevykh figurakh kontinental'noy filosofii* [Vanishing theory. A book on key figures in continental philosophy]. Moscow: RIPOL Classic Publ., 496 p.

Об авторе

Диль Игорь Владимирович
магистрант философского факультета

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: sigerousgo@mail.ru
ResearcherID: KGL-6409-2024

About the author

Igor V. Dil
Master's Degree Student, Faculty of Philosophy

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: sigerousgo@mail.ru
ResearcherID: KGL-6409-2024

УДК 1+165]:001.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-53-63>

Поступила: 13.12.2023

Принята: 06.02.2024

Опубликована: 11.04.2024

МАЛЕВИЧ И ШОПЕНГАУЭР: ДИАЛОГ О БЕСПРЕДМЕТНОМ

Корниенко Алексей Геннадиевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

В представленной статье намечаются возможные пути рецепции философии Шопенгауэра в теоретических работах Малевича и проводится сравнительный анализ философских воззрений данных мыслителей по ряду ключевых вопросов. В свете многочисленных попыток обнаружить исток философских взглядов Малевича, предпринятых за последние два десятилетия в современном малевичеведении, подобное исследование представляется не только актуальным, но и новым, поскольку версия о влиянии Шопенгауэра до сих пор не получила в отечественных исследованиях достаточной разработки. Материалами для данного исследования послужили теоретические трактаты и программные статьи Малевича разных лет, а также его письма, записи и заметки. В качестве ведущего метода при подготовке исследования был выбран компаративистский метод, а также были использованы такие методы, как историко-философское обобщение и реконструкция. В первой части исследования автор, опираясь на анализ ряда писем и записок Малевича к М.О. Гершензону, а также на макеты первого выпуска журнала «Супремус» и переводы рукописей Малевича, подготовленные А. фон Ризеном для публикации в серии книг издательства «Баухауз», документально подтверждает версию о длительном влиянии философии Шопенгауэра на генезис теоретических взглядов Малевича в период с 1918 по 1927 г. Во второй части исследования, опираясь на результаты сравнительного анализа философских работ Малевича и Шопенгауэра, автор указывает на ряд проблемных сюжетов, таких как проблема взаимоотношения интуитивного и рационального познания, искусства и науки, воли и интеллекта, мистики и эстетики, в которых следы влияния Шопенгауэра на теоретические построения Малевича наиболее очевидны. В заключении на основании полученных результатов автором намечается ряд перспективных направлений для проведения дальнейших исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: Шопенгауэр, Малевич, воля, представление, беспредметность, супрематизм, рациональное познание, интуитивное познание, наука, мистицизм.

Для цитирования:

Корниенко А.Г. Малевич и Шопенгауэр: диалог о беспредметном // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 53–63. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-53-63>

MALEVICH AND SCHOPENHAUER: THE DIALOG ABOUT THE NON-OBJECTIVE

Alexej G. Kornienko

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

The article aims to outline the possible ways of reception of Schopenhauer's philosophy in Malevich's theoretical works and to compare their philosophical views on a number of key issues. In the light of many recent attempts to discover the source of Malevich's philosophical views, this study seems not only relevant but also new, since the idea of Schopenhauer's influence on Malevich has not yet been sufficiently developed in studies by Russian scholars. The sources for the present study are Malevich's theoretical treatises and articles as well as his letters, records, and notes. The leading method in this research is the comparative method, used along with other methods such as historico-philosophical generalization and reconstruction. In the first part of the study, the author performs an extensive analysis of letters and notes from Malevich to M.O. Gershenzon, layouts of the first edition of *Supremus* magazine, and translations of Malevich's manuscripts prepared by A. von Riesen for publication by the Bauhaus publishing house. Having analyzed all mentioned above, the author finds proof of Schopenhauer's long-term influence on the genesis of Malevich's theoretical views in the period from 1918 to 1927. In the second part, having conducted a comparative analysis of Malevich's and Schopenhauer's philosophical works, the author highlights a number of problematic issues. These are the problems of the relationship between intuitive and rational knowledge, art and science, will and intelligence, mysticism and aesthetics, where the traces of Schopenhauer's influence on Malevich's theoretical views are most obvious. In conclusion, considering all the obtained results, the author outlines a number of promising directions for further research on this topic.

Keywords: Schopenhauer, Malevich, will, representation, objectlessness, suprematism, rational knowledge, intuitive knowledge, science, mysticism.

To cite:

Kornienko A.G. [Malevich and Schopenhauer: the dialog about the non-objective]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 53–63 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-53-63>

Введение

В исследовательской литературе уже давно сложилась традиция рассматривать фигуру К. Малевича не только как художника-новатора, но и как самобытного мыслителя. При этом бесспорная оригинальность его философских воззрений зачастую неотделима от сознательного культивируемого им мифа о собственной «без-книжности». Ощущая себя провозвестником нового беспредметного мира, Малевич признавал необходимость теоретического обоснования сделанных им открытий и отстаивал право говорить о них на собственном

«природо-естественном» языке. Тем не менее, даже если мы не будем принимать в расчет свидетельства его друзей и знакомых, утверждавших, что Малевич вовсе не был таким уж принципиальным «без-книжником», каким хотел казаться, нам все же придется признать, что он не мог в полной мере дистанцироваться от той культурной среды, в которой вращался, и тех мыслей, которые витали в «интеллектуальном воздухе» того времени. Так, к моменту появления первых теоретических работ Малевича одним из главных властителей дум европейских интеллектуалов был Артур Шопенгауэр. В конце девятнадцатого столетия, вслед за «про-

клятым поэтом» и по совместительству редактором журнала «Вагнеровское обозрение» Огюстом де Вилье де Лиль-Аданом, моду на философию Шопенгауэра подхватывают сперва французские, а потом и русские символисты [Наков А., 2005, р. 168]. Следует отметить, что в кругу отечественных мыслителей Шопенгауэр был известен и ранее. Как минимум с середины девятнадцатого века в литературных журналах разгорается оживленная дискуссия вокруг его философии, в которую в разное время включаются В. Соловьев, Д. Цертелев, К. Кавелин, Г. Струве и др. [Комков А.В., 2018, с. 32]. Однако именно благодаря интересу символистов увлечение Шопенгауэром вышло на новый виток и охватило практически все сферы культурной жизни. Теперь Шопенгауэр был повсюду, и им интересовались не только философы, но и писатели, поэты, музыканты и даже мистики [Безансон А., 1999, с. 10]. Судя по всему, именно на пересечении этих многочисленных культурных кругов, в которых в той или иной мере вращался Малевич, и произошло его знакомство с творчеством Шопенгауэра. Соответственно, прежде чем перейти к сравнительному анализу философских позиций Шопенгауэра и Малевича, следует сперва обрисовать круг возможных корреспондентов и собеседников Малевича, посредством которых он мог познакомиться с идеями «вселенского пессимиста», а также проанализировать ряд фрагментов из его письменного наследия, которые могли бы послужить в качестве документального свидетельства, подтверждающего факт его длительной заинтересованности учением Шопенгауэра. Такой методический ход позволит не просто провести параллели между теоретическими построениями данных мыслителей, но и верифицировать их на основании имеющихся фактических материалов.

От «Супремуса» к «Баухаузу»: Малевич о Шопенгауэре

Как правило, в качестве подобного документального свидетельства исследователи обращают внимание на следующую запись, сделанную Малевичем в своем блокноте: «На книжке Шопенгауэра написано “Мир как воля и представление”. Я бы написал “Мир как беспредметность”; если существуют представления, то значит Мира нет, а если воля для направления к

овладеванию<ю> представлению<ем>, значит ясно, что мира нет, а <есть> борьба. Мир же недвижим вне воли и представлений» [Малевич К.С., 2004а, с. 390]. Как известно, на основании этой записи основоположник западного малевичеведения Т. Андерсен развил концепцию о взаимосвязи теоретических работ Малевича двадцатых годов и главного труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление» [Андерсен Т., 1976, р. 7]. К анализу некоторых тезисов данной версии мы обратимся во второй части представленного исследования, а пока отметим лишь, что в отечественной традиции данная версия не прижилась.

Так, по мнению А.С. Шатских, предположение Т. Андерсена о том, что Малевич скрупулезно штудировал трактат Шопенгауэра, выстраивая в полемике с ним собственную систему взглядов, не выдерживает критики [Шатских А.С., 2003, с. 9]. В качестве основания исследователь приводит рассказ Малевича об обстоятельствах его знакомства с философией Шопенгауэра, дошедший до нас в письме к М.О. Гершензону от 13 октября 1924 г.: «Во тьме мир, я понимаю тьму, в которой нет ничего, ни воли, ни представления. А Шопенгауэр озаглавил свою книжку “Мир как воля и представление”. Конечно, я ее не читал, но заглавие на витрине прочел, очень я над этим заглавием не думал, но немного рассудил, что Мир бывает только там, где нет ни воли, ни представления, — где же эти двое есть, там Мира не бывает, там борьба представлений» [Малевич К.С., 2000а, с. 352]. Как отмечает А.С. Шатских, ранее приведенная запись в блокноте была сделана, судя по всему, в то же время, когда было написано письмо к Гершензону, и поэтому нет оснований полагать, что Малевич долгое время испытывал влияние Шопенгауэра или по крайней мере внимательно читал его работы [Шатских А.С., 2000а, с. 386]. Скорее всего, знакомство с Шопенгауэром ограничилось мимолетным впечатлением, оставшимся от прочтения названия книги, которое впоследствии стало «смыслопорождающим камертоном» для его самостоятельных размышлений [Шатских А.С., 2000б, с. 42]. Мы позволим себе согласиться с авторитетным мнением А.С. Шатских лишь отчасти, а именно в том, что Малевич, судя по всему, действительно не читал Шопенгауэра так, как его читали академические мыслители

его времени. Однако мы попытаемся показать, что инцидент у витрины книжного магазина вовсе не был случайным и единственным, а первое знакомство с Шопенгауэром состоялось в жизни Малевича гораздо раньше и оказало на него столь сильное впечатление, что он не раз возвращался к воспоминанию о нем в своих последующих записях и размышлениях.

Так, в середине десятых годов начала XX в. Малевич и его ближайшие соратники заражаются идеей выпуска собственного журнала, который должен был стать своеобразным рупором нового беспредметного искусства. После выставки «0,10», подвергшейся в ряде изданий уничижительной критике, уверенность в необходимости создания собственного печатного органа только укрепилась. Однако проект журнала «Супремус» так и остался проектом, а его первый реконструированный выпуск был опубликован только в 2015 г. в книге А.С. Шатских [Шатских А.С., 2009]. В контексте данного исследования особый интерес представляет размещенная в данном журнале под вторым номером, следующим сразу за «Приветствием супрематистам» Малевича, статья Н. Рославца «О “беспредметном” искусстве». Малевич, взявший на себя к 1917 г. функции главного редактора, лично помещает данную статью на второе место, о чем свидетельствуют сохранившиеся карандашные пометки на макете журнала. Тем самым, как отмечает А.С. Шатских, Малевич придает статье Рославца особое программное значение, и именно в ней в сжатых тезисах должны быть сформулированы основные теоретические положения зарождающегося супрематизма [Шатских А.С., 2009, с. 219].

При этом примечательно не только то, что в статье имеется прямая ссылка на Шопенгауэра, и даже не одна, но и то, что общий тон статьи звучит вполне в шопенгауэровском духе. Так, Рославец соглашается с Шопенгауэром в том, что лишь освобожденный от диктата воли интеллект гения «способен подниматься до высоты интеллектуального прозрения» и созерцать за границами предметного мира «первичные образы-идей (в платоновском смысле)» [Рославец А.Н., 2009, с. 7]. Помимо этого, всякое волевое движение Рославец трактует как сугубо практически ориентированное и эгоистичное, и поэтому для наступления момента «истинного творчества», по его мнению, требуется «полное

освобождение воли от интеллекта» [Рославец А.Н., 2009]. Несложно заметить в этих пассажах практически дословный пересказ не только эстетики, но и метафизики Шопенгауэра, и еще сложнее представить, что Малевич, будучи главным редактором и в высшей степени заинтересованным лицом, не прочитал статью Рославца и не обсудил с ним ее ключевые положения. Отметим еще раз, Рославец не просто цитирует Шопенгауэра, он выстраивает, с опорой на его эстетику, новую эстетику супрематизма, и Малевич, который несколькими годами позднее будет требовать от своих противников «выйти из-за прикрытий Бергсона, Шопенгауэра и Канта» [Малевич К.С., 2000а, с. 333], этому не противится. Более того, как покажет дальнейшее рассмотрение, к обозначенной Рославцем теме взаимоотношения воли и интеллекта в акте художественного творчества Малевич будет не раз возвращаться в своих будущих сочинениях.

Помимо этого, предположение о том, что Малевич был знаком с философией Шопенгауэра до события, описанного в письме Гершензону [Малевич К.С., 2000а, с. 352], подтверждает записка, написанная ориентировочно в 1918 г. В этой записке Малевич отвечает на вопросы, ранее заданные ему Гершензоном, и попутно вступает в полемику с Шопенгауэром. Предметом полемики становится тезис Шопенгауэра о бессознательной природе мировой воли: «И если бы по Шопенгауэру воля мировая была бессознательная, то ни шар, ни звезды, ни кометы не могли бы существовать. Но на деле вселенная, которой ни начала, ни конца в творении бесконечных миров нет, устраивает так, что ничто друг другу не мешает...» [Шатских А.С., 2000а, с. 369]. Не вдаваясь в подробности аргументации Малевича, отметим лишь тот факт, что он верно воспроизводит одно из центральных положений метафизики Шопенгауэра, хотя и отрицает его в свойственной ему экспрессивной манере. Кроме того, Малевич поясняет Гершензону, что «бессознательная сила», о которой они говорят как о некой «оболочке души человека», представляет собой не что иное, как «выражение мировой Бессознательной воли», о которой говорит Шопенгауэр [Шатских А.С., 2000а].

Схожий в содержательном отношении фрагмент мы находим в еще одной записке с

ответами на вопросы Гершензона, которая также была написана в 1918 г.: «Бессознательная сила творит — изменяет форму, сознательная конструирует для жизни (Шопенгауэр не был прав, признав волю эту бессознательной и все творчество выражением воли)» [Малевич К.С., 2004b, с. 91]. Как отмечает А. Наков, столь частое обращение Малевича к философии Шопенгауэра объясняется тем, что обе записки относятся ко времени работы над журналом «Супремус» и тесному сотрудничеству с Рославцем [Наков А., 2005, р. 185]. Помимо этого, отсылки к Шопенгауэру вполне можно объяснить и тем, что публицист и историк культуры Гершензон, подобно музыковеду Рославцу, испытывал на определенном этапе своего творчества очевидное влияние Шопенгауэра. Как отмечает Е.В. Герасимова, «Под влиянием этого мыслителя (Шопенгауэра), Гершензон видит единство мира в пронизывающей его воле <...> Так же, как и Шопенгауэр, Гершензон критикует рационализм за стремление превратить волю в простой придаток разума и подчинить ее интеллекту. Чувственно-волевая сфера жизни личности, с точки зрения обоих философов, самостоятельна и оказывает влияние на сам процесс познания» [Герасимова Е.В., 2005, с. 34]. Поэтому мы вполне можем предположить, что Шопенгауэр так или иначе становился предметом обсуждения в личных беседах или не дошедших до нас письмах Гершензона к Малевичу, следы которых мы и обнаруживаем в ранее приведенных записках.

Следует также отметить, что в письменном наследии Малевича присутствуют фрагменты, указывающие на его интерес к Шопенгауэру, которые появляются не только до, но и после октября 1924 г., т.е. после памятного инцидента у витрины книжного магазина. Так, в 1927 г. во время поездки в Берлин Малевичу поступает предложение от издательства «Баухауз» изложить в письменной форме его видение супрематизма, результатом которого стала небольшая книга «Мир как беспредметность» («Die Gegenstandslose Welt»), впервые увидевшая свет на немецком языке в 1927 г. Формулируя свое понимание супрематизма, Малевич обращается к воспоминаниям о событиях, предшествующих появлению «Черного квадрата», и, отмечая их судьбоносный характер, он пишет: «Жутко и мне было расстаться с миром образ-

ным, волей и представлением, в котором жил и который воспроизводил и принимал за действительность бытия» [Малевич К.С., 1998, с. 106]. Следует отметить, что в русском переводе этого фрагмента опущены кавычки, которые присутствовали в оригинальном переводе А. фон Ризена. Так, вместо «Жутко и мне было расстаться с *миром образным, волей и представлением*» (курсив автора) значит «Auch mich erfüllte eine Art Scheu bis zur Angst, als es hieß, „die Welt des Willens und der Vorstellung“ zu verlassen...» [Malewitsch K.S., 1927, р. 66] (курсив автора), т.е. дословно «Меня тоже переполняло чувство робости, граничащей со страхом, когда пришлось покинуть “Мир воли и представления”...». Другими словами, работавший с оригинальным текстом Малевича А. фон Ризен видит в тексте не образную метафору, а прямое указание автора на работу Шопенгауэра.

Данное наблюдение, как и все вышеприведенное разбирательство, дает нам основания полагать, что Малевич в той или иной форме был знаком с содержательной стороной философии Шопенгауэра и неоднократно возвращался к ней в своих теоретических работах: опирался на нее, полемизировал с ней, использовал ее терминологию и вдохновлялся найденными у Шопенгауэра формулировками. Теперь, проведя фактологический анализ письменных материалов, мы можем перейти к сравнительному анализу философских позиций Малевича и Шопенгауэра.

«Мир как воля и представление» versus «Мир как беспредметность»

Принимая во внимание внушительный объем дошедшего до нас письменного наследия и не имея возможности в рамках одной статьи представить исчерпывающий анализ как философии Шопенгауэра, так и теоретических построений Малевича, мы ограничимся лишь указанием на несколько ключевых сюжетов, которые схожим образом развивают оба мыслителя в своих главных произведениях, а именно в «Мире как воле и представлении» и в «Мире как беспредметности».

Одним из таких сюжетов, как уже было отмечено ранее, становится вопрос взаимоотношения воли и интеллекта в акте художественного творения и тесно связанные с ними критика

рациональности вообще и научного познания в частности. Как известно, Шопенгауэр радикально переосмысливает одну из ключевых оппозиций всей новоевропейской метафизики, а именно оппозицию воли и разума. Как минимум со времен Декарта воля мыслилась пускай и неотъемлемой, но все же подчиненной функцией субъекта, благодаря чему обеспечивалась его непредвзятость в суждениях об истине. Шопенгауэр не только отнимает у познающего субъекта данную привилегию, но и ставит его в зависимое положение от его же собственной воли. Отныне не только всякое волевое движение, но и всякий познавательный акт объявляется своекорыстным и практико-ориентированным. Так, человеческий интеллект становится рабом воли к жизни и ее самым изощренным орудием, а базирующаяся на нем картина научной реальности оказывается иллюзией реальности или ее «инструментальной интерпретацией» [Young J., 1996, p. 164].

В свою очередь Малевич также отказывает человеческому разуму в претензиях на познание абсолютной истины и трактует научную деятельность как исключительно практическую и утилитарную или, как он выражается, «харчевую» [Малевич К.С., 2000b, с. 77]. Так, в первой части «Мира как беспредметности» он пишет: «Мысль в предметном <мире> — самое высшее средство или орудие практического или научного мира» [Малевич К.С., 2000b, с. 71]. При этом Малевич отмечает, что, пытаясь познать устройство мироздания и обустроить его под себя, человеческий разум всякий раз стремится заключить природу в конечные предметные формы, хотя сама природа бесконечна и беспредметна. Поэтому всякое научное открытие и изобретение неминуемо оборачивается «недомыслом» или заблуждением, требующим для своего разрешения новых предположений и, соответственно, новых «недомыслов» [Малевич К.С., 2000b]. Так, скользя по поверхности мира и переходя от одного предмета к другому, наука никогда не проникает в его беспредметную глубину, лежащую за границами пространства и времени. Схожим образом специфика научного познания описывает и Шопенгауэр, когда говорит, что наука всегда задается только вопросами «где?», «когда?», «почему?», «зачем?», но никогда «что?», другими словами, она никогда не проникает в скрытую за грани-

цами пространства и времени метафизическую сущность мира как представления [Шопенгауэр А., 2020, с. 452].

При этом в качестве альтернативы научному познанию оба автора обращаются к познанию интуитивному, исток которого они предлагают искать в некоем изначальном дорефлексивном переживании. Так, Шопенгауэр, принимая введенное Кантом различие мира феноменального и мира ноуменального, тем не менее отрицает принципиальную непознаваемость последнего и в качестве своеобразного «ключа» к скрытой сущности мира обращается к ряду переживаний, таких как желание, страдание, страх, скука и т.д., в которых движение воли переживается человеком непосредственно, т.е. до всякого участия интеллекта. Схожим образом Малевич видит в том, что он называет «возбуждением», изначальное и непосредственное переживание, в котором «природа раскрыта, и человек как бы находится внутри ее возбуждения» [Малевич К.С., 2000b, с. 71]. При этом мышление и рациональное познание трактуется им лишь как «вторая ступень возбуждения», на которой изначальный беспредметный характер возбуждения уже преломлен в призме интенциональности сознания, а повсеместно присутствующая природа скрыта в множестве суждений. Так, всякое дискурсивное знание, по мысли Малевича, это «преграда жизни в буре возбуждения», а само возбуждение «является единством моим с вселенной бесконечностью». Поэтому, как отмечает Т. Айелло, бессознательную интуицию, которую Малевич обозначает как «возбуждение» и принимает в качестве средства достижения беспредметного мира, вполне можно рассматривать по аналогии с учением Шопенгауэра о воле как средстве достижения непосредственного восприятия вещи в себе [Aiello T., 2005, p. 12].

При этом искусство становится для обоих мыслителей тем способом восприятия мира, в котором изначальная дорефлексивная интуиция приобретает отчетливый и осязаемый характер, не замутненный рациональными наслоениями. Так, Малевич утверждает, что «искусство тем отличается от жизни рассудительной, что оно через себя проводит возбуждение, но не суждения», и поэтому оно представляет собой «чистое возбуждение вне культуры» [Малевич К.С., 2000b, с. 233]. Культура в данном

случае понимается Малевичем как «только повышенный тип совершенства животного начала» и предназначена «исключительно к совершенству самодетства и инодетства», а все ее достижения не имеют в себе другой цели, как только борьба за существование [Малевич К.С., 2000б, с. 264]. Другими словами, в искусстве, по крайней мере в беспредметном искусстве, нивелирована всякая прагматическая составляющая, удерживающая человека в плоскости телесного, т.е. в плоскости, нагруженной «весом», который безрезультатно стремится «распределить» человеческий разум. Здесь следует пояснить, что дуализм тела и духа, субъекта и объекта является, по мысли Малевича, следствием работы мысли или сознания, разрывающего динамичное беспредметное единство природы на множество статичных предметов [Шатских А.С., 2000б, с. 27], которые «давят» на человека и превращают его жизнь в непрерывную борьбу за существование. Стремясь вернуться к изначальному единству, разум изыскивает изощренные средства, чтобы равномерно «распределить вес» предметного мира, однако это приводит лишь к тому, что он все больше и больше увязает в мире как представлении. В свою очередь в акте художественного творения освобожденный от иллюзий разум мир предстает в своей изначальной беспредметной форме, и человек сливается в нераздельном единстве с природой, которая «ни с кем не борется и никого не ранит» [Малевич К.С., 2000б, с. 260].

Как отмечает Ф.Ф. Ингольд, схожий ход мысли мы можем обнаружить и у Шопенгауэра [Ingold F.Ph., 1985, p. 194]. Так, освобожденный от диктата индивидуальной воли интеллект художественного гения более не направлен на обеспечение нужд своего непосредственного объекта, т.е. тела, выступающего посредником между человеком и окружающим его миром, и всецело обращается к созерцанию вечных сущностей или идей, находящихся вне пространства и времени, за границей мира как представления. В подобном созерцании человек более не противостоит миру как субъект объекту, но полностью погружается в его созерцание и теряет в нем самого себя, становясь «чистым субъектом познания» или безвольным «агентом» мировой воли, которая, узнав себя в нем «как в зеркале», в ужасе отворачивается от сво-

его отражения и переходит к собственному отрицанию [Шопенгауэр А., 2020, с. 308]. В последнем моменте эстетика Шопенгауэра переходит в мистику, и здесь, по замечанию Т. Андерсена, мы также можем проследить ряд параллелей со взглядами Малевича [Andersen T., 1976, p. 9].

Так, аскет, по мнению Шопенгауэра, в отличие от художественного гения, более не удовлетворяется чистым созерцанием беспредметного мира, но переходит к отрицанию в самом себе изначального творческого принципа, породившего мир как представление, т.е. мировой воли. Хотя вернее будет сказать, что сама мировая воля отрицает себя через свою высшую объективацию — разум и тело аскета. При этом человек, достигнувший в аскетической практике совершенства, погружается, по мнению Шопенгауэра, в состояние абсолютного безмыслия, в котором уже нет ни воли, ни представления, но только вечный и ничем не омраченный покой. В этом описании вполне можно различить оставленные самим Малевичем описания мистических переживаний, нашедших отражение в его теории художественного творчества. Так, предметный мир человеческого «обществожития», по мнению Малевича, должен вслед за искусством прийти в конечном итоге к покою безмыслия, т.е. миру беспредметному, в котором изначальное космическое возбуждение узнает себя «в зеркале» освобожденного ничто. Как отмечает Н.В. Смолянская, в этом аспекте «ничто» Малевича действительно обнаруживает сходство с «ничто» Шопенгауэра, однако, как отмечает исследователь, здесь следует указать и на существенное расхождение. Возвращение мира в «ничто» у Малевича вовсе не подразумевает его уничтожения, в то время как для Шопенгауэра эти два момента неразрывно связаны друг с другом [Смолянская Н.В., 2007, с. 394].

Со своей стороны мы можем указать также на то, что «космическое возбуждение», о котором говорит Малевич, в отличие от мировой воли Шопенгауэра, вовсе не предстает как некое изначальное зло и причина всех страданий мира. Функция носителя негативных этических определений возлагается Малевичем скорее на сознание индивида. В силу своей интенциональности оно является причиной распада изначального единого мира на множество обособленных «Я», каждое из которых стремится к

самоутверждению и «пожиранию» других. В философии Шопенгауэра этому уровню онтологической иерархии соответствует не мировая воля, а скорее то, что мы вслед за Дж. Атвеллом можем назвать «волей индивидуальной» [Atwell J.E., 1996, p. 89]. Кроме того, опыт эстетического восприятия мира остается для Шопенгауэра все же лишь предварительной ступенью на пути к мистическому покою безмыслия, доступному исключительно аскету. Для Малевича, напротив, оба эти момента сливаются в один, и художник предстает не только мистиком, но и пророком [Шатских А.С., 2000b, с. 8]. Тем не менее, несмотря на вышеобозначенные различия, нельзя не заметить и наличия явных параллелей в траектории движения мысли Малевича и Шопенгауэра, которые в свете ранее указанных документальных фактов, свидетельствующих о знакомстве первого с философией последнего, вполне могут составить рабочую версию о наличии пускатель и опосредованного, но все же влияния Шопенгауэра на Малевича.

Заключение

Итак, достигнув в ходе проведенного исследования намеченной цели, мы не можем не вернуться еще раз к мифу о «без-книжности» Малевича, в свете которого предложенная в данной работе версия, несмотря на наличие ряда документальных свидетельств и наглядность указанных параллелей с философией Шопенгауэра, тем не менее пока остается лишь версией. Следует отметить, что данное утверждение правомерно не только для представленной работы, но и для любого исследования, ставящего перед собой целью прояснение генезиса философских взглядов Малевича. Вне зависимости от того, насколько стройной будет аргументация, исследователи всегда так или иначе вынуждены будут считаться с «мифом Малевича», т.е. с его навязчивым желанием казаться оригинальным мыслителем, черпавшим мудрость не из книг, а исключительно из самого естества природы. По всей видимости, избежать подобной деноминации исследовательских результатов можно будет только тогда, когда будет выработан комплексный подход, в котором спектр культурных интересов Малевича будет охвачен полностью, и каждая из версий не только получит право на существование наравне с другими, но и будет находить в них основания для собственной легитимности.

Так, нельзя не отметить ряд не вошедших в данную работу проблемных сюжетов, разработка которых могла бы в дальнейшем внести большую ясность во взаимоотношения Малевича и Шопенгауэра. Здесь, в первую очередь, внимания заслуживает вопрос об особом статусе музыки как искусства, лишенного любых предметных коннотаций. Как отмечает А. Безансон, именно предложенное Шопенгауэром видение музыки как особого искусства, способного выражать свое содержание без апелляции к предметному материальному миру, оказало огромное влияние на художников XX в., толкая их к изобретению живописи, «столь же зашифрованной и столь же “абстрактной”, что и музыкальная партитура» [Безансон А., 1999, с. 329]. Кроме того, внимания заслуживает связь между философией Шопенгауэра и немецкой мистической традицией, берущей свое начало от М. Экхарта и прослеживаемой вплоть до работ М. Хайдеггера. В этом отношении многочисленные работы как в отечественном [Левина Т.В., 2019], так и в зарубежном малевичеведении [Robinson E., 2003], возводящие мистику Малевича к работам Экхарта, но не имеющие документальных доказательств в защиту своей версии, могли бы обнаружить в философии Шопенгауэра недостающее в их реконструкциях звено. Также не стоит игнорировать того значения, которое имело для развития художественной культуры XX в. знакомство с восточными философскими и религиозными практиками, честь открытия которых для широкой публики также принадлежит именно Шопенгауэру. Вполне возможно, что при должной разработке данного сюжета не столь уж и экзотичными покажутся работы, прослеживающие параллели между взглядами Малевича и философией буддизма [Овшинов А.Н., 2017].

В заключение отметим еще раз, что данное исследование не столько ставило перед собой цель представить фигуру Шопенгауэра как мыслителя, оказавшего значительное влияние на становление философских взглядов Малевича, сколько попыталось показать, что на первый взгляд мимолетный и беспредметный диалог, состоявшийся у витрины книжного магазина между Малевичем и Шопенгауэром, при более внимательном рассмотрении вполне может обернуться содержательным диалогом о беспредметном, разворачивавшемся на протяжении многих лет.

Выражение признательности

Статья подготовлена в рамках индивидуальной стажировки в НИУ ВШЭ.

Acknowledgements

The article was prepared as part of an individual fellowship at the HSE University.

Список литературы

Безансон А. Запретный образ. Интеллектуальная история иконоборчества / пер. с фр. М. Розанова. М.: МИК, 1999. 424 с.

Герасимова Е.В. Философия культуры М.О. Гершензона: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 144 с.

Комков А.В. Рецепция философии Шопенгауэра в русском культурном сознании (по страницам литературных журналов XIX века) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3(20). С. 31–34.

Левина Т.В. «Освобожденное Ничто»: Экхарт авангарда // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 4. С. 34–47. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2019-4-34-47>

Малевич К.С. Записи и заметки // Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гилея, 2004. Т. 5. С. 382–416.

Малевич К.С. Мир как беспредметность // Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гилея, 1998. Т. 2. С. 55–123.

Малевич К.С. Письма К.С. Малевича к М.О. Гершензону (1918–1924) // Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гилея, 2000. Т. 3. С. 327–353.

Малевич К.С. Статьи, трактаты, манифесты и декларации, проекты, лекции // Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гилея, 2004. Т. 5. С. 33–381.

Малевич К.С. Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой // Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гилея, 2000. Т. 3. С. 68–324.

Овишинов А.Н. Философия супрематизма авангардиста Казимира Малевича // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 3. С. 99–111. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.3.8>

Рославец А.Н. О «беспредметном» искусстве // Шатских А.С. Казимир Малевич и общество Супремус. М.: Три квадрата, 2009. С. 7–9.

Смолянская Н.В. Малевич: радикальный романтизм // Труды «Русской антропологической

школы»: сб. ст. М.: РГГУ, 2007. Вып. 4, ч. 1. С. 388–409.

Шатских А.С. Казимир Малевич и общество Супремус. М.: Три квадрата, 2009. 464 с.

Шатских А.С. Комментарии и примечания // Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гилея, 2000. Т. 3. С. 355–387.

Шатских А.С. Малевич после живописи // Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гилея, 2000. Т. 3. С. 7–67.

Шатских А.С. Органика философского архитектора // Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гилея, 2003. Т. 4. С. 7–23.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда. М.: АСТ, 2020. 672 с.

Aiello T. Head-First Through the Hole in the Zero: Malevich's Suprematism, Khlebnikov's Futurism, and the Development of a Deconstructive Aesthetic, 1908–1919 // Electronic Melbourne Art Journal. 2005. Iss. 1. URL: <https://emajartjournal.files.wordpress.com/2012/08/thomasaiello.pdf> (accessed: 20.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.38030/emaj.2005.1.3>

Andersen T. Preface // Malevich K.S. Essays on art. Vol. 3: The world as non-objectivity: Unpublished writings 1922–25 / transl. by X. Glowacki-Prus, A. McMillin; ed. by T. Andersen. Copenhagen, DK: Borgen, 1976. P. 7–10.

Atwell J.E. Art as liberation: a central theme of Schopenhauer's philosophy // Schopenhauer, Philosophy and the Arts / ed. by D. Jacquette. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 81–106. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511627866.005>

Ingold F.Ph. «Kunst»-Kunst: «Lebens»-Kunst: Zehn Paragraphen zu Kazimir Malewics «Weissem Quadrat auf weissem Grund» // Wiener slawistischer Almanach. 1985. Bd. 16. P. 187–200.

Malewitsch K.S. Die Gegenstandslose Welt. München, DE: Albert Langen, 1927. 104 p.

Nakov A. Malewitsch mit Blick auf Schopenhauer: Das Überschreiten der expressionistischen und symbolistischen «Verkleidung» der «Welt der Dinge» // Schopenhauer und die Künste / hrsg. von G. Baum, D. Birnbacher. Göttingen, DE: Wallstein, 2005. P. 163–200.

Robinson E. Ciphers of Transcendence // Eckhart Review. 2003. Vol. 12, iss. 1. P. 39–52. DOI: https://doi.org/10.1179/eck_2003_12_1_004

Young J. Schopenhauer, Heidegger, Art, and the Will // Schopenhauer, Philosophy and the Arts / ed. by D. Jacquette. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 162–180. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511627866.010>

References

- Aiello, T. (2005). Head-first through the hole in the zero: Malevich's suprematism, Khlebnikov's futurism, and the development of a deconstructive aesthetic, 1908–1919. *Electronic Melbourne Art Journal*. Iss. 1. Available at: <https://emajartjournal.files.wordpress.com/2012/08/thomasaiello.pdf> (accessed 20.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.38030/emaj.2005.1.3>
- Andersen, T. (1976). Preface. *Malevich K.S. Essays on art. Vol. 3: The world as non-objectivity: Unpublished writings 1922–25*. Copenhagen, DK: Borgen Publ., pp. 7–10.
- Atwell, J.E. (1996). Art as liberation: a central theme of Schopenhauer's philosophy. *D. Jacqueline (ed.) Schopenhauer, Philosophy and the Arts*. New York: Cambridge University Press, pp. 81–106. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511627866.005>
- Bezanson, A. (1999). *Zapretnyy obraz. Intel'ktual'naya istoriya ikonoborchestva* [The Forbidden image: an intellectual history of iconoclasm]. Moscow: MIK Publ., 424 p.
- Gerasimova, E.V. (2005). *Filosofiya kul'tury M.O. Gershenzona: dis. ... kand. filos. nauk* [The philosophy of culture of M.O. Gershenzon: dissertation]. Moscow, 144 p.
- Ingold, F.Ph. (1985). [«Art»-Art: «Life»-Art: ten paragraphs on Kazimir Malevich's «White on White»]. *Wiener slawistischer Almanach* [Viennese Slavic almanac]. Vol. 16, pp. 187–200.
- Komkov, A.V. (2018). [The reception of A. Schopenhauer's philosophy in Russian cultural consciousness (from the pages of literary magazines of the second half of 19th century)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research]. No. 3(20), pp. 31–34.
- Levina, T.V. (2019). [«Liberated Nothingness»: Eckhart of avant-garde]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies]. No. 4, pp. 34–47. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2019-4-34-47>
- Malevich, K.S. (1927). *Die Gegenstandslose Welt* [The non-objective world]. Munich, DE: Albert Langen Publ., 104 p.
- Malevich, K.S. (1998). [The non-objective world]. *Malevich K.S. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Malevich K.S. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gileya Publ., vol. 2, pp. 55–123.
- Malevich, K.S. (2000). [Letters of K.S. Malevich to M.O. Gershenzon (1918–1924)]. *Malevich K.S. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Malevich K.S. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gileya Publ., vol. 3, pp. 327–353.
- Malevich, K.S. (2000). [Suprematism. World as non-objectivity, or eternal rest]. *Malevich K.S. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Malevich K.S. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gileya Publ., vol. 3, pp. 68–324.
- Malevich, K.S. (2004). [Articles, treatises, manifestos and declarations, projects, lectures]. *Malevich K.S. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Malevich K.S. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gileya Publ., vol. 5, pp. 33–381.
- Malevich, K.S. (2004). [Notes]. *Malevich K.S. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Malevich K.S. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gileya Publ., vol. 5, pp. 382–416.
- Nakov, A. (2005). [Malevich with an eye on Schopenhauer: Transcending the expressionist and symbolist «veil» of the «world of things»]. *G. Baum, D. Birnbacher (hg.) Schopenhauer und die Künste* [G. Baum, D. Birnbacher (ed.) Schopenhauer and the arts]. Göttingen, DE: Wallstein Publ., pp. 163–200.
- Ovshinov, A.N. (2017). [The avant-garde artist Kazimir Malevich's philosophy of suprematism]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 6, no. 3, pp. 99–111. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.3.8>
- Robinson, E. (2003). Ciphers of transcendence. *Eckhart Review*. Vol. 12, iss. 1, pp. 39–52. DOI: https://doi.org/10.1179/eck_2003_12_1_004
- Roslavets, A.N. (2009). [On «non-objective» art]. *Shatskikh A.S. Kazimir Malevich i obschestvo Supremus* [Shatskikh A.S. Kazimir Malevich and society Supremus]. Moscow: Tri Kvadrata Publ., pp. 7–9.
- Schopenhauer, A. (2020). *Mir kak volya i predstavlenie* [The world as will and representation]. Moscow: AST Publ., 672 p.
- Shatskikh, A.S. (2009). *Kazimir Malevich i obschestvo Supremus* [Kazimir Malevich and society Supremus]. Moscow: Tri Kvadrata Publ., 464 p.
- Shatskikh, A.S. (2000). [Comments and notes]. *Malevich K.S. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Malevich K.S. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gileya Publ., vol. 3, pp. 355–387.
- Shatskikh, A.S. (2000). [Malevich after painting]. *Malevich K.S. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Malevich K.S. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gileya Publ., vol. 3, pp. 7–67.
- Shatskikh, A.S. (2003). [Organics of philosophical architexton]. *Malevich K.S. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Malevich K.S. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gileya Publ., vol. 4, pp. 7–23.

Smolyanskaya, N.V. (2007). [Malevich: radical romanticism]. *Trudy «Russkoy antropologicheskoy shkoly»* [The Works of the «Russian Anthropological School»]. Iss. 4, pt. 1. Moscow: RSHU Publ., pp. 388–409.

Young, J. (1996). Schopenhauer, Heidegger, art, and the will. D. Jacquette (ed.) *Schopenhauer, Philosophy and the Arts*. New York: Cambridge University Press, pp. 162–180. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511627866.010>

Об авторе

Корниенко Алексей Геннадиевич

кандидат философских наук,
лаборант-исследователь Института философии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: akornienko@yandex.ru
ResearcherID: HTL-3495-2023

About the author

Alexej G. Kornienko

Candidate of Philosophy,
Research-assistant of the Institute of Philosophy

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: akornienko@yandex.ru
ResearcherID: HTL-3495-2023

УДК 130.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-64-73>

Поступила: 27.03.2023

Принята: 22.01.2024

Опубликована: 11.04.2024

УГРОЗЫ ТЕЛЕСНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕФИГУРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Бекарев Адриан Михайлович, Пак Галина Станиславовна

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)*

Формирование префигуративной культуры вызвано становлением цифрового общества, породившего потребность в передаче опыта электронных коммуникативных связей от младших к старшим по возрасту. Ускорение темпов социального развития приводит к тому, что адаптация к инновациям у старших поколений носит запаздывающий характер и связана с усвоением опыта и образцов поведения самого молодого поколения в культуре. Уменьшение значимости телесной организации в идентичности индивида происходит в виртуальной реальности. В Сети циркулируют чистые мысли в виде знаков, которые отличаются лишь формой и стилем. За экраном остаются реальные телесные характеристики. Но одновременно Сеть предполагает наличие особой телесности, виртуального образа, логика развития которого репрезентируется этапами симуляции, описывающими процесс отхода от офлайн телесного образа индивида. Потеря целостности и стабильности телесной идентичности в виртуальной среде появляется не только в результате расхождения между сущим и желаемым, но и процессуальности желаемого. Нарушение стабильности телесной устойчивости наносят медицинские практики омоложения, поскольку в префигуративной культуре модно быть молодым. Угрозы человеческой телесности возникают в результате неспособности разграничения виртуальной и традиционной реальности, в переносе опыта конструирования желаемого телесного образа из Сети в действительность. Осознание угрозы существованию человеческой телесности способствует ее сохранению.

Ключевые слова: телесная идентичность, индентификация, префигуративная культура, тело, виртуальный образ, трансформация телесности.

Для цитирования:

Бекарев А.М., Пак Г.С. Угрозы телесной идентичности в префигуративной культуре // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 64–73. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-64-73>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-64-73>

Received: 27.03.2023

Accepted: 22.01.2024

Published: 11.04.2024

THREATS TO BODILY IDENTITY IN PREFIGURATIVE CULTURE

Adrian M. Bekarev, Galina S. Pak

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod)

The formation of prefigurative culture is caused by the formation of digital society, which has generated the need to transfer the experience of electronic communication from younger to older people. The accelerating pace of social development leads to the fact that adaptation to innovations in older generations is of a delayed nature and is associated with the assimilation of the experience and behavioral patterns of the

youngest generation in the culture. The importance of bodily organization in the identity of an individual is diminishing in virtual reality. On the Web, pure thoughts circulate in the form of signs that differ only in form and style. Real bodily characteristics remain behind the screen. But at the same time, the Web implies the presence of special corporeality, a virtual image, the logic of whose development is described by the stages of simulation, which describe the process of departure from the offline corporeal image of an individual. The loss of integrity and stability of bodily identity in the virtual environment appears not only as a result of the discrepancy between the real and the desired but also as a result of the processuality of the desired. Bodily stability is disrupted by medical practices of rejuvenation, as it is fashionable to be young in the prefigurative culture. Threats to human corporeality arise from the inability to distinguish between virtual reality and traditional reality, in the transference of the experience of constructing a desired bodily image from the network to reality. Apprehension of the threat to the existence of human corporeality contributes to its preservation.

Keywords: corporeal identity, identification, prefigurative culture, body, virtual image, transformation of corporeality.

To cite:

Bekarev A.M., Pak G.S. [Threats to bodily identity in prefigurative culture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 64–73 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-64-73>

Введение

Идентичность приобрела проблемный характер лишь в обществе модерна, в котором идентичность уже не дается от рождения как было раньше, а формируется в течение жизни. На современном этапе цивилизационного развития наличие идентичности становится серьезной проблемой. Ее невозможно приобрести, идентичность можно только искать. Непрекращающийся поиск того, кем индивид хочет быть, рассматривается «как защитная реакция человека на жизнь в неопределенных условиях» [Богданова В.О., 2021, с. 42]. В мире «текучей рациональности», на перекрестке идей постмодернизма и конструктивизма идентичность превращается в идентификацию. Причиной подобного метаморфоза выступает трансформация индивидуальной свободы, которая уже перестала быть путеводной звездой и ценностью, а стала долгом каждого. Вопрос о свободе сегодня слышится «уже не как заданный самому себе, а как поставленный мрачным тоном власти, обратившейся к каждому: “ты свободен...”» [Глюксман А., 2001, с. 498]. Отсюда следует: делай, что хочешь... Традиционная постановка проблемы переворачивается с ног на голову, идентичность не предписывается обществом индивиду и уже не может рассматриваться как результат индивидуальных усилий, в фо-

кусе внимания находится процесс ее достижения [Бауман З., 2005, с. 182]. Если достоинства ранее приобретенной идентичности меркнут в глазах индивида, то его задача как можно быстрее расстаться с «устаревшим товаром» и устремиться в поиски образца новой идентичности, а затем и ее конструирования. Преобладающей стратегией формирования идентичности в индивидуализированном обществе становится игра. Согласно игровому сценарию, жизнь можно не раз начинать с чистого листа при равенстве стартовых возможностей.

Понимание общественной жизни в качестве знаковой реальности позволяет определить телесную идентичность как процесс манипулирования знаками, являющихся «очками», сквозь которые индивид воспринимает себя, окружающих, мир в целом, тем самым телесность выходит за границы физического тела индивида и связывает его с природным миром и социальной средой. Идентичность в качестве идентификации представляет собой дискурс, определяющий весь спектр индивидуальной коммуникации. Э. Эриксон отмечал важность телесных параметров в создании представления о самом себе и восприятии себя другими, поскольку тело способно выразить экзистенциальные представления. К числу достоинств человека он относил «анатомию, историю и персональность» [Эриксон Э.Г., 1996, с. 177–178].

Телесная идентичность

Определение роли телесной составляющей в идентичности зависит от решения вопроса о соотношении Я и моего тела. Возможны три варианта ответа: индивид есть тело; индивид владеет своим телом; тело «принадлежит» человеку совсем не так, как любая другая собственность. В первом случае человек рассматривается как единое мыслящее тело, а процесс познания на макроуровне предстает обусловленным телесной организацией. Телесно-ориентированный подход активно разрабатывается сторонниками эволюционной эпистемологии [Князева Е.Н., 2018]. Второй вариант решения проблемы исходит из утверждения Декарта, что человек не то же самое, что его тело. Мыслящая субстанция обладает способностью контролировать телесную субстанцию [Декарт Р., 1914, с. 233], формирует представление о теле как о чем-то внешнем, что беспрепятственно может быть подвержено любым модификациям по воле индивида. Третий вариант выражает диалектическую позицию, признающую связь сознания и тела, не отрицает возможных вариаций телесной организации, но очерчивает границы дозволенного. Все три подхода используются в построении дискурсов телесной идентичности, различия между которыми наиболее явно проявляются в их последствиях.

Актуальность исследования телесной идентичности обусловлена превращением идентичности в идентификацию, в поиске индивидуального телесного образа и конструирование последнего в пространстве префигуративной культуры.

Эвристические возможности префигуративной культуры

Использование понятия префигуративной культуры очерчивает не только поле исследования проблемы, но и дает возможность выявить универсальные тенденции в развитии человеческой цивилизации. Типология культур, предложенная М. Мид, основана на выделении трех генераций в социуме и выявлении направленности коммуникативных процессов, обеспечивающих преемственность опыта между поколениями. Поколенческий подход лежит в русле общей тенденции отхода от понятий, описывающих общество модерна, к использованию универсального по-

нятийного аппарата. У Ф. Броделя в «Материальной цивилизации...», у З. Баумана в «Индивидуализированном обществе» речь идет не о противостоянии классов и сословий, а о бедных и богатых, которые были во все времена. Аналогично и поколения дедов, отцов и внуков существуют в любом обществе, в любой культуре. В обществе постфигуративной культуры опыт передается от старших к младшим по возрасту. М. Мид приводит такое сравнение: дед, качая на руках своего внука, знает его будущее наперед, которое является прошлым его отца и деда. Это происходит потому, что время в отсутствие кардинальных изменений течет медленно и сворачивается в круг. В обществах с кофигуративной культурой формируется линейное представление о времени, разрыв между поколениями признается необходимым, что приводит к тому, что ребенок усваивает опыт не только старших по возрасту, но и своих сверстников. В префигуративной культуре старшие по возрасту вынуждены учиться у самых молодых в силу того, что молодежь обладает опытом использования электронных коммуникаций, какого не было и не могло быть у всех предшествующих поколений [Мид М., 1988, с. 322].

Формирование феномена префигуративной культуры вызвано становлением цифрового общества. В условиях жизни, когда изменения происходят постоянно, представители молодого поколения считают это естественным, поскольку ни в каком другом обществе они не жили. Старшие по возрасту склоняются к признанию того, что изменения происходят быстрее, чем они ожидали, адаптируются к действительности, копируя образцы поведения младших по возрасту. Электронные коммуникации, ставшие сегодня цифровыми, вторгались в повседневную жизнь незаметно и вполне безобидно. Начинался этот процесс с простейших электронных детских игр. Первой распространенной игрой на просторах нашего отечества была игра «Ну погоди!» Она была доступна на автономном устройстве. В нее играть мог только один ребенок, другой пребывал в роли заинтересованного наблюдателя. Дети, освоивших «Ну погоди!», играли уже в онлайн-игры «Танки» и «Герои». Когда опыт использования электронных коммуникаций оказался востребованным в профессиональной деятельности, самое старшее поколение оказалось к этому не

готовым. Ситуация пандемии обострила проблему, учиться у собственных внуков стало необходимостью и делом профессиональной чести. Справедливости ради следует отметить, что однозначной прямой связи между цифровой компетентностью и возрастом не наблюдается. Дело обстоит несколько сложнее и зависит от характера, насыщенности и эмоциональности связи между поколениями [Бекарев А.М., Пак Г.С., 2022].

Идентификация, цифровизация, поколенческий подход

Разделяя позицию Э. Эриксона о динамическом характере идентичности, ее целостности и непрерывности [Эриксон Э.Г., 1996], следует признать, что угрозы потери идентичности обусловлены нарушением равновесия между стабильностью и динамичностью. Если стабильность дает индивиду ощущение сохранения своего Я во времени и в пространстве, то динамичность является даром развития, изменения, совершенствования. Нарушение баланса динамичности и стабильности означает превращение телесной идентичности из оплота стабильности в «мерцающую идентичность» [Сидорова Т.А., 2008]. Использование концепта префигуративной культуры ориентирует прежде всего на исследование опыта самого молодого поколения, представители которого являются полноправными «гражданами» цифрового общества. В таком случае их родители будут людьми с «видом на жительство», а родители их родителей «цифровыми мигрантами» или не-гражданами в цифровом мире. Образ является удачным, поскольку предполагает возможность перехода из одной категории в другую и не отрицает достижения «цифрового гражданства» не-гражданами.

Телесность в виртуальном пространстве

Цифровое «гражданство» начинается с умаления значимости телесной организации. Тысячелетиями феноменологическое восприятие человека начиналось с его телесности: выражения лица, глаз, тембра голоса, осанки, походки. Все остальное — наличие сознания, чувств, мыслей — приписывалось человеческим воображением. Развитие электронных средств связи трансформировало предметную модель мира в информационную. В информационной реаль-

ности функции тела сведены до минимума. Необходимым условием является его наличие, комфортное размещение в компьютерном кресле и рука, управляющая «компьютерной мышью», все остальное приходится на деятельность чистого, не обремененного особой телесностью мышления. Постмодернистское «тело без органов» не является пустой фантазией. В Сети циркулируют чистые мысли в виде знаков, которые отличаются лишь формой и стилем. За экраном остаются пол, возраст, вес, рост и прочие телесные характеристики. Виртуальная реальность игнорирует и не принимает телесный опыт. Но одновременно Сеть предполагает наличие особой телесности, виртуального образа [Конева А.В., 2018], логика развития которого описывается этапами симуляции.

Анализируя связь знака и реальности, стоящей за знаком, Ж. Бодрийяр описывает вехи «прощания» знака с реальностью. На первом этапе знак «отражает глубинную реальность», на втором — «маскирует и денатурализует глубинную реальность». На третьем перестает соотноситься с какой-либо вообще реальностью и превращается в «чистый симулякр» [Бодрийяр Ж., 1996, с. 35]. Виртуальный образ, «аватар», первоначально создается на основе отражения реальности и может быть представлен в виде удачного снимка субъекта. Реальный прототип ограничивает творческое воображение индивида, но не отменяет роль сознательного начала. Фотография может быть сделана много лет назад и не отражать действительность сегодняшнего дня, сделана до ДТП, преобразившего внешность создателя «аватара», или преобразована в фотошопе. На сайте знакомств такое явление не редкость. Если вместо собственного снимка представить фото другого реально существующего человека, будет иметь место маскировка реальности. Симулякр как виртуальный образ является конструктом по типу чеховского жениха, не имеющего аналога в реальности. Интернет-пространство открывает небывалые просторы для «игры», в том числе с собственными образами. М. Хайм определяет Сеть как современный рай «человека играющего» (*homo ludens*) [Heim M., 1994]. Без больших усилий и временных затрат в акте творческой деятельности в виртуальной реальности можно совершенствовать свою телесность, приписывать себе желаемый социальный статус, вооб-

ражаемое гражданство, возраст. Подобное творчество в интернет-пространстве выглядит на первый взгляд совсем безобидно. Личные страницы пользователей в социальных сетях не являются однородным образованием и могут представлять как образ, тесно связанный с реальностью, так и сконструированный на основе культурного кода конкретного общества или сообщества [Wilson R.E. et al., 2012, p. 213]. При этом не нужно упускать из виду, что созданный образ подвластен систематическому контролю и обладает свойством, обеспечивающим возможность его быстрой трансформации в зависимости от изменившегося культурного кода [Емелин В.А., 2017, с. 105]. Телесная идентичность утрачивает свою целостность, становится фрагментарной, отчуждается от своего носителя и превращается в симулякр, гуляющий по сети.

Интернет-пространство есть гиперреальность, в которой молодые люди чувствуют себя комфортнее, чем в традиционной реальности. По данным социологических опросов складывается следующая картина. 74,3 % респондентов чувствуют себя в гиперреальности как «рыба в воде», она является для них привычной средой обитания. 18,5 % не так категоричны, поскольку ощущают себя «скорее комфортно, чем нет». Процент тех, кто не смог определить свою позицию, невелик и составил всего 4,7 %. Чувствуют не-комфортность виртуальной среды «скорее не комфортно, чем комфортно» 1,9 %. Только «не комфортно» 0,6 % опрошенных, которые пока не получили гражданства в цифровой среде [Новиков В.Г., Ковалева С.В., 2019, с. 43]. Для большинства молодых людей гиперреальность выглядит привлекательнее офлайн-реальности, поскольку без особого труда поддается корректировке, в ней нет предписанных трудно выполнимых ролей. Они не навязываются, а выбираются по собственной прихоти. Важным признаком комфортности виртуальной среды является возможность в любой момент прервать общение, которое перестает приносить удовольствие, простым выходом из Сети.

Частная жизнь, выложенная на всеобщее обозрение, перестает быть тайной, индивиды обнажают свою душу без какого-либо принуждения со стороны. Причем очень часто в «Интернет-пространстве» циркулирует информа-

ция не о реальном человеке, а о том, кем он хочет быть, чтобы заслужить одобрение пользователей всемирной паутины. В нашем случае образ собственного тела заменяется образом идеального тела, сформированного под воздействием культурного кода. Потеря целостности и стабильности телесной идентичности в виртуальной среде появляется не только в результате расхождения между сущим и желаемым, но и процессуальности желаемого. Релятивизация телесности как дискурса порождает психологические проблемы идентификации, но не затрагивает реальной телесной организации индивида. Как отмечает Э. Рейд, «в процессе виртуальной коммуникации, свободному конструированию подвергаются не только психологические характеристики личности, но и гендерная принадлежность, сексуальная ориентация, внешность. Облачаясь в заимствованные у других атрибуты культурных ожиданий и образов, кибернетические личности взаимодействуют, исходя из внешнего облика и из принятия желаний каждого о том, кем ему хотелось бы быть. Они не отказываются от гендера или других атрибутов личности, а играют с ними, отделяя символы от референтов из плоти и крови и перенося значения этих символов на своих виртуальных персонажей» [Рейд Э., 2005, с. 219].

От телесности как дискурса к преобразованию тела

Реальные угрозы телесной идентичности возникают в том случае, когда игровой опыт конструирования телесности переносится из символической реальности в традиционную, в результате чего кибернетический субъект завоевывает новые ниши обитания. Причины преобразования телесности складываются не только в виртуальной среде, но и в реальности. В условиях префигуративной культуры модно быть не взрослым, а молодым. Современный человек боится не столько смерти, сколько собственной старости. Ярким свидетельством являются романы Ж.-П. Сартра «Возраст зрелости» [Сартр Ж.-П., 2023] и А. Камю «Первый человек» [Камю А., 2005]. Отсюда небывалая востребованность медицинских процедур омоложения. Работа по преобразованию и совершенствованию человеческого тела является актуальной практической задачей: «...медицина переживает великую концептуальную революцию. В XX в. целью меди-

щины было лечение больных людей. В XXI в. медицина направлена все больше на усовершенствование здоровых» [Харари Ю.Н., 2019, с. 407]. Биологи предлагают радикальный путь борьбы со старостью: не омоложение внешности, а омоложение всего организма на основе определения гена, управляющего старением «взрослых» стволовых клеток.

Открытие Синьи Яманаки состояло в возможности превращения «взрослых» клеток в индуцированные плюрипотентные стволовые клетки (induced pluripotent stem cells – iPSC) [Kazutoshi T, Shinya Y., 2006], о чем шла речь в статье 2006 г., опубликованной журналом «Cell». Работа стала предметом обвального цитирования, поскольку вызвала большой коммерческий интерес, открывающимися почти безграничными возможностями превращения соматических клеток в эмбриональные стволовые клетки — iPSC [Куракова Н.Г., Цветкова Л.А., 2016]. «Взрослые» клетки трансформируются в стволовые под влиянием четырех ключевых генов, названных «факторами Яманаки». Омоложение клеток представляет собой потерю специфических характеристик, что делает их способными превращаться в какие угодно ткани. В перспективе открытие позволит омолаживать не только клетки пожилых людей, усиливать способность к восстановлению повреждений, но и создает возможность омолаживать весь организм.

Открытие Яманаки имеет огромное мировоззренческое значение, оно теоретически позволяет повернуть биологическое время человека вспять, лишает предзаданности, незыблемой устойчивости всех антропологических проявлений телесности, а не только возрастных. В этой связи возникает сложная научная и философская проблема влияния биологического возраста на психологический и социальный возраст личности.

От омоложения тела к телу как к украшению

Трансформации тела или его калечение известны с глубокой древности в виде татуировок, пирсинга, шрамирования и являлись элементами культурного кода архаического общества. Страсть к трансформации собственной телесной организации, понимаемая как усовершенствование или улучшение тела по собственно-

му желанию, проявляется в современном обществе в виде массового распространения татуированных тел и пирсинга, которое заслуживает определения «новой архаики» наряду с «новой античностью» и «новым средневековьем». Но это только начало: современные технологии делают возможной принципиальную трансформацию человеческой телесности в виде создания желаемого образа тела в результате многочисленных хирургических операций и иных медицинских процедур. Уникальный телесный образ, созданный субъектом, разрушающий традиционные представления о человеческой телесности, способен шокировать и привлечь внимание масс-медиа. В индивидуализированном обществе телесный образ может служить символическим капиталом.

Тело до эпохи постмодерна являлось важнейшим фактором, обеспечивающим стабильность идентичности, позволяющим как самому индивиду, так и другим людям идентифицировать себя в виде конкретного человека. Значение телесности преувеличивать не стоит, ее недостаточно для обеспечения стабильности идентичности. Тем более, что в современных условиях телесную идентичность легко изменить, но отрицание значимости телесной составляющей идентичности лишено оснований. Существование человеческого сознания, разума невозможно вне телесной организации. Тело не является собственностью владельца, оно не отчуждаемо от него, хотя и подвержено трансформациям.

В этой связи странным выглядит синдром нарушения целостности восприятия собственного тела (body integrity identity disorder, BIID). BIID характеризуется расхождением представления индивида о том, как выглядит его тело с реальным физическим обликом. BIID ни в коем случае не следует смешивать с привычным несоответствием между желаемым и действительным. Описанный синдром сопровождается чувством, что какая-то часть тела глаз, рука, ухо являются чужими и индивид не прекращает попыток от них избавиться. В конце концов он находит такую возможность. Отсутствие контакта с телом является признаком психического заболевания. Здоровый человек идентифицирует себя с телом, чувствует его. В частности, истории о потере чувства единения со своим телом описаны А. Лоуэном [Лоуэн А., 1999]. Но какое

отношение это имеет к психически здоровым людям? Дело в том, что неуверенность в отождествлении индивида с собственным телом наиболее ярко проявилась в префигуративной культуре, создавшей реальные возможности кардинального преобразования телесности. И.М. Дзялошинский описывает превращение простой привлекательной девушки Пикси Фокс в героиню мультфильма «Как подставить кролика Роджера» Джессику Рэббит, Перис Хермс в «реальную Барби из Берлина» и др. Текст сопровождается красноречивыми иллюстрациями [Дзялошинский И.М., 2020], и закономерно возникает вопрос, не переросла ли толерантность современной культуры по отношению к телесным трансформациям во вседозволенность, ведущую к утрате родовых человеческих качеств?

Границы между психическим здоровьем и болезнью, между нормой и девиацией исторически подвижны и культурно обусловлены. Решение проблемы допустимости телесных трансформаций в префигуративной культуре становится насущной практической задачей. Ключ к ее решению лежит на пути разграничения обратимых и необратимых трансформаций тела. Ставшие привычными макияж, бодиарт, украшения на теле, мода в одежде и прическах, многообразие видов маникюра являются обратимыми трансформациями, их нельзя расценивать как повреждения тела. В префигуративной культуре легализуются необратимые варианты телесной трансформации, повреждающие тело. По степени наносимого ущерба они делятся на калечащие и не калечащие. Важно не только определить хрупкую грань между ними, но и превратить ее в элемент массового телесного дискурса.

Став знаком, дискурсом тело перестало принадлежать индивиду, а превратилось в носителя культурных смыслов и кодов, создающих представление об идеальной телесной организации. Стремление к модификации собственного тела порождено не желаниями и потребностями индивида, а намерением продемонстрировать другим «способность к абсолютному контролю над телесностью» [Богданова В.О., 2021]. Произвольная, не обусловленная ходом биологической эволюции, трансформация тела в мировоззренческом контексте представляет собой победу духа над материей, сознания над телом и является современным способом саморазрушения телесности.

Заключение

С утратой твердых очертаний действительности, рациональность становится текучей, а идентичность, в том числе и телесная, бывшая ранее оплотом стабильности и устойчивости, превращается в непрекращающийся поиск телесного образа себя. Молодое поколение получило в сети невиданный ранее опыт конструирования телесной идентичности в виртуальном пространстве, что способствовало ее превращению в дискурс, в подвижную систему знаков. Угрозы человеческой телесности возникают в результате неспособности разграничения виртуальной реальности и традиционной. Опредечение дискурса телесности в префигуративной культуре порождает практики, обусловленные принадлежностью к одной из генераций, и статусом «гражданства» в цифровом обществе. Диапазон практик широк: от конструирования телесности компьютерной личности, через технологии омоложения до создания уникального телесного образа, разрушающего саму телесность. Вопрос о существовании норм и границ преобразования телесности в обществе префигуративной культуры является открытым, поскольку нормы не предшествуют деятельности, а складываются в ее процессе. Ницшеанская «злая совесть» и «честность перед самим собой» заставляют сделать неутешительные выводы. Но осознание опасности утраты телесной идентичности способствует ее сохранению.

Список литературы

- Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Бекарев А.М., Пак Г.С.. Цифровая компетентность и возраст преподавателя в условиях префигуративной культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1(65). С. 74–81. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_74
- Богданова В.О. Телесность в цифровую эпоху // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Ярославль, 15 апреля 2021 г.) / под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль: Цифровая типография, 2021. С. 42–45.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / реф. В. Фурс // Философия эпохи постмодерна: сб. пер.

и реф. / сотс. и ред. А.Р. Усмановой. Минск: Красико-Принт, 1996. С. 32–47.

Глюксман А. Из книги «Господа мыслители» / пер. с фр. А.А. Костиковой // Хрестоматия по истории философии: учеб. пособие для вузов: в 3 ч. Ч. 2: Западная философия: от Шопенгауэра до Дерриды / отв. ред. Л.А. Микешина. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 497–503.

Декарт Р. Сочинения. Т. 1: Начала философии. Разыскание истины. Страсти души. Из переписки с принцессой Елизаветой / пер. Н.Н. Сретенского. Казань: Типо-лит. Императорского ун-та, 1914. 244 с.

Дзялошинский И.М. Телесная идентичность в системе самосознания индивида // *Corpus Mundi*. 2020. Т. 1, № 1. С. 36–58. DOI: <https://doi.org/10.46539/cmj.v1i1.4>

Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 360 с.

Камю А. Первый человек: роман / пер. с фр. И.И. Кузнецовой. СПб.: Азбука-Классика, 2005. 288 с.

Князева Е.Н. Познающее тело и движущийся ум: концептуальный поворот в эпистемологии // Эпистемология сегодня: Идеи, проблемы, дискуссии / под ред. И.Т. Касавина, Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 339–350.

Конева А.В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 1. С. 50–60.

Куракова Н.Г., Цветкова Л.А. История развития прорывного биомедицинского направления: уроки для России // Менеджер здравоохранения. 2016. № 9. С. 32–42.

Лоуэн А. Предательство тела / пер. с англ. Екатеринбург: Деловая книга, 1999. 336 с.

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1988. 429 с.

Новиков В.Г., Ковалева С.В. Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен «антисоциальной» теории Жана Бодрийяра // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 1. С. 39–45. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2019-1-39-45>

Рейд Э. Идентичность и кибернетическое тело / пер. с англ. Н.В. Эдельмана // Массовая культура: современные западные исследования: сб. ст. /

отв.ред., предисл. В.В. Зверевой. М.: Прагматика культуры, 2005. С. 204–220.

Сартр Ж.-П. Возраст зрелости / пер. с фр. Л.Г. Григорьяна, Д.Н. Вальяно. М.: АСТ, 2023. 416 с.

Сидорова Т.А. Преобразование тела в «мерцающей идентичности» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2008. Т. 2, вып. 1. С. 83–85.

Харапи Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019. 496 с.

Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. N.Y.: Oxford University Press, 1994. 208 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195092585.01.0001>

Kazutoshi T, Shinya Y. Induction of pluripotent stem cells from mouse embryonic and adult fibroblast cultures by defined factors // *Cell*. 2006. Vol. 126, iss. 4. P. 663–676. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cell.2006.07.024>

Wilson R.E., Gosling S.D., Graham L.T. A Review of Facebook Research in the Social Sciences // *Perspectives on Psychological Science*. 2012. Vol. 7, iss. 3. P. 203–220. DOI: <https://doi.org/10.1177/1745691612442904>

References

Baudrillard, J. (1996). [Simulacra and simulation]. *Filosofiya epokhi postmoderna: sbornik perevodov i referatov* [Philosophy of the postmodern epoch: collection of translations and abstracts]. Minsk: Krasiko-Print Publ., pp. 32–47.

Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obschestvo* [Individualized society]. Moscow: Logos Publ., 390 p.

Bekarev, A.M. and Pak, G.S. (2022). [Digital competence and age of the teacher in the conditions of prefigurative culture]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 1(65), pp. 74–81. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_74

Bogdanova, V.O. (2021). [Corporeality in the digital age]. *Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obschestva: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, (Yaroslavl', 15 aprelya 2021 g.)* [Opportunities and Threats of Digital Society: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Confer-

ence (Yaroslavl, April 15, 2021)]. Yaroslavl: Tsifrovaya Tipografiya Publ., pp. 42–45.

Camus, A. (2005). *Pervyy chelovek* [The first man]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika Publ., 288 p.

Descartes, R. (1914). *Sochineniya. T. 1: Nachala filosofii. Razyskanie istiny. Strasti dushi. Iz perepiski s printsessoy Elizavetoy* [Descartes' works. Vol. 1: Beginnings of philosophy. The search for truth. Passions of the soul. From correspondence with Princess Elizabeth]. Kazan: Imperatorskiy Universitet Publ., 244 p.

Dzialoshinskii, I.M. (2020). [Corporeal identity in the system of self-consciousness of an individual]. *Corpus Mundi*. Vol. 1, no. 1, pp. 36–58. DOI: <https://doi.org/10.46539/cmj.v1i1.4>

Emelin, V.A. (2017). *Identichnost' v informatsionnom obschestve* [Identity in the information society]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 360 p.

Erikson, E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress Publ., 344 p.

Glucksman, A. (2001). [From the book «Gentlemen thinkers»]. *Khrestomatiya po istorii filosofii: v 3 ch. Ch. 2: Zapadnaya filosofiya: ot Shopengauera do Derridy, otv. red. L.A. Mikeslina* [L.A. Mikeslina (ed.) Chrestomathy on the history of philosophy: in 3 parts. Part 2: Western philosophy: from Schopenhauer to Derrida]. Moscow: VLADOS Publ., pp. 497–503.

Harari, Y.N. (2019). *Homo Deus. Kratkaya istoriya buduschego* [Homo Deus. A brief history of the future]. Moscow: Sindbad Publ., 496 p.

Heim, M. (1994). *The metaphysics of virtual reality, virtual reality*. New York: Oxford University Press, 208 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195092585.001.0001>

Kazutoshi, T. and Shinya, Y. (2006). Induction of pluripotent stem cells from mouse embryonic and adult fibroblast cultures by defined factors. *Cell*. Vol. 126, iss. 4, pp. 663–676. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cell.2006.07.024>

Knyazeva, E.N. (2018). [Cognizing body and moving mind: Conceptual turn in epistemology]. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii, pod red. I.T. Kasavina, N.N. Voroninoy* [I.T. Kasavin, N.N. Voronina (eds.) Epistemology today. Ideas, problems, discussions]. Nizhny Novgorod: NNSU Publ., pp. 339–350.

Koneva, A.V. (2018). [«Digital identity»: the processes of identification and representation in network communication]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin

Leningrad State University Journal]. No. 1, pp. 50–60.

Kurakova, N.G. and Tsvetkova, L.A. (2016). [History of development of breakthrough biomedical direction: lessons for Russia]. *Menedzher zdравookhraneniya* [Manager Zdravoochranenia]. No. 9, pp. 32–42.

Loewen, A. (1999). *Predatel'stvo tela* [Betrayal of the body]. Yekaterinburg: Delovaya Kniga Publ., 336 p.

Mead, M. (1988). *Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya* [Culture and the world of childhood. Selected works]. Moscow: Nauka Publ., 429 p.

Novikov, V.G. and Kovaleva, S.V. (2019). [Hyperreality, simulacra and simulations in virtual space as a phenomenon of «antisocial» theory by Jean Baudrillard]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology]. Vol. 2, no. 1, pp. 39–45. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2019-1-39-45>

Reid, E. (2005). *Identichnost' i kiberneticheskoe telo* [Identity and cybernetic body]. *Massovaya kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniya, otv.red. V.V. Zvereva* [V.V. Zvereva (ed.) Mass culture: Modern Western studies]. Moscow: Pragmatika kul'tury Publ., pp. 204–220.

Sartre, J.-P. (2023). *Vozrast zrelosti* [Age of maturity]. Moscow: AST Publ., 416 p.

Sidorova, T.A. (2008). [Body transformation in «shimmering identity»]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Psychology]. Vol. 2, iss. 1, pp. 83–85.

Wilson, R.E., Gosling, S.D. and Graham, L.T. (2012). A Review of Facebook research in the social. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 7, iss. 3, pp. 203–220. DOI: <https://doi.org/10.1177/1745691612442904>

Об авторах

Бекарев Адриан Михайлович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры общей социологии
и социальной работы

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: adrian.bekarev@yandex.ru
ResearcherID: JVO-8630-2024

Пак Галина Станиславовна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: galinapak5@gmail.com
ResearcherID: Y-2540-2018

About the authors

Adrian M. Bekarev

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of General Sociology
and Social Work

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603022, Russia;
e-mail: adrian.bekarev@yandex.ru
ResearcherID: JVO-8630-2024

Galina S. Pak

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603022, Russia;
e-mail: galinapak5@gmail.com
ResearcherID: Y-2540-2018

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-74-87>

Поступила: 31.01.2024

Принята: 10.03.2024

Опубликована: 11.04.2024

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОНСТРУКТЕ «Я» В ЕВРОПЕЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Дорфман Леонид Яковлевич

Пермский государственный институт культуры (Пермь)

Обозначены эволюционно-исторические и философские повороты в представлениях о конструкте «Я» в европейско-американской традиции. В Европе становление «Я» восходит к религиозной идее о душе. Р. Декарт был первым крупным мыслителем, который использовал конструкт «Я» альтернативой душе. Для Р. Декарта главным был вопрос о том, как «Я», будучи нематериальным, вписывается в материальный мир, управляемый механическими законами. Хотя Декарт заменил понятие души понятием «Я», унитарные представления о душе были перенесены на «Я». Идея единого (унитарного) «Я» постепенно уступила место идеям дифференцированного «Я» и его интеграции. Слово «Я» (self) вошло в обиход английского языка независимо от Р. Декарта. Считается, что оно появилось впервые как существительное около 1300 г. и имело негативные коннотации, следуя религиозной традиции смотреть на человека как источник грехов. Фундаментальные изменения в представлениях о «Я» произошли во второй половине XIX в. Провозглашался дифференцированный и множественный взгляд на «Я». Он коренным образом вступал в конфликт с религиозным пониманием души, которая полагалась неделимой. У. Джеймс показал, что у человека есть столько «Я», сколько есть людей, которые узнают его и носят его образ в своем сознании. В американской психологии выделяются и анализируются три влиятельных направления: бихевиоральное, когнитивное и гуманистическо-экзистенциальное. Показано, что теории «Я» создаются в европейско-американской психологии в разных и широких контекстах, под углом разных парадигм. Рассматриваются бихевиоральные, когнитивные, гуманистические и экзистенциальные модели «Я». Общей особенностью исследований «Я» является парадигмальная фрагментация. Предполагается, однако, что ее сменят интегративные (транспарадигмальные) теории «Я».

Ключевые слова: европейско-американская традиция, эволюция представлений о конструкте «Я», дифференциация «Я», бихевиоральное «Я», когнитивное «Я», гуманистическо-экзистенциальное «Я».

Для цитирования:

Дорфман Л.Я. Эволюция представлений о конструкте «Я» в европейско-американской традиции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 74–87. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-74-87>

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF THE SELF IN THE EUROPEAN-AMERICAN TRADITION

Leonid Ya. Dorfman

Perm State Institute of Culture (Perm)

Evolutionary-historical and philosophical turns indicate changes of the concepts of the self in the European-American tradition. The ideas about the self go back to the religious idea of soul. But this idea is unacceptable for scientific purposes. R. Descartes was the first major thinker who used the self as an alternative to the soul. For R. Descartes, the main question was how the «self», being immaterial, fits into the material world, governed by mechanical laws. Although R. Descartes replaced the concept of soul with the concept of «self», unitary ideas about the soul were transferred to «self». The idea of a single (unitary) «self» gradually gave way to the ideas of a differentiated «self» and its integration. The word «self» came into use in the English language regardless of R. Descartes. It is believed to have first appeared as a noun around the year 1300 and had negative connotations, following the religious tradition of viewing man as the source of sins. Fundamental changes of the self occurred in the second half of the 19th century. A multiple view of the self fundamentally contradicted the religious understanding of the soul, the essence of which was supposed to be indivisible. W. James showed that a person has as many selves as there are people who recognize him and carry his image in their minds. American psychology identifies and analyzes three important and influential areas: behavioral, cognitive, and humanistic-existential. Theories of the self arise in different and broad contexts, grounded on various paradigms. The paper considers psychodynamic, behavioral, cognitive, social, narrative, humanistic, and existential models of the self. Currently, a common feature of research on the self is fragmentation. It is assumed that integrative (through actual paradigms) theories of the self will be put forward.

Keywords: European-American tradition, evolution of the self, multiple selves, behavioral self, cognitive self, humanistic-existential self.

To cite:

Dorfman L.Ya. [Evolution of the concept of the self in the European-American tradition]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 74–87 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-74-87>

Введение

В последние десятилетия интерес и внимание российских психологов к конструкту «Я» возрос [Аронова Е.А., Моросанова В.И., 2008; Василевская Е.Ю., Молчанова О.Н., 2016; Дорфман Л.Я., 2004; Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2020; Карпинский К.В., 2010; Кон И.С., 1978; Леонтьев Д.А., 1997; Мерлин В.С., 1990; Петровский В.А., 2013; Столин В.В., 1983; Тхостов А.Ш., 1994]. В связи с этим важно изучить особенности исследований конструкта «Я» за рубежом. В отечественной психологической литературе вопросы зарубежных исследований

«Я» освещаются [Василевская Е.Ю., Молчанова О.Н., 2016; Гершкович В.А., Фаликман М.В., 2018; Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф., 2017; Мазилев В.А., Слепко Ю.Н., 2018; Токарева Г.В., Дорфман Л.Я., 2014]. Однако эволюция зарубежных работ в области «Я» представлена в российской психологической науке недостаточно.

Исследования «Я» на Западе имеют несколько важных особенностей. Первая особенность заключается в том, что в течение многих десятилетий на «Я» в значительной степени налагалось табу под влиянием позитивизма и бихевиоризма. Но в философии, истории, социологии, литера-

туроведении, психиатрии тема «Я» интенсивно развивалась. В сравнении с ними, психологи с исследованиями «Я» запаздывают. В начале XX в. весьма многообещающие исследования «Я» У. Джеймсом [Джеймс У., 2018; James W., 1890]), за немногими исключениями, сколько-нибудь существенного продолжения в психологии не получили. В последние десятилетия интерес европейско-американских психологов к «Я» получил существенное развитие [Danziger K., 1997b].

Вторая особенность исследований «Я» на Западе имеет историко-философский характер. Более-менее систематический взгляд на «Я» сложился задолго до появления психологии как научной дисциплины и развивался в русле европейской философии [Danziger K., 1997b].

Третья особенность исследований «Я» характеризует исследования «Я» в границах психологии. В европейско-американской традиции разброс в понимании «Я» настолько велик, что возникает сомнение в его существовании как самостоятельного феномена [Bhar S.S., Kyrios M., 2016; Leary M.R., Tangney J.P., 2003]. Все же «Я» реально существует и отличается от личности, памяти, мышления, восприятия [Hattie J., 2014]. Более 30 000 работ по «Я» были опубликованы с 1974 по 1993 г. [Self and identity..., 1997].

Взгляд на «Я» в европейско-американской психологии претерпевал определенные исторические, философские, концептуальные изменения с течением времени. Анализ фундаментальных перемен в эволюции «Я» посвящается настоящая статья.

Эволюция представлений о «Я» в Европе

Душа и «Я»

В Европе представления о «Я» восходят к религиозной идее о душе. Но Эпиктет, древнегреческий философ-стоик, писал также о рефлексивном «Я», его заботил вопрос личной независимости. Аристотелевское понятие души было близко современному представлению о самости. Аристотель выделял несколько разновидностей души: растительная, чувствительная, интеллектуальная. Душа была одновременно и действенной причиной жизни, и ее конечной причиной, придающей человеку цель и смысл жизни [Siegel J., 2005].

Понятие души было неприемлемым для философских и научных целей. Понятие «Я» выступило альтернативой душе, став источником понимания единства человека, его силы, свободы, контроля. Р. Декарт был первым крупным мыслителем, который использовал слова разум (mind) и единое «Я» (unified self), противопоставив их понятию души. «Я» — это непротяженная ментальная субстанция, то, что внутри человека и обеспечивает его мышление. Для Р. Декарта главным был вопрос о том, как «Я», будучи нематериальным, вписывается в материальный мир, управляемый механическими законами. Хотя Р. Декарт заменил понятие души понятием «Я», унитарные представления о душе были перенесены на «Я» [Barresi J., Martin R., 2011; Siegel J., 2005]. Однако между понятиями души и «Я» остается существенная разница, она является предметом оживленных дискуссий до сих пор. Идея единого (унитарного) «Я» постепенно уступила место идеям дифференцированного «Я» [Danziger K., 1997a] и его интеграции [Barresi J., Martin R., 2011].

Слово «Я» (self) вошло в обиход английского языка независимо от Р. Декарта. Считается, что оно появилось впервые как существительное около 1300 г. и имело негативные коннотации, следуя религиозной традиции смотреть на человека как источник грехов. Противопоставление «Я» как воплощения зла божественной доброте сохранялось на протяжении столетий [Danziger K., 1997a, 1997b]. В Оксфордском словаре английского языка [Oxford English Dictionary, 1989, vol. 14, p. 907] приводится типичное выражение «Я» в человеке — большой Антихрист и анти-Бог в мире (1680). В XVII в. в английском языке наряду с негативными появляются положительные коннотации «Я»: самоуважение (1595), самодостаточный (1598), делающий себя сам (1615), интерес к себе (1649), самоуверенный (1653) [Danziger K., 1997a, 1997b], а также знающий себя (1613), ищущий себя (1632), эгоистичный (1640), изучающий себя (1647), самость (1649), самообман (1667), самодетерминация (1683), самосознание (1687) [Cameron-Smith C., 2004].

Дж. Локк исходил из того, что «Я» можно познавать эмпирически. Подобно природным объектам, его можно систематически наблюдать, описывать, изучать. Эта концепция «Я» выступила новой основой единства человека,

заняв место понятию бессмертной души. Дж. Локк отделил «Я» от внутренних и внешних действий, переживаний [Danziger K., 1997b].

Д. Юм предложил скептический взгляд на самость. Нет впечатления постоянного и неизменного. Боль и удовольствие, горе и радость, страсти и ощущения сменяются и не существуют одновременно. Ни из каких впечатлений идея самости не выводится, а значит, она не существует. Разум (mind) — это своего рода театр, где последовательно проявляются разные восприятия, и неизвестно ни место, где эти сцены представлены, ни материалы, из которых они составлены. Тем не менее Д. Юм различал «Я» и «Другой», указывая на то, что они являются взаимными отражениями страстей, чувств и мнений [Siegel J., 2005].

И. Кант выделял три формы «Я». Первая — трансцендентальное «эго». Оно обеспечивает опыту единство, устойчивость и непрерывность. Вторая форма — эмпирическое «Я». Оно следует законам материального существования. Третья форма — практическое или моральное «Я»; его И. Кант связывал с ноуменальным «Я». Его бытие не подчиняется ограничениям, которые накладываются на вещи в ходе их познания [Marschall C., 2010]. Эмпирическое «Я» обеспечивало связь с миром явлений, а трансцендентальное «Я» и ноуменальное «Я» не принадлежали миру явлений. Формы «Я» противопоставлялись, хотя характеризовали одного и того же человека. И. Кант полагал, что целеполагание является чуть ли не единственным условием, объясняющим единство «Я» [Cameron-Smith C., 2004; Siegel J., 2005]. Согласно другому делению, И. Кант писал о двух «Я», феноменальном и ноуменальном. Феноменальное «Я» расширяется во времени, возможно, и в пространстве, способно быть субъективным и объективным. Ноуменальное «Я» лишено пространственной и временной протяженности и не способно переживать. «Я» трактуется как центр субъективности, эмпирического и рационального единства [Barresi J., Martin R., 2011; Cameron-Smith C., 2004; Marschall C., 2010].

И.Г. Фихте стремился показать «Я» (эго) основой опыта и существования. Эго характеризовалось как саморефлексия и деятельность. Она обеспечивала доступ эго к миру. Работа эго никогда не заканчивалась, а цель самосуществования никогда не реализовывалась до конца.

И.Г. Фихте установил три трансцендентальных акта ума. Во-первых, постулировалась чистая деятельность эго. Во-вторых, различались «не-Я» и «Я». Они противопоставлялись в виде взаимных ограничений и конфликтов. В-третьих, разделение «Я» и «не-Я» преодолевалось путем повторения эго-деятельности. Такова была знаменитая триада тезис-антитезис-синтез, которую впоследствии широко и ошибочно приписывали Г.В.Ф. Гегелю [Siegel J., 2005].

Г.В.Ф. Гегель выдвинул идею «Я» как концептуальную основу понимания мира. Объект познания нужно было схватить по образцу «Я» и потому постичь его природу. С одной стороны, «Я» находится в единстве с собой и знает себя как нечто бесконечное, универсальное и свободное. С другой стороны, деятельность «Я» никогда не прекращается, потому что его сущность является рефлексивной и самосозидающей, а деятельность — целенаправленной. «Я» не пребывает в покое, его существование — это движение, которое обеспечивает синтез противоречий и примирений. Движение и развернутое становление и есть «Я», то, что вернулось в себя, причем последнее есть тоже «Я», то, что соотносится само с собой. Дистанция обеспечивает независимость «Я» от своих объектов. «Я» возникает не через акт интроспекции и не в отрыве от людей, а посредством динамических отношений, в которых каждая сторона признает другую [Barresi J., Martin R., 2011; Siegel J., 2005].

Во второй половине XIX в. исследования «Я» продолжились. Дж. Милль [Mill J., 1869] утверждал, что идея «Я» объединяет его состояния во времени. Г. Спенсер [Spencer H., 1855] полагал, что «Я» вбирает впечатления, которые едины и непрерывны. Особую роль, согласно А. Бергсону [Bergson H., 1910], играла память. Она была связующим звеном между прошлым и настоящим опытом, обеспечивала «Я» единую структуру и органичное целое [Bhar S.S., Kyrios M., 2016].

Фундаментальные изменения в представлениях о «Я» заключались в его дифференциации. Этот взгляд на «Я» коренным образом вступал в противоречие с религиозным пониманием души как неделимой [Danziger K., 1997b]. Вначале возникли представления о расщеплении «Я». Они были отнесены к области психопатологии. Затем появились представления о многих «Я» у одного и того же человека как его

естественной сущности. Если «Я» оценивает и контролирует себя, оно должно делиться на наблюдающую и наблюдаемую инстанции. Утверждалось, что в одном и том же человеке может быть не только два, но и много «Я». Их «нормализация» в психологии последовала довольно скоро. У. Джеймс [Джеймс У., 2018; James W., 1890] утверждал, что в повседневной социальной жизни людей участвуют несколько «Я» с учетом социальных ситуаций.

Эволюция представлений о «Я» в США

Предшественниками американской психологии считают европейских философов Дж. Локка и Т. Рида. Они подчеркивали роль наблюдения и опыта в ходе приобретения знания [Fuchs A.H., 2000]. Другие данные указывают на эмпирическую концепцию Д. Юма [Hume D., 1999]. От него И. Кант в своей критической философии искал условия единства эмпирического «Я» в трансцендентальном понятии «чистого Я». Г. Лотце стал известен в США благодаря своей концепции эго. Оно проявляется в талантах, темпераменте и чертах интеллектуальной жизни [Woodward W.R., 2006].

Конструкт «Я» развивался прежде всего в русле трех влиятельных направлений: бихевиорального, когнитивного и гуманистическо-экзистенциального. Эти направления не исчерпывают американскую психологию, но они позволяют очертить ее общие особенности.

Бихевиоральное направление

Научная психология пришла на американский континент из экспериментальной лаборатории психологии В. Вундта. Будучи его учеником, Э.Б. Титченер привез в Америку разновидность экспериментальной психологии, именуемую «структурализмом». Структуралистов интересовало содержание сознания, его особенности и происхождение [Benjamin L.T., 2007].

Бихевиоризм получил развитие с 1913 г., когда Дж.Б. Уотсон опубликовал свою классическую работу «Психология как ее видит бихевиорист» [Watson J.B., 1913]. Бихевиоризм утверждался как научная психология и своим предметом рассматривал наблюдаемое поведение. Русский физиолог И.П. Павлов оказал влияние на ранний бихевиоризм в Америке. Его работа об условных рефлексах получила известность в США в виде классического обусловливания.

Она поддерживала идею о том, что научение и поведение контролируются событиями в окружающей среде и могут быть объяснены без привязки к сознанию [Todes D., 2001]. Уотсоновский бихевиоризм подвергался жесткой критике. Знаменитой и популярной стала фраза Э.Г. Боринга [Boring E.G., 1950] о том, что бихевиоризм сначала потерял душу, затем разум и, наконец, сознание. Определение психологии как науки о поведении было подобно определению физики как науки о показаниях счетчика [Miller G.A., 2003].

После Дж.Б. Уотсона [Watson J.B., 1930] появились различные варианты бихевиоризма. Дж.С. Малоун и Н.М. Крушон [Malone J.C., Cruchon N.M., 2001] выделили как минимум 14 вариантов бихевиоризма: классический, необихевиоризм, интербихевиоризм, незрелый и молярный, теоретический, когнитивный, системный, психологический, эмерджентный и другие разновидности. В 1930-е гг. на смену бихевиоризму Дж.Б. Уотсона пришел необихевиоризм К.Л. Халла, Б.Ф. Скиннера, Э.К. Толмена. В отличие от Дж.Б. Уотсона, они признавали правомерность теоретических объяснений наблюдаемого поведения в терминах внутренних состояний организмов и промежуточных переменных наравне со средовыми объяснениями поведения [Greenwood J.D., 2015]. Б.Ф. Скиннер [Skinner B.F., 1974] писал, что предмет бихевиоризма не является средством изучения чего-то иного, чем поведения [Catania A.C., 1984].

В первой половине XX в. судьба исследований «Я» в классическом бихевиоризме Дж.Б. Уотсона была удручающей. По оценке К. Данзигера [Danziger K., 1997b], после У. Джеймса американские психологи оставили дальнейшее развитие понятия «Я» социологам. Однако это не совсем точно. В 1922 г. Дж.Г. Мид [Mead G.H., 1922] разрабатывал социальный бихевиоризм сознания, включая значение, язык, мышление, а также «Я» [Wozniak R.H., 1994]. Бихевиористы не восприняли этот подход, а сам Дж.Г. Мид [Mead G.H., 1934] отделился от бихевиоризма.

Первоначально для Б.Ф. Скиннера [Skinner B.F., 1953] «Я» было вымыслом и случайностью, его значимость в оперантных исследованиях отвергалась. Затем ситуация изменилась [Markus H.R., Wurf E., 1987], в том числе в бихевиоризме [Greenwood J.D., 2015]. Б.Ф. Скиннер

не стал отрицать ментальные события, хотя отказывался прибегать к ним как к объяснительным понятиям [Schultz D.P., Schultz S.E., 2011].

Еще один знаменательный сдвиг в развитии бихевиоризма произошел в связи с появлением психологического бихевиоризма (прежнее название — прагматический бихевиоризм) [Staats A.W., 2003]. Его главные цели заключались в том, чтобы придать психологии поведенческий характер и психологизировать поведение. В результате в психологический бихевиоризм включались такие темы, как личность, эго, «Я», Я-концепция. Э. Толмен [Tolman E.Ch., 1951] был одним из немногих, кто принимал во внимание личность и рассматривал ее как промежуточную переменную вне психологического бихевиоризма. Но он не развивал концепцию личности, не использовал ее для понимания человеческого поведения. В целом, бихевиоризм отвергал личность, а исследователи личности отвергали бихевиоризм. Между ними укоренилось взаимное неприятие [Staats A.W., 2003].

Когнитивное направление

Когнитивное направление определили знаковая работа Дж.С. Брунера, Дж.Дж. Гудноу и Дж.А. Остина [Bruner J.S. et al., 1956], суровая критика бихевиоризма и в целом эмпирицизма, предпринятая Н. Хомским [Chomsky N., 1959], известная книга Дж. Миллера, Е. Галантера, К. Прибрама [Миллер Дж. и др., 1964; Miller G.A., et al., 1960]. Менталистские концепции (включая «Я») должны были интегрироваться в психологическую науку и объяснить поведение. Фундамент когнитивного движения заложили Дж. Миллер [Miller G.A., 2003] и У. Найссер [Neisser U., 1967]. Дж. Миллер вместе с Дж. Брунером основали в Гарварде Центр когнитивных исследований (1960). Они сделали важную заявку на новую область психологической науки. Так, было установлено, что восприятие, суждения, классификации и т.п. зависят не только от стимулов, а также от предшествующих им когнитивных схем [Harté R., 2009]. Гарвардский Центр когнитивных исследований имел большой успех, а его сотрудники не боялись употреблять такие слова, как сознание, ожидание, восприятие, память [Schultz D.P., Schultz S.E., 2011].

В 1930-е гг. после переезда из гитлеровской Германии в США М. Вертгеймера и его коллег

К. Коффки, В. Келера, К. Левина американские психологи познакомились с гештальт-психологией. Одно из ее главных положений заключалось в том, что сознание обрабатывает информацию скорее в симультанном, чем последовательном формате. Отсюда положение о том, что целое больше своих частей. Гештальт-психология была в конфликте с бихевиоризмом по этим вопросам. Но она была предвестником подъема когнитивной психологии [Anderson J.R., 2010; Benjamin L.T., 2007].

Термин «когнитивная психология» стал общеупотребительным после публикации У. Найссером [Neisser U., 1967] книги с одноименным названием. Она пользовалась большой популярностью, и У. Найссера стали называть «отцом» когнитивной психологии [Солсо Р.Л., 2006].

Первая когнитивная революция в психологии возникла также в результате развития теории информации и компьютерных наук. ЭВМ была «интеллектуальной» машиной, которую стали понимать как проверенную модель психики: информационный процессор, работающий на правилах и представлениях, которые заложены в ЭВМ. Появилась компьютерная метафора в когнитивной психологии [Anderson J.R., 2010; Baars B.J., 1986; Greenwood J.D., 2015; Schultz D.P., Schultz S.E., 2011]. Затем на смену ей пришел коннекционизм — когнитивная теория, основанная на представлениях о параллельной обработке и хранении информации, распределенной через активацию по всей нейронной сети, а не только в ее отдельных узлах [Rumelhart D.E. et al., 1986]. Дж. Брунер [Bruner J.S., 1986] показал, что социальные когнитивные процессы предшествуют индивидуальным актам мышления. Они легли в основу Второй когнитивной революции [Harté R., 2009]. Дж. Брунер инициировал и третью революцию в американской когнитивной психологии. Она ознаменовалась переходом от исследований внутренних ментальных репрезентаций к диалогическим социальным практикам [Shotter J., 2001].

Гуманистическо-экзистенциальное направление

Гуманистические психологи предложили новое понимание и назначение психологии. Они были убеждены, что гуманистический путь развития

будет лучшим для психологии [Schultz D.P., Schultz S.E., 2011].

Основателями американской гуманистической психологии считаются А. Маслоу [Маслоу А.Г., 1999; Maslow A.H., 1954, 1961, 1962] и К. Роджерс [Rogers C.R., 1951, 1975]. Американская гуманистическая психология опиралась по преимуществу на философию и психологию экзистенциализма и феноменологию. Р. Мэй [May R., 1994; Existential psychology, 1961] сыграл ключевую роль в наведении мостов между европейским экзистенциализмом и американской экзистенциальной психологией. Э. Гуссерль [Husserl E., 1962], основатель феноменологии, отвергал научный реализм и подчеркивал, что познание начинается с человеческого субъективного опыта. Р. Мэй [May R., 1965; Existential psychology, 1961] воспринял Гуссерлевскую концепцию интенциональности, рассматривая человеческое сознание. Интенциональность — это понятие, придающее смысл опыту. Она лежит в основе принятия решений в ответ на альтернативы. Достичь аутентичности можно, имея смелость вступить в неизвестное будущее [Wong P.T.P., 2005].

Экзистенциальная психология делает акцент на сознании в настоящем развитого и подлинного «Я». Этот подход, вместе с большей частью предшествовавшей ему феноменологии, разделял два основополагающих допущения: 1) под поверхностью личности существует реальное «Я», 2) знание того, кто есть человек, требует раскрытия реального «Я». Экзистенциальная психология стремится понять, как люди справляются с тем, что И. Ялом [Yalom I.D., 1980] назвал «данностями существования». Экзистенциалисты утверждают, что люди (по крайней мере, в принципе) способны выходить за рамки социальных условностей и создавать подлинное «Я». Благодаря процессам трансформации или даже трансценденции люди могут взять на себя ответственность по отношению к другим и быть самими собой [Barresi J., Martin R., 2011; Kernis M.H., Goldman B.M., 2003].

Экзистенциальный принцип о том, что люди свободны и ответственны за свое существование, был включен в гуманистическую психологию. Подчеркивается позитивная экзистенциальная данность — творческая, спонтанная и самоактуализирующаяся. Гуманистическая психология принимает целостный подход к че-

ловеческому существованию через исследование таких понятий, как смысл, ценности, свобода, трагедия, личная ответственность, человеческий потенциал, духовность и самоактуализация. А. Маслоу [Маслоу А.Г., 1999; Maslow A.H., 1961, 1962] отверг европейский экзистенциальный акцент на отчаянии, тревоге и смерти. Он был первым позитивным психологом, предложившим рассматривать экзистенциализм основой подлинного «Я» и его бытия.

Исследованиям «Я» в гуманистической психологии предшествовало возрождение интереса к нему в общепсихологическом контексте. «Я» появляется в американской психологии лишь в середине XX в. Г. Олпорт сделал знаменитое заявление о том, что «Я» должно войти в предмет психологии. Приветствовалась не фрагментация «Я», которая теперь отождествлялась с психиатрией и социологией, а его гораздо более ранняя версия унитарного «Я». Г. Олпорт полагал, что «Я» характеризуется конгруэнтностью и единством [Allport G.W., 1943].

В 1947 г. К. Роджерс в президентской речи к членам Американской психологической ассоциации говорил о том, что «Я» вернулось в психологию. Два года спустя в президентском послании Э. Хилгарда прозвучало предложение изучать «Я» как необходимое условие понимания защитных механизмов фрейдистского эго. В последующие годы более тысячи работ были опубликованы в области исследований «Я». Дж.М. Шлейн [Shlein J.M., 1969] писал, что на протяжении десятилетий понятие «Я» оставалось в тени исследований эго клиницистами, а также теории оперантного научения. Так продолжалось почти до президентского выступления Э. Хилгарда перед членами Американской психологической ассоциации. Когда животные являются главным материалом исследований, как это было в «эру крыс», не так уж много было шансов на то, что теория «Я» возникнет и будет поддержана. Никто не писал о «Я» так глубоко и убедительно, как великий У. Джеймс [Джеймс У., 2018]. Однако его работа отошла в тень на фоне растущей популярности Уотсонского бихевиоризма.

А. Маслоу предположил, что экзистенциализм даст толчок к созданию новой психологии аутентичного «Я» и его бытия. Полагалось, что эта психология переключит внимание с психопатологии на самоактуализирующуюся лич-

ность. Самоактуализирующие люди — это те, кто полностью реализовали свой потенциал и стали полноценными людьми в плане здоровья, сбалансированности и интегрированности их мотивов. [Маслоу А.Г., 1999; Wong P.T.P., 2005].

Теория личности К. Роджерса является в основном феноменологической, экзистенциальной, гуманистической. Он уделял большое внимание развитию представлений о «Я». В его теории оно эволюционирует из перцептивного поля к дифференциации. Последняя возникает в результате взаимодействия «Я» с миром, со значимыми другими. «Я» описывается как организованный, непротиворечивый, концептуальный гештальт, состоящий из восприятия характеристик «Я» или «меня» и их отношений к различным аспектам жизни, а также ценностям, привязанным к этим восприятиям [Rogers C.R., 1959, 1961]. Будучи организованным целым, «Я» реагирует на действительность как на переживаемую и воспринимаемую, включает целенаправленное поведение. Нужно сосредоточиться на феноменологическом мире «Я» и помочь ему раскрыть смыслы своих внутренних переживаний. Подобно А. Маслоу, К. Роджерс вводит понятие истинного «Я», которое характеризуется целостностью, связностью, единством.

Заключение

После того, как европейская философия и психология восприняли идею «Я», она эволюционировала. Ведущую роль в этом повороте сыграли Р. Декарт и Дж. Локк. Фундаментальные изменения в представлениях о «Я» произошли во второй половине XIX в. Если «Я» оценивает и контролирует себя, оно становится разделенным на наблюдающую и наблюдаемую инстанции. Утверждение, что в одном и том же человеке может быть не только два «Я», а много, предполагало дифференцированный и множественный взгляд на «Я», и он коренным образом вступал в противоречие с религиозным пониманием души, сущностью которой полагалась неделимость.

Предшественниками американской психологии считаются Дж. Локк и Т. Рид. Другие источники указывают в роли предшественника американской психологии эмпирическую концепцию «Я» Д. Юма. Вплоть до 1960 гг. бихевиоризм исходил из того, что научная психология должна быть направлена

на объяснение, предсказание и контроль наблюдаемого поведения. Для поведенческих психологов «Я» было вымыслом и случайностью, его значимость в исследованиях поведения отвергалась. Позже ситуация изменилась. Ментальные феномены стали признаваться, правда, как формы активности, а не образы действительности. Знаменательный сдвиг в развитии бихевиоризма произошел в связи с появлением психологического бихевиоризма. В него включались такие темы, как личность, эго, «Я».

Основная идея когнитивной психологии состояла в том, чтобы включить внутренние процессы (в том числе «Я») в предмет психологии. Это кардинально противоречило положению бихевиоризма о том, что истинный предмет психологии — реакции и поведение. Первая когнитивная революция в психологии возникла не только как вызов бихевиоризму, а также в результате развития теории информации и компьютерных наук.

Американская гуманистическая психология опиралась по преимуществу на философию и психологию экзистенциализма и феноменологию. Экзистенциальная психология показывает, что люди способны выйти за рамки социальных условностей и создают подлинное «Я». Экзистенциальный принцип о том, что люди обладают аутентичным «Я», был включен в гуманистическую психологию.

К настоящему времени европейско-американская психология достигла больших успехов в исследованиях «Я». Но единое представление о нем не возникает. Общей особенностью исследований «Я» является парадигмальная фрагментация. Можно предположить, что в европейско-американской психологии на смену диверсификации придет противоположная тенденция, а именно ориентация на создание интегративных (транспарадигмальных) теорий «Я».

Список литературы

Аронова Е.А., Моросанова В.И. Типологическая структура самосознания и саморегуляции у старшеклассников // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. Т. 1, № 1 С. 37–44.

Василевская Е.Ю., Молчанова О.Н. Возможные Я: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 4. С. 801–815. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-801-815>

Гершкович В.А., Фаликман М.В. Когнитивная психология в поисках себя // Российский журнал когнитивной науки. 2018. Т. 5, № 4. С. 28–46.

Джеймс У. Принципы психологии. Глава X. Сознание Я / пер. с англ. В.Г. Николаева // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20, вып. 1–2. С. 24–48. DOI: <https://doi.org/10.30936/1606-951X-2018-20-1/2-24-48>

Дорфман Л.Я. Я–концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я–концепция, личность / под ред. Л.Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004. С. 96–123.

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Четырехфакторный опросник Я: его концептуальный и психометрический анализ // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 53–74. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/75/4>

Карпинский К.В. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики. Гродно: Изд-во Гродн. гос. ун-та, 2010. 140 с.

Кон И.С. Открытие Я. М.: Политиздат, 1978. 367 с.

Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. 2-е изд. М.: Смысл, 1997. 64 с.

Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф. Воплощенное познание (embodied cognition): основные направления исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Педагогика. 2017. Т. 7, № 4. С. 343–364. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.404>

Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Зарубежная психология в начале XXI века: Эскиз к портрету. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2018. 140 с.

Маслоу А.Г. Новые рубежи человеческой природы / пер. с англ. Г.А. Балла, А.П. Попогребского. М.: Смысл, 1999. 425 с.

Мерлин В.С. Структура личности. Характер, способности, самосознание: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1990. 109 с.

Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структура поведения / пер. с англ. О.С. Виноградовой, Е.Д. Хомской. М.: Прогресс, 1964. 238 с.

Петровский В.А. «Я» в персонологической перспективе. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. 504 с.

Солсо Р.Л. Когнитивная психология / пер. с англ. С. Комарова. 6-е изд. М.: Питер, 2006. 592 с.

Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.

Токарева Г.В., Дорфман Л.Я. ИмPLICITные процессы и их исследование в западной психоло-

гии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 7, № 1. С. 17–27.

Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1994. № 2. С. 3–13.

Allport G.W. The productive paradoxes of William James // Psychological Review. 1943. Vol. 50, iss. 1. P. 95–120. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0057717>

Anderson J.R. Cognitive psychology and its implications. 7th ed. N.Y.: Worth Publishers, 2010. 469 p.

Baars B.J. The cognitive revolution in psychology. N.Y.: Guilford Press, 1986. 443 p.

Barresi J., Martin R. History as prologue: Western theories of the self // The Oxford Handbook of the Self / ed. by S. Gallagher. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 33–56. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199548019.003.0002>

Behaviourism: The early years. Vol. 1: Reflex, habit and implicit response: The early elaboration of theoretical and methodological behaviourism 1915–1928 / ed. by R.H. Wozniak. London: Routledge/Thoemmes, 1994.

Benjamin L.T. A brief history of modern psychology. Malden, MA: Blackwell, 2007. 246 p.

Bergson H. Time and free will: An essay on the immediate data of consciousness. London: George Allen & Unwin Ltd., 1910. 280 p.

Bhar S.S., Kyrios M. The self-concept: theory and research // The Self in understanding and treating psychological disorders / ed. by M. Kyrios et al. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2016. P. 8–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139941297.003>

Boring E.G. History of experimental psychology. 2nd ed. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950. 777 p.

Bruner J.S. Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 222 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674029019>

Bruner J.S., Goodnow J.J., Austin G.A. A study of thinking. N.Y.: John Wiley & Sons, 1956. 330 p.

Cameron-Smith C. The story of the self: A grounded theory perspective. Doctoral diss. Rand African University, 2004.

Catania A.C. The operant behaviorism of B.F. Skinner // The Behavioral and Brain Sciences. 1984. Vol. 7, iss. 4. P. 473–475. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00026728>

Chomsky N. «Verbal behavior» by B.F. Skinner: review // Language. 1959. Vol. 35, no. 1. P. 26–58. DOI: <https://doi.org/10.2307/411334>

Danziger K. Naming the mind: How psychology found its language. London: Sage, 1997. 224 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446221815>

Danziger K. The historical formation of selves // *Self and identity: Fundamental issues* / ed. by R.D. Ashmore, L.J. Jussim. N.Y.: Oxford University Press, 1997. P. 137–159. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780195098266.003.0006>

Existential psychology / ed. by R. May. N.Y.: Random House, 1961. 126 p.

Fuchs A.H. Contributions of American mental philosophers to psychology in the United States // *History of Psychology*. 2000. Vol. 3, iss. 1. P. 3–19. DOI: <https://doi.org/10.1037/1093-4510.3.1.3>

Greenwood J.D. Neobehaviorism, radical behaviorism, and problems of behaviorism // *Greenwood J.D. A Conceptual History of Psychology: Exploring the Tangled Web*. 2nd ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. P. 410–453. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107414914.012>

Harré R. The Second Cognitive Revolution // *After Cognitivism: A Reassessment of Cognitive Science and Philosophy* / ed. by K. Leidlmaier. Dordrecht, NL: Springer, 2009. P. 181–187. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9992-2_11

Hattie J. Self-Concept. N.Y.: Psychology Press, 2014. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315802183>

Hume D. An enquiry concerning human understanding / ed. by T.L. Beauchamp. Oxford, UK: Oxford University Press, 1999. 304 p.

Husserl E. Ideas: General introduction to pure phenomenology. N.Y.: Collier Books, 1962. 466 p.

James W. The principles of psychology. Vol. 1. London: Macmillan, 1890. 716 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/10538-000>

Kernis M.H., Goldman B.M. Stability and variability in self-concept and self-esteem // *Handbook of self and identity* / ed. by M.R. Leary, J.P. Tangney. N.Y.: The Guilford Press, 2003. P. 106–127.

Leary M.R., Tangney J.P. The self as an organizing construct in the behavioral and social sciences // *Handbook of self and identity* / ed. by M.R. Leary, J.P. Tangney. N.Y.: The Guilford Press, 2003. P. 3–14.

Malone J.C., Cruchon N.M. Radical Behaviorism and the rest of psychology: A review precis of Skinner's About Behaviorism // *Behavior and Philosophy*. 2001. Vol. 29. P. 31–57.

Markus H.R., Wurf E. The dynamic self-concept: A social psychological perspective // *Annual Review of Psychology*. 1987. Vol. 38. P. 299–337. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.38.020187.001503>

Marschall C. Kant's metaphysics of the self // *Philosophers' Imprint*. 2010. Vol. 10, no. 8. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/phimp/3521354.0010.008/--kant-s-metaphysics-of-the-self?view=image> (accessed: 22.01.2024).

Maslow A.H. Motivation and personality. N.Y.: Harper & Brothers, 1954. 411 p.

Maslow A.H. Existential psychology: What's in it for us? // *Existential psychology* / ed. by R. May. N.Y.: Random House, 1961. P. 49–57.

Maslow A.H. Toward a psychology of being. N.Y.: Van Nostrand, 1962. 214 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/10793-000>

May R. Intentionality, the heart of human will // *The Journal of Humanistic Psychology*. 1965. Vol. 5, no. 2. P. 202–209. DOI: <https://doi.org/10.1177/002216786500500209>

May R. The discovery of being: Writings in existential psychology. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1994. 194 p.

Mead G.H. A behavioristic account of the significant symbol // *Journal of Philosophy*. 1922. Vol. 19, iss. 6. P. 157–163. DOI: <https://doi.org/10.2307/2939827>

Mead G.H. Mind, self, and society / ed. by C.W. Morris. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1934. 440 p.

Mill J. Analysis of the phenomena of the human mind: in 2 vols. London: Longmans, Green, Reader and Dyer, 1869. 454 p., 403 p.

Miller G.A. The cognitive revolution: a historical perspective // *Trends in Cognitive Sciences*. 2003. Vol. 7, iss. 3. P. 141–144. DOI: [https://doi.org/10.1016/s1364-6613\(03\)00029-9](https://doi.org/10.1016/s1364-6613(03)00029-9)

Miller G.A., Galanter E., Pribram K.H. Plans and the structure of behavior. N.Y.: Holt, 1960. 236 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/10039-000>

Neisser U. Cognitive psychology. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1967. 351 p.

Oxford English Dictionary / ed. by J. Simpson, E. Weiner. 2nd ed. Oxford, UK: Oxford University Press, 1989. Vol. 14. 1016 p.

Rogers C.R. Client-centered therapy: Its current practice, implications, and theory. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1951. 560 p.

Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered framework // *Psychology: A Study of a Science*. Vol. 3: Formulations of the Person and the Social Context / ed. by S. Koch. N.Y.: McGraw Hill, 1959. P. 184–256.

Rogers C.R. On becoming a person. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1961. 420 p.

Rogers C.R. The emerging person: A new revolution // Carl Rogers: The man and his ideas / ed. by R.I. Evans. N.Y.: E.P. Dutton & Co, 1975. P. 147–175.

Rumelhart D.E., McClelland J.L. et al. Parallel distributed processing: Explorations in the micro-structure of cognition. Vol. 1: Foundations. Cambridge, MA: MIT Press, 1986. 567 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/5236.001.0001>

Schultz D.P., Schultz S.E. A history of modern psychology. 10th ed. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning, 2011. 432 p.

Self and identity: Fundamental issues / ed. by R.D. Ashmore, L.J. Jussim. N.Y.: Oxford University Press, 1997. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780195098266.001.0001>

Shlein J.M. The Self concept in relation to behavior: Theoretical and empirical research // Dynamic Social Psychology / ed. by D.G. Dean. N.Y.: Random House, 1969. P. 9–31.

Shotter J. Toward a third revolution in psychology: From inner mental representations to dialogical social practices // Jerome Bruner: Language, Culture, Self / ed. by D. Bakhurst, S.G. Shanker. London: Sage, 2001. P. 167–183. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446217634.n11>

Siegel J. The idea of the Self: thought and experience in Western Europe since the seventeenth century. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 734 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511818141>

Skinner B.F. About behaviorism. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1974. 256 p.

Skinner B.F. Science and human behavior. N.Y.: Macmillan, 1953. 461 p.

Spencer H. The principles of psychology. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 620 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/14065-000>

Staats A.W. A Psychological behaviorism theory of personality // Handbook of psychology. Vol. 5: Personality and Social Psychology / ed. by T. Millon, M.J. Lerner, I.B. Weiner. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2003. P. 135–158. DOI: <https://doi.org/10.1002/0471264385.wei0506>

Todes D. Pavlov's physiology factory: Experiment, interpretation, laboratory enterprise. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2001. 512 p. DOI: <https://doi.org/10.56021/9780801866906>

Tolman E.Ch. Behavior and psychological man. Berkeley, CA: University of California Press, 1951. 286 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520344822>

Watson J.B. Behaviorism. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1930. 304 p.

Watson J.B. Psychology as the behaviorist views it // Psychological Review. 1913. Vol. 20, iss. 2. P. 158–177. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0074428>

Wong P.T.P. Existential and humanistic theories // Comprehensive Handbook of Personality and Psychopathology / ed. by J.Ch. Thomas, D.L. Segal. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2005. P. 192–211.

Woodward W.R. Lotze, the self, and American psychology // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. Vol. 291, iss. 1. P. 168–177. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1977.tb53068.x>

Yalom I.D. Existential psychotherapy. N.Y.: Basic Books, 1980. 544 p.

References

Allport, G.W. (1943). The productive paradoxes of William James. *Psychological Review*. Vol. 50, iss. 1, pp. 95–120. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0057717>

Anderson, J.R. (2010). *Cognitive psychology and its implications*. 7th ed. New York: Worth Publishers, 469 p.

Aronova, E.A. and Morosanova, V.I. (eds.) (2008). [The typological structure of self-awareness and self-regulation in high school students]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 1, no. 1, pp. 37–44.

Ashmore, R.D. and Jussim, L.J. (1997). *Self and identity: Fundamental issues*. New York: Oxford University Press, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780195098266.001.0001>

Baars, B.J. (1986). *The cognitive revolution in psychology*. New York: Guilford Press, 443 p.

Barresi, J. and Martin, R. (2011). History as prologue: Western theories of the self. S. Gallagher (ed.) *The Oxford Handbook of the Self*. New York: Oxford University Press, pp. 33–56. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199548019.003.0002>

Benjamin, L.T. (2007). *A brief history of modern psychology*. Malden, MA: Blackwell Publ., 246 p.

Bergson, H. (1910). *Time and free will: An essay on the immediate data of consciousness*. London: George Allen & Unwin Ltd. Publ., 280 p.

Bhar, S.S. and Kyrios, M. (2016). The self-concept: theory and research. M. Kyrios et al. (eds.) *The Self in understanding and treating psychological disorders*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 8–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139941297.003>

Boring, E.G. (1950). *History of experimental psychology*. 2nd ed. New York: Appleton-Century-Crofts Publ., 777 p.

- Bruner, J.S. (1986). *Actual minds, possible worlds*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 222 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674029019>
- Bruner, J.S., Goodnow, J.J. and Austin, G.A. (1956). *A study of thinking*. New York: John Wiley & Sons Publ., 330 p.
- Cameron-Smith, C. (2004). *The story of the self: A grounded theory perspective*. Doctoral diss. Johannesburg, Rand African University.
- Catania, A.C. (1984). The operant behaviorism of B.F. Skinner. *The Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 7, iss. 4, pp. 473–475. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00026728>
- Chomsky, N. (1959). «Verbal behavior» by B.F. Skinner: review. *Language*. Vol. 35, no. 1, pp. 26–58. DOI: <https://doi.org/10.2307/411334>
- Danziger, K. (1997). *Naming the mind: How psychology found its language*. London: Sage Publ., 224 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446221815>
- Danziger, K. (1997). The historical formation of selves. R.D. Ashmore, L.J. Jussim (eds.) *Self and identity: Fundamental issues*. New York: Oxford University Press, pp. 137–159. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780195098266.003.0006>
- Dorfman, L.Ya. (2004). [Self-concept: differentiation and integration]. *Integral'naya individualnost', Ya-kontseptsiya, lichnost', pod red. L.Ya. Dorfmana* [L.Ya. Dorfman (ed.) *Integral individuality, self-concept, personality*]. Moscow: Smysl Publ., pp. 96–123.
- Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2020). [The four-factor self questionnaire: Theoretical and psychometric analysis]. *Sibirskyy psikhologicheskyy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 75, pp. 53–74. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/75/4>
- Fuchs, A.H. (2000). Contributions of American mental philosophers to psychology in the United States. *History of Psychology*. Vol. 3, iss. 1, pp. 3–19. DOI: <https://doi.org/10.1037/1093-4510.3.1.3>
- Gershkovich, V.A. and Falikman, M.V. (2018). [Cognitive psychology in search of itself]. *Rossiiskyy zhurnal kognitivnoy nauki* [The Russian Journal of Cognitive Science]. Vol. 5, no. 4, pp. 28–46.
- Greenwood, J.D. (2015). Neobehaviorism, radical behaviorism, and problems of behaviorism. Greenwood J.D. *A conceptual history of psychology: Exploring the tangled web*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 410–453. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107414914.012>
- Harré, R. (2009). The second cognitive revolution. K. Leidlmaier (ed.) *After cognitivism: A Reassessment of Cognitive Science and Philosophy*. Dordrecht, NL: Springer Publ., pp. 181–187. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9992-2_11
- Hattie, J. (2014). *Self-concept*. New York: Psychology Press, 320 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315802183>
- Hume, D. (1999). *An enquiry concerning human understanding*. Oxford, UK: Oxford University Press, 304 p.
- Husserl, E. (1962). *Ideas: General introduction to pure phenomenology*. New York: Collier Books Publ., 466 p.
- James, W. (1890). *The principles of psychology*. Vol. 1. London: Macmillan Publ., 716 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/10538-000>
- James, W. (2018). [The principles of psychology. Chapter 10. The consciousness of the Self]. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 20, iss. 1–2, pp. 24–48. DOI: <https://doi.org/10.30936/1606-951X-2018-20-1/2-24-48>
- Karpinskiy, K.V. (2010). *Professional'noe samootnoshenie lichnosti i metodika ego psikhologicheskoy diagnostiki* [Professional self-attitude of a personality and the methodology of its psychological diagnosis]. Grodno: GrSU Publ., 140 p.
- Kernis, M.H. and Goldman, B.M. (2003). Stability and variability in self-concept and self-esteem. M.R. Leary, J.P. Tangney (eds.) *Handbook of self and identity*. New York: The Guilford Press, pp. 106–127.
- Kon, I.S. (1978). *Otkrytie Ya* [Opening I]. Moscow: Politizdat Publ., 367 p.
- Leary, M.R. and Tangney, J.P. (2003). The self as an organizing construct in the behavioral and social sciences. M.R. Leary, J.P. Tangney (eds.) *Handbook of self and identity*. New York: The Guilford Press, pp. 3–14.
- Leont'ev, D.A. (1997). *Ocherk psikhologii lichnosti* [An essay on personality psychology]. Moscow: Smysl Publ., 64 p.
- Loginov, N.I. and Spiridonov, V.F. (2017). [Key areas of research in the embodied cognition approach]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education]. Vol. 7, no. 4, pp. 343–364. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.404>
- Malone, J.C. and Cruchon, N.M. (2001). Radical Behaviorism and the rest of psychology: A review precis of Skinner's About Behaviorism. *Behavior and Philosophy*. Vol. 29, pp. 31–57.
- Markus, H.R. and Wurf, E. (1987). The dynamic self-concept: A social psychological perspective. *Annual Review of Psychology*. Vol. 38, pp. 299–337. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.38.020187.001503>

- Marschall, C. (2010). Kant's metaphysics of the self. *Philosophers' Imprint*. Vol. 10, no. 8. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/p/phimp/3521354.0010.008/--kant-s-metaphysics-of-the-self?view=image> (accessed 22.01.2024).
- Maslow, A.H. (1954). *Motivation and personality*. New York: Harper & Brothers Publ., 411 p.
- Maslow, A.H. (1961). Existential psychology: What's in it for us? R. May (ed.) *Existential psychology*. New York: Random House Publ., pp. 49–57.
- Maslow, A.H. (1962). *Toward a psychology of being*. New York: Van Nostrand Publ., 214 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/10793-000>
- Maslow, A.H. (1999). *Novye rubezhy chelovecheskoy prirody* [New frontiers of human nature]. Moscow: Smysl Publ., 425 p.
- May, R. (ed.) (1961). *Existential psychology*. New York: Random House Publ., 126 p.
- May, R. (1965). Intentionality, the heart of human will. *The Journal of Humanistic Psychology*. Vol. 5, no. 2, pp. 202–209. DOI: <https://doi.org/10.1177/002216786500500209>
- May, R. (1994). *The discovery of being: Writings in existential psychology*. New York: W.W. Norton & Co. Publ., 194 p.
- Mazilov, V.A. and Slepko, Yu.N. (2018). *Za-rubezhnaya psikhologiya v nachale XXI veka: Eskiz k portretu* [Foreign psychology at the beginning of the 21st century: A outline for a portrait]. Yaroslavl: YSPU Publ., 140 p.
- Mead, G.H. (1922). A behavioristic account of the significant symbol. *Journal of Philosophy*. Vol. 19, iss. 6, pp. 157–163. DOI: <https://doi.org/10.2307/2939827>
- Mead, G.H. (1934). *Mind, self, and society*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 440 p.
- Merlin, V.S. (1990). *Struktura lichnosti: Kharakter, sposobnosty, samosoznanie* [Personality structure. Character, abilities, self-awareness]. Perm: PSPU Publ., 109 p.
- Mill, J. (1869). *Analysis of the phenomena of the human mind: in 2 vols*. London: Longmans, Green, Reader and Dyer Publ., 454 p., 403 p.
- Miller, G.A. (2003). The cognitive revolution: A historical perspective. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7, iss. 3, pp. 141–144. DOI: [https://doi.org/10.1016/s1364-6613\(03\)00029-9](https://doi.org/10.1016/s1364-6613(03)00029-9)
- Miller, G.A., Galanter, E. and Pribram, K.H. (1960). *Plans and the structure of behavior*. New York: Holt Publ., 236 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/10039-000>
- Miller, G.A., Galanter, E. and Pribram, K.H. (1964). *Plany i struktura povedeniya* [Plans and the structure of behavior]. Moscow: Progress Publ., 238 p.
- Neisser, U. (1967). *Cognitive psychology*. New York: Appleton-Century-Crofts Publ., 351 p.
- Petrovskiy, V.A. (2013). «Ya» v personalogicheskoy perspective [«Self» in a personological perspective]. Moscow: HSE Publ., 504 p.
- Rogers, C.R. (1951). *Client-centered therapy: Its current practice, implications, and theory*. Boston, MA: Houghton Mifflin Publ., 560 p.
- Rogers, C.R. (1959). A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered framework. S. Koch (ed.) *Psychology: a study of a science*. Vol. 3: *Formulations of the person and the social context*. New York: McGraw Hill Publ., pp. 184–256.
- Rogers, C.R. (1961). *On becoming a person*. Boston, MA: Houghton Mifflin Publ., 420 p.
- Rogers, C.R. (1975). The emerging person: A new revolution. R.I. Evans (ed.) *Carl Rogers: The man and his ideas*. New York: E.P. Dutton & Co Publ., pp. 147–175.
- Rumelhart, D.E., McClelland, J.L. et al. (1986). *Parallel distributed processing: Explorations in the microstructure of cognition*. Vol. 1: *Foundations*. Cambridge, MA: MIT Press., 567 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/5236.001.0001>
- Schultz, D.P. and Schultz, S.E. (2011). *A history of modern psychology*. 10th ed. Belmont, CA: Wadsworth, Cengage, Learning Publ., 432 p.
- Shlein, J.M. (1969). The Self concept in relation to behavior: Theoretical and empirical research. D.G. Dean (ed.) *Dynamic Social Psychology*. New York: Random House Publ., pp. 9–31.
- Shotter, J. (2001). Toward a third revolution in psychology: From inner mental representations to dialogical social practices. D. Bakhurst, S. Shanker (eds.) *Jerome Bruner: Language, Culture, Self*. London: Sage Publ., pp. 167–183. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446217634.n11>
- Siegel, J. (2005). *The idea of the Self: thought and experience in Western Europe since the seventeenth century*. New York: Cambridge University Press, 734 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511818141>
- Simpson, J. and Weiner, E. (eds.) (1989). *Oxford English Dictionary*. 2nd ed. Oxford, UK: Oxford University Press., vol. 14, 1016 p.
- Skinner, B.F. (1953). *Science and human behavior*. New York: Macmillan Publ., 461 p.
- Skinner, B.F. (1974). *About behaviorism*. New York: Alfred A. Knopf Publ., 256 p.
- Solso, R.L. (2006). *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Moscow: Piter Publ., 592 p.

Stolin, V.V. (1983). *Samosoznanie lichnosti* [Self-awareness of personality]. Moscow: MSU Publ., 284 p.

Tkhostov, A.Sh. (1994). [Topology of the subject (experience of phenomenological research)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Lomonov Psychology Journal]. No. 2, pp. 3–13.

Tokareva, G.V. and Dorfman, L.Ya. (2014). [Investigations of implicit processes in Western psychology]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology]. Vol. 7, no. 1, pp. 17–27.

Spencer, H. (1855). *The principles of psychology*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans Publ., 620 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/14065-000>

Staats, A.W. (2003). A psychological behaviorism theory of personality. *Millon T., Lerner M.J., Weiner I.B. (eds.) Handbook of psychology. Vol. 5: Personality and social psychology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Publ., pp. 135–158. DOI: <https://doi.org/10.1002/0471264385.wei0506>

Todes, D. (2001). *Pavlov's physiology factory: Experiment, interpretation, laboratory enterprise*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 512 p. DOI: <https://doi.org/10.56021/9780801866906>

Tolman, E.Ch. (1951). *Behavior and psychological man*. Berkeley, CA: University of California Press, 286 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520344822>

Vasilevskaya, E.Yu. and Molchanova, O.N. (2016). [Possible selves: Review of international studies]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 13, no. 4, pp. 801–815. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-801-815>

Watson, J.B. (1913). Psychology as the behaviorist views it. *Psychological Review*. Vol. 20, iss. 2, pp. 158–177. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0074428>

Watson, J.B. (1930). *Behaviorism*. New York: W.W. Norton & Co Publ., 304 p.

Wong, P.T.P. (2005). Existential and humanistic theories. *J.Ch. Thomas, D.L. Segal (eds.) Comprehensive handbook of personality and psychopathology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Publ., pp. 192–211.

Woodward, W.R. (2006). Lotze, the self, and American psychology. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 291, iss. 1, pp. 168–177. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1977.tb53068.x>

Wozniak, R.H. (ed.) (1994). *Behaviourism: The early years. Vol. 1: Reflex, habit and implicit response: The early elaboration of theoretical and methodological behaviourism 1915–1928*. London: Routledge/Thoemmes Publ.

Yalom, I.D. (1980). *Existential psychotherapy*. New York: Basic Books Publ., 544 p.

Об авторе

Дорфман Леонид Яковлевич

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин

Пермский государственный институт культуры,
614000, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18;
e-mail: dorfman07@yandex.ru
ResearcherID: AAD-5451-2020

About the author

Leonid Ya. Dorfman

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Humanities

Perm State Institute of Culture,
18, Gazety «Zvezda» st., Perm, 614000, Russia;
e-mail: dorfman07@yandex.ru
ResearcherID: AAD-5451-2020

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.77

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-88-103>

Поступила: 04.12.2023

Принята: 12.01.2024

Опубликована: 11.04.2024

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ НА ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНТЕНТА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

*Гаврильев Чокуур Николаевич**Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск)*

Представленность национальных языков в цифровой среде может оказать противодействие языковому сдвигу в эпоху глобализации и цифровизации. Цифровая среда, где информация, услуги в основном выдаются на языке большинства, считается «неблагосклонной» к языкам национальных меньшинств. В результате в течение нескольких поколений может произойти языковой сдвиг, иными словами, переход коммуникации на язык большинства. Результаты социологических исследований позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время можно говорить о доминировании интернет-ресурсов и социальных сетей над традиционными печатными СМИ. Исследователи отмечают, что государственные национальные СМИ выполняют важную функцию по сохранению и развитию языков в интернет-пространстве. Так, благодаря государственной поддержке в Республике Саха (Якутия) (РС(Я)) и своевременной трансформации традиционных печатных СМИ, функционируют сайты на якутском языке, производится контент в социальных сетях и мессенджерах. Основываясь на данных социологического исследования «Медиаландшафт Республики Саха (Якутия) – 2023», а также на результатах экспертного интервью по прогнозу изменения медиапотребления на якутском языке, можно сделать вывод о недостаточной востребованности и объемах потребления контента на якутском языке в Интернете. Исследование подтверждает беспокойство экспертного сообщества перспективой медиапотребления на якутском языке. Беспокойство вызывает низкая потребность в медиапотреблении на якутском языке среди молодежи. При реализации языковой политики Республики Саха (Якутия) предлагается учитывать различную степень влияния каналов информирования, их лояльные аудитории, уровень популярности различных медиа для разных возрастов. Создание эффективных государственных механизмов поддержки национальных региональных СМИ на федеральном и региональном уровнях, использование новых медиа и современных цифровых технологий при передаче информации на родных языках, вовлечение молодого поколения в потребление информации на родных языках в цифровой среде будет способствовать развитию межнационального согласия и культурно-духовного разнообразия российского общества.

Ключевые слова: медиапотребление, цифровизация, трансформация, новые медиа, государственные национальные СМИ, языки национальных меньшинств, якутский язык.

Для цитирования:

Гаврильев Ч.Н. Перспективы медиапотребления на якутском языке и роль государственных национальных СМИ в формировании контента в цифровой среде // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 88–103. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-88-103>

PROSPECTS OF MEDIA CONSUMPTION IN THE YAKUT LANGUAGE AND THE ROLE OF STATE-OWNED NATIONAL MEDIA IN THE FORMATION OF CONTENT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Chokuur N. Gavrilev

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk)

The representation of national languages in the digital environment can counteract the emerging language shift in the era of globalization and digitalization. The digital environment, where information and services are mainly provided in the language of the majority, is «unfavorable» to the languages of national minorities. As a result, language shift, i.e., the transition of communication to the language of the majority, may occur within a few generations. The results of sociological studies allow us to conclude that currently there is dominance of Internet resources and social networks over traditional print media. The researchers note that creating Internet content in native languages, state-owned national media perform an important function of the preservation and development of languages. Thanks to government support in the Republic of Sakha (Yakutia) and the transformation of traditional print media, there are websites functioning in the Yakut language and content produced in social media in the Yakut language. Based on research into this issue, on the data of the sociological study «Media Landscape of the Republic of Sakha (Yakutia) – 2023» as well as on the results of an expert interview giving a forecast on changes in media consumption in the Yakut language, a conclusion can be made about insufficient demand for information consumption in the Yakut language on the Internet as well as insufficient volumes of such content. The low demand for media consumption in the Yakut language among young people is of concern. When implementing the language policy of the Republic of Sakha (Yakutia), it is proposed to take into account the varying degrees of influence of different information channels, their loyal audiences, and the popularity level of various media for different ages. The creation of effective official mechanisms for supporting national regional media at the federal and regional levels, the use of new media and modern digital technologies when providing information in native languages, the involvement of the younger generation in media consumption in native languages in the digital environment, will contribute to interethnic harmony and cultural and spiritual diversity of Russian society.

Keywords: media consumption, digitalization, transformation, new media, state-owned national media, languages of national minorities, Yakut language.

To cite:

Gavrilev Ch.N. [Prospects of media consumption in the Yakut language and the role of state-owned national media in the formation of content in the digital environment]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 88–103 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-88-103>

Введение

Генеральная Ассамблея ООН провозгласила с 2022 по 2032 г. Международным десятилетием языков коренных народов мира. Цель — привлечь внимание мировой общественности к опасности исчезновения многих языков коренных народов и мобилизовать ресурсы для их сохранения и возрождения. Исследователи под-

черкивают угрозу исчезновения языков из-за негативного влияния информационных технологий. Данный взгляд также взят на вооружение ЮНЕСКО, который ратует за сохранение и развитие всех языков, придерживаясь «экологического» подхода. Подразумевается, что представители миноритарных сообществ не должны сталкиваться с ситуацией, при которой следующее поколение вынуждено использовать для

общения доминирующий на данной территории язык [Орехов Б.В., Решетников К.Ю., 2016, с. 268]. Вопросы сохранения языков и культур в киберпространстве также рассматривались на международных конференциях, проводимых в г. Якутске Республики Саха (Якутия) под эгидой ЮНЕСКО в 2008, 2011, 2014, 2019 гг. В Якутской декларации 2014 г. отмечено, что «урбанизация и глобализация стимулируют ассимиляцию национальных культур, ослабляя их статус и приводя к еще большей маргинализации,... потенциал этих культур и языков ослабевает» [Якутская декларация..., 2014, с. 4].

Отечественные исследователи отмечают, что национальные региональные СМИ обеспечивают функционирование языков национальных меньшинств. Подчеркивается, что СМИ на национальных языках реализуют важную функцию сохранения этнической идентичности представителей определенных этносов и трансляции ее в более широкий национальный и межнациональный контекст [Шкондин М.В. и др., 2018, с. 5]. Отметим [Дугарова Т.Ц. и др., 2020, с. 84], что наличие на региональном уровне СМИ, распространяемых на родных языках народов России, является значимым аспектом реализации языковой политики в части его информационно-методического сопровождения. Н.И. Иванова считает, что «в ответ на глобализирующие вызовы в дву- и многоязычном обществе региональные СМИ должны способствовать развитию и укреплению этнического самосознания, выполнению языками народов России их коммуникативной, информативной, когнитивной, аккумулятивной, этноконсолидирующей и др. функций» [Иванова Н.И., 2022, с. 81–82].

Экспертное мнение

Несомненно, процесс глобализации провоцирует обострение языковых процессов, влияет на ситуацию языкового образования. Данная проблема фиксируется в экспертных опросах. Л.Р. Низамова, проанализировав языковую ситуацию в Татарстане и Удмуртии, указывает, что «лидеры мнения» в лице журналистов, поэтов, редакторов, актеров отмечают падение количественных показателей владения титульных языков, а также потери качественного характера: снижение жизнеспособности и конкурентоспособности титульного литературного

языка как основы самобытной местной культуры, сужение ее социально-демографической базы и механизмов обеспечения преемственности и будущности [Низамова Л.Р., 2021, с. 25].

В Якутии по итогам экспертного интервью, проведенного автором данной статьи в октябре 2022 г., также выявлено беспокойство тенденцией сокращения медиапотребления на якутском языке. Экспертами выступили девять (9) представителей журналистской сферы, которые занимают руководящие посты в СМИ, имеют большой опыт и стаж работы в сфере.

По мнению экспертов, медиапотребление на якутском языке меняется, как и везде в мире, вследствие трансформации и цифровизации медиа. Большинство согласилось с утверждением, что уровень чтения как одного из видов традиционного потребления печатной продукции будет неизменно сокращаться. Большинство считает, что через 20 лет будет преобладать видео- и аудиопотребление. Эксперты отмечают недостаточность контента на якутском языке в медиасреде. Причинами недостатка эксперты считают преобладание информации на русском языке, а также в недостаточном спросе на информацию на якутском языке. Признано, что «потеряна часть подрастающего поколения», которая получает и получала контент из цифровой среды. Отмечается, что постепенное сокращение получаемой информации на якутском языке из различных медиа, старение аудитории традиционных печатных СМИ, несомненно, повлечет за собой проблемы в вопросах сохранения самобытной культуры народа саха, развития литературы на якутском языке, социализации подрастающего поколения.

В связи с этим представляется, что для сохранения и развития государственного языка в Республике Саха (Якутия) власти должны оказывать всемерную поддержку всем СМИ на якутском языке. Эксперты считают, что в первую очередь государство несет ответственность за реализацию языковой политики, далее следует общественность. Журналисты считают, что журналистское сообщество также несет ответственность по реализации языковой политики. Эксперты высказали претензии к объемам финансирования программы «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы» и

эффективности использования выделяемых средств. При этом более половины экспертов считают государственную поддержку СМИ достаточной. Государственная поддержка СМИ на якутском языке осуществляется по программе «Развитие информационного общества Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы». Эксперты отметили отсутствие некоего органа власти, который отвечал бы за координацию вопросов развития и сохранения языка. Большинство экспертов (шесть из девяти) считают, что координирующий государственный орган для проведения языковой политики нужен [Гаврильев Ч.Н., Подойницына И.И., 2022, с. 95–96].

Похожие ответы прослеживаются и в экспертных интервью, проведенных в других республиках. Так, в 2020 г. было проведено экспертное интервью с участием сорока восьми (48) респондентов по шести (6) национальным республикам Поволжья и Приуралья (Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская Республика). Эксперты (как и в Республике Саха (Якутия)) по итогам интервью о социально-языковых процессах в Поволжье и Урале считают, что основное бремя ответственности за сохранение, использование и развитие национальных, в том числе государственных, языков республик несут региональные власти. Основным недостатком в регулировании языковых процессов федеральной властью часть экспертов называет малый объем финансирования программ по сохранению и поддержке национальных языков регионов. Кроме того, отмечается несовершенство собственно управления и реализации языковой политики республик. Большинство экспертов определяют сравнительно небольшой уровень интереса коренного (этнического) населения республик к сохранению, изучению и развитию родного языка. Отмечается, что молодежь не активна и не видит перспектив для изучения родного языка [Языковое многообразие в российских регионах..., 2021, с. 166–168].

Результаты экспертного опроса и панельных исследований, опубликованных в монографии «Языковое многообразие в российских регионах: возможности развития», где проанализированы социально-языковые процессы на примере регионов Поволжья, Урала (Башкорто-

стан, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Мари-Эл, Тюменская область) и Дагестана, позволяют сделать вывод о важности проникновения языков в цифровую среду и наличии национальных региональных СМИ и телерадиоканалов на языках народов. Отмечено, что эксперты в Удмуртии предлагают для повышения интереса к языку, помимо прочего, широкую визуализацию и цифровизацию. В Республике Марий Эл более половины опрошенных (60 %) предлагали создание отдельного спутникового телеканала «Марийский мир» для освещения на марийском языке событий в республике и в местах компактного проживания мари. Около 20 % опрошенных марийцев ставят вопросы широкого использования рекламы на марийском языке (телевидение, радио, реклама на улице) (21,2 %), создание Интернет-канала (IP-телевидения) (20,7 %) [Языковое многообразие в российских регионах..., 2021, с. 97–98].

Таким образом, экспертное сообщество выражает беспокойство перспективой медиапотребления на языках национальных меньшинств, отмечает отсутствие интереса среди молодежи. Подчеркивается особая роль государства в лице региональных властей, реализующих языковую политику. Отмечается недостаток информации (контента) на языках в цифровой среде. Эксперты признают, что наличие национальных СМИ является важным составляющим реализации языковой политики. В связи с этим предлагается обеспечить функционирование телеканалов, цифровизации и визуализации контента.

Мы согласны с утверждением, что региональные национальные СМИ наряду с культурно-интегративной функцией, а также функцией сохранения этнической идентичности, реализуют важную функцию по сохранению и развитию языков. Государству, региональным властям необходимо рассмотреть вопрос увеличения финансирования программ по реализации языковой политики и по поддержке национальных СМИ, их работы в цифровой медиасреде.

Потребность в медиапотреблении на якутском языке

В целях изучения перспективы медиапотребления на якутском языке по заказу АО «Республиканский информационно издательский холдинг “Сахамедиа”» Центром стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия) в

июне 2023 г. проведено социологическое исследование «Медиаландшафт Республики Саха (Якутия) – 2023» [Отчет по материалам социологического исследования..., 2023]. Автор статьи принимал непосредственное участие в составлении вопросов и провел вторичный анализ исследования. В исследовании в виде анкетного опроса были опрошены 1800 респондентов в

возрасте 18 лет и старше. Исследование проводилось в 12 муниципальных районах и в г. Якутске. Пол: 47 % мужчины, 53 % женщины. Возраст: 18–30 лет — 25 %, 31–45 лет — 36 %, 46–60 лет — 25 %, 61 и более лет — 14 %. Национальность: русский — 33 %, саха — 57 %, представители коренных малочисленных народов (далее КМНС) — 4 %, другие — 5 %.

Рейтинг популярности каналов получения информации

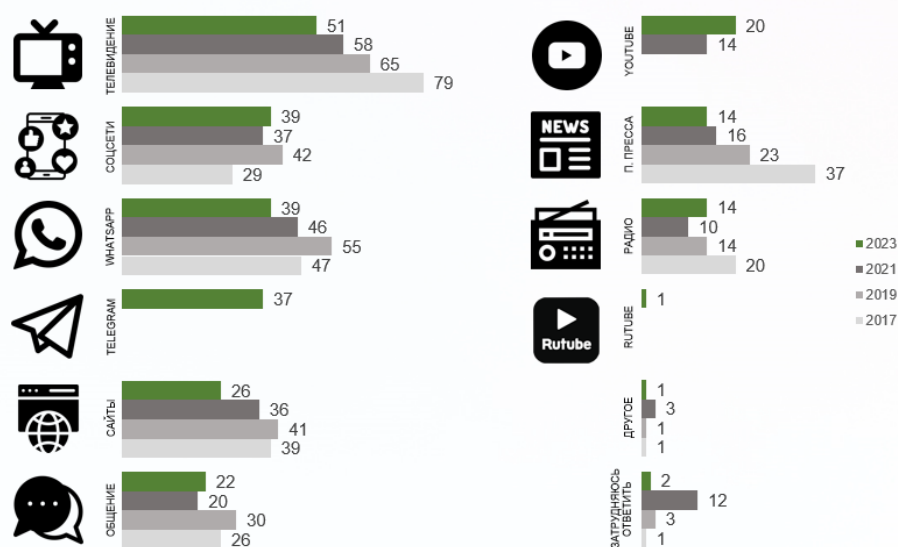

Рис. 1. Рейтинг популярности к каналам информации

Fig. 1 Popularity rating for information channels

Социологические исследования говорят о том, что в настоящее время интернет-ресурсы и социальные сети доминируют над традиционными печатными СМИ. Отмечается относительная стабильность аудитории республиканских интернет-сайтов: так, их аудитория с 2017 по 2021 г. оставалась в целом на одном уровне. Наблюдается большая доля информирования посредством социальных сетей, мессенжеров Whatsapp и Telegram. Несмотря на нисходящую тенденцию, с 2019 г. телевидение остается одним из важных ресурсов информирования (рис. 1).

В разрезе категорий возрастов молодое поколение в возрасте 18–30 лет при получении информации активно пользуется социальными сетями (56 %), Telegram (54 %) и мессенжерами Whatsapp (39 %). Получение информации из сайтов (24 %), телевидения (25 %) и YouTube (27 %) составляет относительно большую долю в медиапотреблении. Самые меньшие показатели — чтение прессы (4 %), слушание радио (5 %) (рис. 2).

Рейтинг популярности

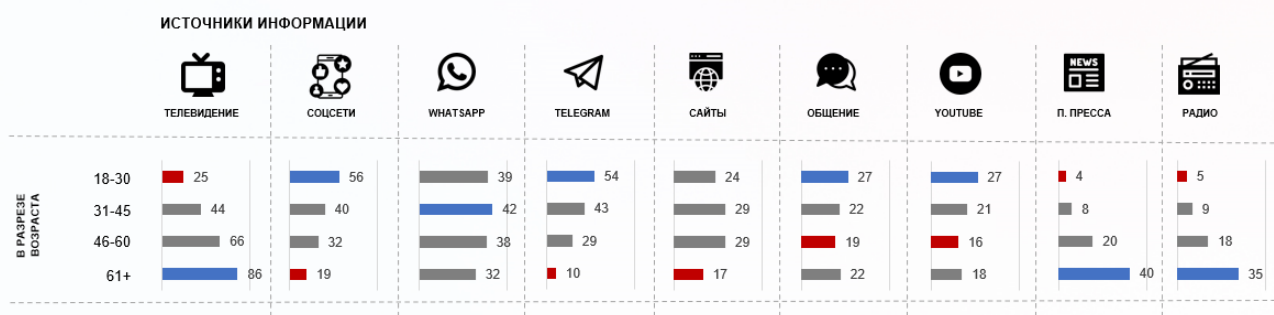

Рис. 2. Рейтинг популярности по возрастным категориям

Fig 2. Popularity rating by age categories

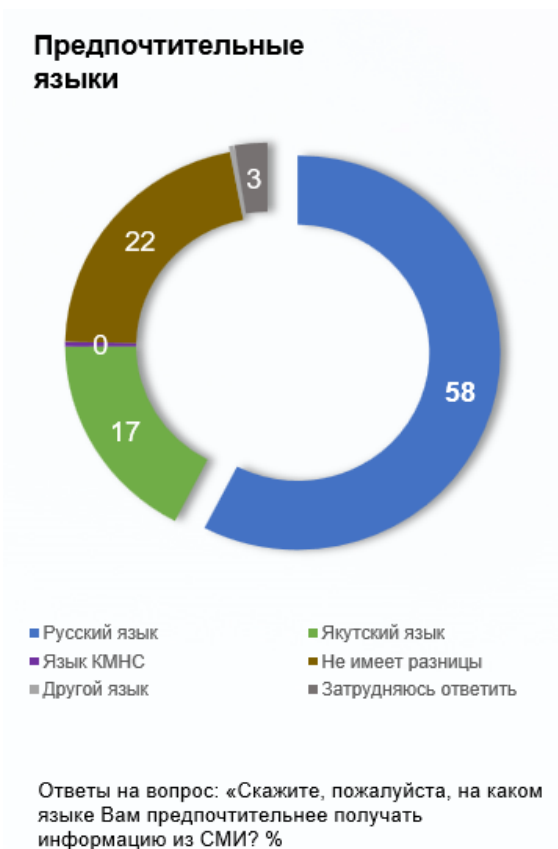

Рис. 3. Предпочтительный язык получения информации

Fig 3. Preferred language for receiving information

На вопрос «Скажите, пожалуйста, на каком языке Вам предпочтительнее получать информацию из СМИ?» большая часть респондентов из массива ответила, что предпочтительным языком получения информации из СМИ является русский язык (58 %). Якутский в качестве

предпочтительного языка потребления указывают лишь 17 % опрошенных из общего массива. При этом 22 % ответили «Не имеет разницы» (рис. 3).

Данные ответы коррелируют с ответами на этот же вопрос среди опрошенных студентов Северо-восточного федерального университета. В опросе, проведенного в форме анкетирования, в октябре 2023 г. приняло участие 109 человек в возрасте 18–24 лет. Национальный состав: 21 % русские, 72 % саха, 1 % КМНС, другая национальность — 6 %. Из опрошенных 56 % предпочитают русский язык при получении информации, 14 % — якутский язык, 30 % — не имеет разницы.

Интересно рассмотреть языковые предпочтения в разрезе билингвов-саха. Согласно социологическому исследованию «Медиаландшафт Республики Саха (Якутия) – 2023», 38 % опрошенных саха ответили, что предпочитают русский язык, 29 % — якутский язык, 31 % — без разницы на каком языке получать информацию (рис. 4).

Если отдельно рассмотреть доли ответивших на вопрос «не имеет разницы», большинство ответивших (81 %) — саха. 14 % русских, 3 % КМНС также придерживаются такого же мнения.

В разрезе типов СМИ (рис. 5) якутский язык как предпочтительный наиболее востребован среди 32 % активных читателей периодической прессы, 28 % радиослушателей и 21 % телезрителей. Самое низкое значение предпочтительного якутского языка зафиксировано в ответах читателей интернет-сайтов — всего 10 %.

Рис. 4. Предпочтительный язык получения информации в разрезе национальности без учета категории «Другая национальность»

Fig 4. Preferred language for receiving information by nationality, excluding the «Other nationality» category

Предпочтительный язык получения информации активных пользователей различных СМИ

Рис. 5. Предпочтительный язык получения информации активных пользователей различных СМИ

Fig 5. Preferred language for receiving information from active users of various media

Если общий массив опрошенных удовлетворен объемами информации из СМИ на русском языке (64 %), объемами информации на якутском языке полностью удовлетворены 35 % респондентов. 41 % ответили, что «хотелось бы, чтобы информации на якутском языке было больше». Половина опрошенных ответили, что абсолютно недовольны объемом информации на языках КМНС в СМИ.

В разрезе национальности саха более недовольны объемами информации на предпочитаемом языке. Так, 60 % опрошенных саха ответили, что «абсолютно не удовлетворены объемом получаемой информации на предпочитаемом для меня языке», 67 % хотелось, чтобы информации на этом языке было больше (таблица).

Удовлетворенность объемом информации СМИ
Satisfaction with the amount of information in the media

	<i>Русский</i>	<i>Саха</i>	<i>КМНС</i>	<i>Другая</i>
Да, я удовлетворен полностью	36	54	3	8
Да, я частично удовлетворен, но хотелось, чтобы информации на этом языке было больше	26	67	2	4
Нет, я абсолютно не удовлетворен объемом получаемой информации на предпочитаемом для меня языке	27	60	6	7
Затрудняюсь ответить	36	52	2	10

Исследование в целом подтверждает беспокойство экспертного сообщества перспективой медиапотребления на якутском языке. В последующем сокращение медиапотребления на якутском языке может повлиять на качество и количество аудитории СМИ, т.е. в целом негативно повлиять на языковую политику в РС(Я) [Свитич Л.Г. и др., 2017. с. 97]. Если в традиционных СМИ якутский язык более-менее представлен, и около четверти потребителей (ТВ — 21 %, радио — 28 %, печать — 32 %) предпочитают якутский язык, в новых медиа его несомненно не хватает, а желающих потреблять информацию на якутском языке в разы меньше. Так, только 10 % потребителей информации интернет-сайтов предпочитают якутский язык.

В связи с этим, в целях обеспечения престижа и потребления языка среди молодого поколения необходимо обеспечить наличие контента на якутском языке в цифровой среде: в интернет-сайтах, в социальных сетях и мессенджерах.

Интернет-сайты на якутском языке

Российскими исследователями отмечено, что основную работу по обеспечению сайтов на языках национальных республик и продвижению социальных сетей на языках ведут региональные национальные государственные СМИ. А.А. Гладкова и Т.С. Черевко, проанализировав в 2016 г. 75 официальных интернет-СМИ, зарегистрированных в столицах республик Татарстан, Крым, Башкортостан, Мордовия, Дагестан, Чувашская республика, Чеченская республика, Удмуртская республика, пришли к выводу, что для коммерческих медиакомпаний сайт на национальном языке является балластом, который требует дополнительных временных и финансовых затрат. Иными словами, данные ресурсы — прерогатива государственных медиакомпаний,

которые, вероятно, могут позволить себе не так внимательно считать рентабельность медиабизнеса. Исследователи также считают, что поддержка сайтов на языках будет напрямую зависеть от уровня государственной поддержки. Проведенный анализ официальных интернет-СМИ позволил убедиться в том, что процент веб-сайтов, контент которых представлен на этнических языках или в том числе на них, невелик — менее 10 % от общего числа интернет-СМИ. Все изученные ресурсы, содержащие контент на национальном языке, фактически представляют собой два сайта, один из которых полностью на русском, второй — на национальном языке, переход между ресурсами производится нажатием соответствующей кнопки. Ученые отметили, что большая часть СМИ представляют главным сайтом русскоязычную версию или в целом не имеют версии на национальном языке. Это обусловлено не только лояльностью аудитории к русскоязычному контенту, но и фактором нехватки кадровых ресурсов (дополнительная нагрузка на сайт) и выдачей материалов СМИ на национальных языках в поисковых системах Яндекс и Google [Черевко Т.С., Гладкова А.А., 2016, с. 64–65].

Г.Ф. Габдрахманова и З.А. Махмутов по итогам анализа состояния современного национального Интернета (на языках меньшинств) отметили, что в качестве «авторов» таких ресурсов выступают политические элиты республик России, журналистский корпус, а также национальные активисты. На специальных интернет-ресурсах (сайты органов власти и управления, учреждений образования, здравоохранения, культуры, науки, общественного транспорта, предприятий промышленности, социальной сферы, коммерческих организаций, расположенных на территориях республик) информация выкладывается на двух языках — национальном и русском. Данная совокупность

ресурсов представляет собой официальный сегмент информационных ресурсов. Исследователи обратили внимание на время появления информации (сообщения на национальных языках могут выкладываться позже, чем на русском) [Габдрахманова Г.Ф., Махмутов З.А., 2018, с. 144]. Интересной исследовательской работой является изучение тувинских ученых проблем и перспектив тувинского языка в Интернете. Авторы разделили интернет-ресурсы на четыре типа: информационные сайты, социальные сети и мессенджеры, веб-сервисы и онлайн-инструменты, мобильные приложения. Выявлено, что интерфейс и полное наполнение на тувинском языке имеют только сайт газеты «Шын» и портал «Тываның чогаалчылары — Писатели Тувы». Официальные сайты учреждений Тувы не имеют тувинского варианта интерфейса и содержат мало информации на тувинском языке. Самое большое количество новостей на тувинском языке представлено на

сайте Правительства Республики Тыва (45 % от общего количества новостей). Одним из самых больших YouTube-каналов, который содержит контент на тувинском языке, является официальный телеканал «ГТРК Тыва» [Ондар Ч.Г. и др., 2023, с. 190–193].

В Республике Саха (Якутия) основными производителям контента в интернет-сайтах на якутском языке являются ресурсы государственных СМИ: телеканал НВК «Саха», республиканская газета «Саха сирэ», парламентская газета «Ил Тумэн», районные издания. Издание печатной версии газеты «Кыым» (учредитель ООО Медиагруппа «Ситим») также поддерживается из государственного бюджета как социально-значимое издание по государственной программе «Развитие информационного общества Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы». Газета «Кыым» имеет одноименный сайт на якутском языке Куум.ru.

Новости и СМИ [Якутск, 31 день]

Статистика группы, 15 сайтов

1	 Якутское-Саха информационное агентство 13%	103 917
2	 Информационное агентство "SakhaLife.ru" 9%	75 953
3	 SakhaDay. Новости Якутии 17%	71 119
4	 "Комсомольская правда" Якутия 7%	36 197
5	 Саха Сирэ 29%	35 327
6	 ulus.media 21%	33 350
7	 yi Якутия.Инфо. Информационно-новостной портал. 17%	17 519
8	 S Сетевое издание Sakhapress 9%	15 870
9	 яд Якутия-Daily 19%	15 764
10	 Эдерсаас 31%	11 494
11	 Сахапарламент.ру 25%	6 678
12	К Кыым.ru норуот хаһыатын саайта 32%	6 462

Рис. 6. Рейтинг сайтов Республики Саха (Якутия) по версии LiveInternet (ноябрь 2023 г.)

Fig 6. Rating of websites of the Republic of Sakha (Yakutia) according to LiveInternet (November 2023)

Сайты Sakhas-sire.ru и Edersaas.ru, которые входят в ТОП-12 рейтинга LiveInternet, возникли в результате объединения в единый холдинг АО «РИИХ Сахамедиа» республиканских изданий и вследствие трансформации печатного издания

«Саха сирэ» (рис. 6). Редакция газеты «Саха сирэ» в настоящее время наряду с печатной версией газеты выпускает два сайта — Sakha-sire.ru и Edersaas.ru. Работу на сайтах ведет коллектив конвергентной редакции «Саха сирэ» в составе

15 человек и силами одного сотрудника по социальным сетям. Средний тираж за год газеты «Саха сирэ» составляет 5850 экземпляров. Эффективная работа редакции позволила сайту Sakha-sire.ru, который запустился в сентябре 2022 г., занять в течение года первое место среди сайтов на якутском языке, и пятое место после русскоязычных сайтов в ноябрьском рейтинге LiveInternet (рис. 6). На сайте Sakha-sire.ru публикуются новости на якутском языке, есть раздел видео. Все материалы печатной версии также в течение пяти дней в обязательном порядке публикуются на сайте. Сайт Edersaas.ru занимает десятую позицию. На сайте в основном публикуется развлекательный контент — рассказы и тесты.

В отличие от Sakha-sire, администрирование телеграмм-канала газеты «Кыым» и сайта Куум.ru ведет всего один прикрепленный работник. Редакция в основном работает на печатную версию газеты, что влияет на результаты просмотров сайта. Сайт Куум.ru занимает лишь 12-ю позицию в рейтинге LiveInternet. Газетные материалы только выборочно публикуются на сайте. Руководство редакции считает, что таким образом они поддерживают подписку и розничные продажи печатной версии газеты «Кыым». В среднем еженедельный тираж газеты «Кыым» составляет 12 тыс. экземпляров. Вместе с тем, нам кажется, что редакция не учитывает отличие аудитории интернет-сайта Куум.ru от печатной версии «Кыым». Например, если среди опрошенных читателей печатной версии «Саха сирэ» аудитория старше 61 года занимает 45 % (17 из 37 опрошенных), потребителей интернет-сайта Sakha-sire такого возраста нет. Сопоставление аудитории интернет-сайта Sakha-sire и печатной версии «Саха сирэ» несомненно нуждается в дополнительном исследовании с более широкой выборкой.

Часть других русскоязычных ресурсов, входящих в ТОП-12 по версии LiveInternet, также выпускают материалы на якутском языке. Так, в Sakhaparliament.ru выпускаются материалы якутской версии печатной газеты «Ил Тумэн». На сайте государственных районных газет Ulus.media имеется раздел на якутском языке. Ранее на сайтах Ulus.media и Sakhaparliament.ru были специальные разделы на якутском языке с кнопкой переключения. С учетом меньшего перехода на якутский раздел редакции сайтов

оставили на главной странице только версию на русском языке с возможностью публикации материалов на якутском языке.

Выпускается также сахаязычная версия Якутского Саха-информационного агентства в виде вкладки. По сравнению с русскоязычной версией, у ЯСИА просмотров сахаязычного сайта значительно меньше. По итогам 2022 г. в среднем в месяц количество визитов на сайт Sakha.ysia.ru составляло 8089. Для сравнения, в среднем визиты на сайт Sakha-sire в день составляют 8 тыс. Это подтверждает тезис, что если «главный» сайт представлен на национальном языке, как Sakha-sire, не менее 74 % пользователей остаются на нем. Если же главный сайт двуязычного сайта на русском языке, только 2–4 % пользователей переходят посредством кнопки (меняют язык) на сайт на национальном языке.

Интернет-сайты АО «РИИХ Сахамедиа» на якутском языке Sakhas-sire.ru и Edersaas.ru возникли в результате трансформации государственного холдинга, образованного путем объединения республиканских печатных изданий и информационного агентства в 2013 г. В 2016 г. редакция печатной газеты «Саха сирэ» запустила сайт Edersaas.ru — первое интернет-издание на якутском языке. Edersaas.ru был не копией печатного издания, а полноценным интернет-изданием. В начале 2017 г. сайт вошел в топ-15 рейтинга в региональном сегменте и занял пятое место после информационных на русском языке сайтов.

Трансформация районных печатных изданий также прошла по схожему пути. Произошло организационное объединение районных изданий в единый холдинг. В каждом районе Республики Саха (Якутия) функционирует районное СМИ, финансируемое из государственного бюджета региона. Учредителями государственных улусных (районных) СМИ является правительство республики и автономное учреждение «Сахапечать». Наряду с организационными вопросами по присоединению районных газет, проводились работы по созданию единого портала районных газет для обеспечения их работы в Интернет-пространстве. В исследовании 2015 г. «Улусные районные газеты Республики Саха (Якутия)» в виде опроса редакторов и журналистов 24 районных газет было выявлено, что в районных газетах начались конвергентные процессы: создаются интернет-версии печатных газет, газета

полностью выкладывается на сайты издания или администрации города, отдельные фрагменты контента размещаются на других платформах. Вместе с тем журналисты тогда отвечали, что процесс конвергенции мог бы быть еще интенсивным [Свитич Л.Г. и др., 2017, с. 127]. В 2017 г. по инициативе Министерства связи и информационных технологий Республики Саха (Якутия) был разработан единый портал для средств массовой информации районов Якутии. Концепция Единого двуязычного информационного интернет-сайта под рабочим названием ulus.media была разработана АО «РИИХ Саха-медиа» в целях расширения аудитории районных газет. Изначально на портале были сформированы отдельные страницы для каждого района, главная страница содержала основные новости республики. Сайт содержал архив газет в формате pdf для свободного скачивания. Наполнением страниц портала, отведенных под каждый улус, занимались редакции районных газет, а координацию их работы обеспечивала рабочая группа при «Сахамедиа» [В Якутии откроется..., 2017]. После присоединения районных газет в единый холдинг сайт ulus.media был передан в ведение ГАУ «Сахапечать». В настоящее время

каждая районная газета имеет свой зарегистрированный ресурс в доменной зоне РФ. Со страницы главного сайта <https://ulus.media/ulusy/> можно попасть в интернет-издания районных газет. Трансформация печатных государственных СМИ на якутском языке подтверждает выводы А.А. Гладковой и Ю.А. Мкртычевой о том, что «этнические СМИ активно осваивают новые онлайн-платформы, стремятся расширить свою аудиторию в Интернете, в том числе за счет более активного присутствия в социальных сетях» [Гладкова А.А., Мкртычева Ю.А., 2021, с. 47].

Таким образом, основные интернет-издания на якутском языке были сформированы благодаря преобразованиям в сфере государственных СМИ в Республике Саха (Якутия). Так, в 2013 г. был создан холдинг «Сахамедиа», куда были присоединены республиканские общественно-политические издания «Саха сирэ» и «Якутия», далее именуемое как Якутское-Саха информационное агентство. В 2018–2022 гг. на базе ГАУ «Сахапечать» произошло объединение районных газет. Была проведена работа по трансформации традиционных СМИ, созданы интернет-сайты изданий, в том числе на якутском языке.

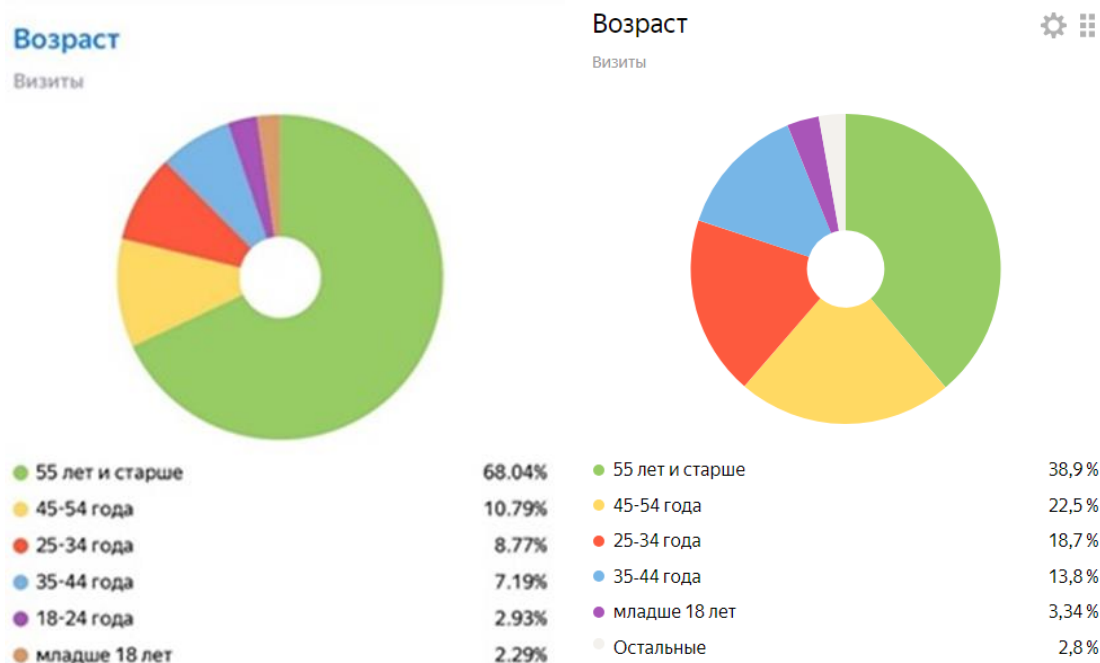

Рис. 7. Аудитория сайтов Edersaas.ru (слева) на ноябрь 2021 г. и Sakha-sire (справа) на сентябрь 2023 г. по данным Яндекс.Метрика

Fig 7. Audience of the websites Edersaas.ru (left) as of November 2021 and Sakha-sire (right) as of September 2023 according to Yandex.Metrica

По сравнению с 2021 г. возраст аудитории сайта Sakha-sire.ru значительно помолодел по сравнению с Edersaas.ru. По данным Яндекс.Метрика, удельный вес пользователей возрастов категории 25–34 лет и 45–54 лет по сравнению с сайтом Edersaas.ru увеличился почти в два раза (рис. 7), что подразумевает востребованность информации на якутском языке среди всех возрастов. Редакция «Саха сирэ», запустив сайт с одноименным названием Sakha-sire.ru, привлекла более молодую аудиторию. Это позволяет сделать вывод о востребованности контента на якутском языке в Интернете среди молодого поколения при наличии соответствующего контента.

Это косвенно подтверждает результаты социологического исследования «Медиа-ландшафт Республики Саха (Якутия)». Согласно исследованию, востребованность получения информации посредством интернет-сайтов распределена равномерно среди всех возрастов без учета возрастной категории старше 60 лет. В возрастной категории 18–30 лет в качестве источников информации интернет-сайты выступают для 24% опрошенных, 31–45 лет — 29 %, 46–60 лет — 29 %, старше 61+ — 17 %. Сопоставляя стабильность интернет-аудитории в различных возрастных категориях пользователей сайтов в Якутии, можно сделать вывод, что интернет-сайты в настоящее время пользуются популярностью для всех возрастов.

Вместе с тем необходимо учитывать, что из активных читателей сайтов только 10 % предпочитают получать информацию на якутском языке. Считаем, что это предположительно указывает на недостаточные объемы информации на якутском языке среди интернет-сайтов. Несомненно, что для дальнейшего функционирования сайтов на якутском языке необходима, как и в других субъектах РФ, государственная поддержка. Было отмечено, что для коммерческих медиакомпаний сайт на национальном языке является балластом, который требует дополнительных временных и финансовых затрат. Только национальные региональные СМИ при наличии соответствующей государственной поддержки могут создавать контент на национальном языке в виде социально значимой функции, несмотря на затраты и отсутствие прибыли.

Кроме того, вызывает также некоторое беспокойство уровень востребованности СМИ на якутском языке среди молодого поколения. Наибольшее количество ответов «нет» (массив) на вопрос «Читаете ли Вы саха-язычные газеты, журналы, новостные сайты (на якутском языке)?» зафиксировано в возрасте от 18–30 лет (56 %) и 31–45 лет (54 %). Возрастная 46–60 лет и старше 61 более лояльна к СМИ на якутском языке. Ответивших «нет» среди последних — 46 % и 38 % соответственно. При рассмотрении с учетом национальности ответ «нет» озвучили 55 % русских, 32 % саха, 2 % КМНС, 11 % представители другой национальности.

Другой возможной причиной сравнительно низкой востребованности информации на якутском языке является также общая тенденция информирования посредством социальных сетей и мессенджеров. Сегодня молодое поколение в основном потребляет информацию из социальных сетей и мессенджеров и не заинтересовано в классическом медиапотреблении, например, в чтении газет, журналов и даже сайтов.

Социальные сети на якутском языках

Контент на национальных языках в социальных сетях в основном также создается СМИ и государственными учреждениями. В.З. Гарифуллин проанализировал, что большинство татароязычного контента создается государственными СМИ. Так, в конце 2020 г. АО «Татмедиа» запустило перспективный проект «Татмедиа Junior». Он создается усилиями четырех редакций — журналов «Салават купере» («Радуга»), «Сабантуй», «Идел» («Волга») и «Ялкын». Пример нового татароязычного медиа — ресурс «Интертат» на татарском языке с контентом помимо сайта на семи платформах социальных сетей, а также ресурсы информационных агентств «Татар-информ» и «Интертат». Гарифуллин проанализировал также работу в соцсетях «Татарского радио» (ООО «ИДЦ “Барс-Медиа”») и ГТРК «Татарстан» (ВГТРК). Отмечено, что традиционные издания на татарском языке не в полной мере пользуются преимуществами социальных сетей и достаточно слабо работают над привлечением читателей в онлайн-версии материалов. Большинство из них пока только начинает осваивать цифровую среду и не проявляет находчивости при распространении контента в социальных сетях [Гарифуллин В.З., 2022].

Государственные СМИ Республики Саха (Якутия) также ведут целенаправленную работу по продвижению контента на якутском языке и увеличению подписчиков в социальных сетях и мессенджерах. Ранее, например, редакция газеты «Саха сирэ» размещала контент в социальной сети Инстаграм. На страницу Edersaas.ru в Instagram были подписаны 54 400 пользователей. В марте 2022 г. социальную сеть Instagram признали экстремистской как принадлежащую Meta и запретили в Российской Федерации. В результате холдинг не размещает материалы в данной социальной сети. В 2022 г. АО «РИИХ Сахамедиа» начало наращивать свою аудиторию в Telegram и ВКонтакте посредством наполнения контентом редакций ЯСИА, «Саха сирэ» и «Якутия-Daily». Суммарное количество трех телеграмм-каналов общества выросло с 2657 подписчиков до 17 207. При этом с января 2022 г. по сентябрь 2023 г. рост подписчиков якутского телеграмм-канала Edersaas.ru/Саха сирэ составил 3183 подписчиков. В социальной сети ВКонтакте также прослеживается рост (с 2175 до 3288).

Другие СМИ и учреждения также активно осваивают мессенджер Telegram, формируя контент на якутском языке. Так, из 41 телеграмм-каналов на якутском языке 19 принадлежат СМИ, в т.ч. районным, 6 каналов — улусным администрациям, 7 — тематические паблики. Среди телеграмм-каналов на якутском языках канал НВК «Саха» занимает первую строчку с наибольшим количеством подписчиков (25 875 подписчиков). Далее: «Кыым» — 3494, «Саха сирэ» — 3410, районная газета «Энсиэли» — 3120, районная газета «Улэ куусэ» — 2857, Чурапча Лайф — 2535. Работа НВК «Саха» в цифровой среде, создание востребованного видеоконтента на якутском языке (сериалы, мультфильмы, ток-шоу) позволяет говорить о феномене якутского телевидения, который может быть тиражирован в других национальных регионах. НВК «Саха» по телесмотрению занимает первое место среди других региональных компаний.

Сравнивая рейтинг популярности традиционных СМИ и новых медиа (Интернет-сайты, социальные сети, мессенджеры) в зависимости от возраста, можно прийти к выводу, что молодое поколение в возрасте 18–30 лет предпочитает социальные сети и мессенджеры традици-

онному медиапотреблению (чтение газет, телесмотрение) (рис. 2). Так, как отмечали выше, более половины (56 %) в возрастной категории 18–30 лет предпочитает социальные сети. 54 % опрошенной молодежи предпочитают Telegram, 39 % — Whatsapp, Youtube — 27 %.

Молодежь получает информацию в основном из Telegram и Whatsapp. Так, в возрасте 18–30 лет наибольшая частота пользования («практически ежедневно») зафиксирована в Whatsapp (86 %), Telegram (46 %). ВКонтакте — 18 %, Инстаграмм — 23 %. Учитывая относительно высокое доверие к Telegram и его популярность, необходимо уделять особое внимание к информированию молодежи в данном мессенджере. Если основной целью использования WhatsApp закономерно является общение (87 %), то пользователи Telegram в основном ищут в этом мессенджере информацию (43 %) — актуальные новости, развлекательный контент, аналитику. 30 % отметили, что используют Telegram для общения. Основной целью использования ВКонтакте респонденты называют просмотр видео, фото и прослушивание музыки (29 %), чтение развлекательного контента (20 %), общение с друзьями и знакомыми (18 %).

Как мы ранее отмечали, медиапотребление в Интернете остается сравнительно стабильным. При этом считаем, что возможен некоторый рост читательской аудитории в социальных сетях за счет молодежной аудитории при создании качественного и востребованного контента в данной среде коммуникации на примере НВК «Саха» [Гаврильев Ч.Н., 2023, с. 390].

Выводы

Таким образом, при реализации языковой политики Республики Саха (Якутия) необходимо учитывать различную степень влияния каналов информирования, их лояльную аудиторию, уровень популярности различных медиа для разных возрастов. Необходимо усилить работу национальных СМИ в сети Интернет и в социальных сетях. Государству необходимо пересмотреть параметры государственного заказа в части субсидирования социально-значимых печатных СМИ для поддержки их работы в новых медиа. Необходимо усилить поддержку создания контента для обеспечения медиапотребления на якутском языке в интернет-пространстве, создавая медиапродукты в Ин-

тернете, в социальных сетях и мессенджерах. В настоящее время большая часть субсидий направляется на покрытие части затрат на создание печатного экземпляра продукции и информационного продукта на сайте. Представляется возможным создать новый механизм субсидирования по размещению информации в социальных сетях и мессенджерах, акцентируя внимание на создании конкурентноспособного контента на якутском языке.

Традиционным печатным СМИ на якутском языке необходимо уделить внимание развитию социальных сетей и мессенджеров как дополнительным каналам формирования контента и информирования более молодого поколения. Необходимо адаптировать контент традиционных СМИ для их размещения в социальных сетях и мессенджерах, учитывать их мультимедийность, растущую потребность в видеопотреблении.

Исследователям необходимо изучать национальные (этнические) региональные СМИ не только в части их интегрирующей и просветительской деятельности, но и рассмотреть взаимовлияние трансформации СМИ и медиапотребления на языковые процессы, изучить деятельность национальных региональных СМИ по сохранению и развитию языков, перспективу медиапотребления на языках национальных меньшинств.

Мы считаем, что сокращение медиапотребления на государственных языках республик несет большую угрозу культурному и языковому многообразию страны. Создание эффективных государственных механизмов поддержки национальных региональных СМИ на федеральном и региональном уровнях, использование новых медиа и современных цифровых технологий в передаче информации на родных языках, вовлечение молодого поколения в потребление информации на родных языках в цифровой среде будет способствовать развитию межнационального согласия и культурно-духовного разнообразия российского общества.

Список литературы

В Якутии откроется Единый портал районных газет / Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). 2017. 30 окт. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2825774> (дата обращения: 31.10.2023).

Габдрахманова Г.Ф., Махмудов З.А. Национальный Интернет России: к постановке проблемы // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11, № 3. С. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-142-151>

Гаврильев Ч.Н., Подойницына И.И. Экспертная оценка по прогнозу изменения медиапотребления на якутском языке и влияния цифровизации на медиаконтент // *Экономика Востока России*. 2022. № 1(14). С. 89–98.

Гаврильев Ч.Н. Феномен якутского телевидения как пример успешной цифровой трансформации // *Аргуновские чтения – 2023: материалы IX Междунар. конф. (workshop), посвящ. обсуждению «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»* (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г.) (Якутск, 21 апреля 2023 г.) / под общ. ред. У.А. Винокуровой. Якутск: Нац. библ. Республики Саха (Якутия), 2023. С. 385–390.

Гарифуллин В.З. Проблемы освоения социальных сетей национальными СМИ Республики Татарстан // *Языковая политика в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 3 июня 2022 г.)* / под общ. ред. М.А. Омарова, Н.М. Мухарямова. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2022. С. 161–180.

Гладкова А.А., Мкртычева Ю.А. Этнические СМИ в условиях цифровой среды: итоги экспертного опроса // *Меди@льманах*. 2021. № 3(104). С. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2021.4149>

Дугарова Т.Ц., Боргояков С.А., Ермошкина Е.М., Цыбаева Л.А., Ооржак А.А., Дамдинов Б.А. Сохранение и развитие языков народов России: проблемы и перспективы // *Вестник Вятского государственного университета*. 2020. № 3(137). С. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.25730/vsu.7606.20.042>

Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект). Новосибирск: Наука, 2022. 284 с.

Низамова Л.Р. Языковая ситуация в национальных республиках Поволжья: сравнительный анализ Татарстана и Удмуртии // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2021. № 3(50). С. 22–27.

Ондар Ч.Г., Донгак В.С., Монгуш Д.Ш. Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // *Новые исследования Ту-*

вы. 2023. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Орехов Б.В., Решетников К.Ю. Государственные языки России в Википедии. К вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве / под ред. Е.Г. Лапиной-Кратасюк и др. М.: Новое лит. обозрение, 2016. С. 263–281.

Отчет по материалам социологического исследования «Медиаландшафт Республики Саха (Якутия). 2023» / Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия). Якутск, 2023. 68 с.

Свитич Л.Г., Сидоров О.Г., Смирнова О.В. Улусные (районные) газеты Республики Саха (Якутия): социологическое исследование (опрос редакторов и журналистов). Новосибирск: Наука, 2017. 140 с.

Черевко Т.С., Гладкова А.А. Интернет-СМИ России на языках этнических групп // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 5. С. 56–72.

Шкондин М.В., Смирнова О.В., Гладкова А.А. Этническая журналистика как объект системного анализа // Этническая журналистика: история и современность: ежегодник / отв. ред. А.А. Гладкова и др. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. № 11. С. 5–12.

Языковое многообразие в российских регионах: возможности развития: коллективная монография / под общ. ред. Р.Б. Шайхисламова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 196 с. URL: <https://marnii.ru/upload/medialibrary/1b7/1b71c4245526eb320ae2b30ce1df0e37.pdf> (дата обращения: 29.11.2023).

«Якутская декларация о языковом и культурном разнообразии в киберпространстве»: Итоговый документ III Междунар. конф. «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» (Якутск, 28 июня – 3 июля 2014 г.). URL: http://ifapcom.ru/files/2014_yakutia/dexlaration/Yakutsk_declaration_rus_web.pdf (дата обращения: 29.11.2023).

References

Cherevko, T.S. and Gladkova, A.A. (2016). [Russian internet mass media in ethnic languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Journalism Bulletin]. No. 5, pp. 56–72.

Dugarova, T.Ts., Borgoyakov, S.A., Ermoshkina, E.M., Tsybaeva, L.A. Oorzhak, A.A. and

Damdinov, B.A. (2020). [Preservation and development of the languages of the peoples of Russia: problems and prospects]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. No. 3(137), pp. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.25730/vsu.7606.20.042>

Gabdrakhmanova, G.F. and Makhmutov, Z.A. (2018). [National Internet of Russia: Problem statement revisited]. *Oriental Studies*. Vol. 11, no. 3, pp. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-142-151>

Garifullin, V.Z. (2022). [Problems of mastering social networks by the national media of the Republic of Tatarstan]. *Yazykovaya politika v Rossii: urovni, praktiki, ekspertno-analiticheskiye mekhanizmy: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kazan, 3 iyunya 2022 g.)* [Language policy in Russia: levels, practices, expert and analytical mechanisms: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Kazan, June 3, 2022)]. Moscow: RSUH Publ., pp. 161–180.

Gavrilev, Ch.N. (2023). [The phenomenon of Yakut television as an example of successful digital transformation]. *Argunovskiy chteniya – 2023: materialy IX Mezhdunarodnoy konferentsii (workshop), posvyaschennoy obsuzhdeniyu «Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey» (Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g.)* [Egunov Readings – 2023: Proceedings of the 9th International Conference (workshop) Dedicated to Discussing the «Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» (Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022) (Yakutsk, April 21, 2023)]. Yakutsk: National Library of the Republic of Sakha (Yakutia) Publ., pp. 385–390.

Gavrilev, Ch.N. and Podoynitsyna, I.I. (2022). [Expert assessment of the forecast of changes in media consumption in the Yakut language and the impact of digitalization on media content]. *Ekonomika Vostoka Rossii* [Economics of Russian East]. No. 1(14), pp. 89–98.

Gladkova, A.A. and Mkrtycheva, Yu.A. (2021). [Ethnic media in a digital environment: the results of an expert survey] *Medi@lmanakh* [Medi@lmanah]. No. 3(104), pp. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2021.4149>

Ivanova, N.I. (2022). *Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya): yakutskiy yazyk v nachale XXI v. (etnosotsiopsikhologicheskii*

aspekt) [The language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language at the beginning of the XXI century (ethnosociopsycholinguistic aspect)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 284 p.

Nizamova, L.R. (2021). [The linguistic situation in the national Republics of the Volga Region: a comparative analysis of Tatarstan and Udmurtia]. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik* [Kazan Socially-Humanitarian Bulletin]. No. 3(50), pp. 22–27.

Ondar, Ch.G., Dongak, V.S. and Mongush, D.Sh. (2023). [The Tuvan language on the Internet: representation, problems and prospects]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. No. 1, pp. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Orekhov, B.V. and Reshetnikov, K.Yu. (2016). [The official languages of Russia in Wikipedia]. *Nastroyka yazyka: upravleniye kommunikatsiyami na postsovetском prostranstve, pod red. E.G. Lapinoy-Kratasyuk i dr.* [E.G. Lapinoy-Kratasyuk et al. (eds.) Language Setting: Managing Communications in Post-Soviet Space]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., pp. 263–281.

Otchet po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya «Medialandshaft Respubliki Sakha (Yakutiya). 2023» (2023) [Report on the materials of the sociological study «Media Landscape of the Republic of Sakha (Yakutia). 2023»]. Center for Strategic Studies under the Head of the Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk, 68 p.

Shaykhislamov, R.B. (ed.) (2021). *Yazykovoye mnogoobrazie v rossiyskikh regionakh: vozmozhnosti razvitiya* [Linguistic diversity in Russian regions: development opportunities]. Ufa: BashSU Publ., 196 p.

Available at: <https://marnii.ru/upload/medialibrary/1b7/1b71c4245526eb320ae2b30ce1df0e37.pdf> (accessed 29.11.2023).

Shkondin, M.V., Smirnova, O.V. and Gladkova, A.A. (2018). [Ethnic journalism as an object of systematic analysis]. *Etnicheskaya zhurnalistika: istoriya i sovremennost'*, *otv. red. A.A. Gladkova i dr.* [A.A. Gladkova et al. (eds.) Ethnic Journalism: History and Modernity]. Moscow: MSU Faculty of Journalism Publ., no. 11, pp. 5–12.

Svitich, L.G., Sidorov, O.G. and Smirnova, O.V. (2017). *Ulusnyye (rayonnyye) gazety Respubliki Sakha (Yakutiya): Sotsiologicheskoye issledovaniye (opros redaktorov i zhurnalistov)*. [Ulusnye (district) newspapers of the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological research (survey of editors and journalists)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 140 p.

V Yakutii otkroetsya Edinyy portal rayonnykh gazet (2017). [A single portal of regional newspapers will open in Yakutia]. Official information portal of the Republic of Sakha (Yakutia), Oct. 30. Available at: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2825774> (accessed 31.10.2023).

«Yakutskaya deklaratsiya o yazykovom i kul'turnom raznoobrazii»: *Itogovyy dokument III Mezhdunarodnoy konferentsii «Yazykovoe i kul'turnoe raznoobrazie v kiberprostranstve»* (Yakutsk, 28 iyunya – 3 iyulya 2014 g.) (2014). [«The Yakut Declaration on Linguistic and Cultural Diversity»: the Final Document of the III International Conference «Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace» (Yakutsk, June 28 – July 3, 2014)]. Available at: http://ifapcom.ru/files/2014_yakutia/dexlaration/Yakutsk_declaration_rus_web.pdf (accessed 29.11.2023).

Об авторе

Гаврильев Чокуур Николаевич
аспирант кафедры социологии
Финансо-экономического института

Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
677000, Республика Саха (Якутия),
Якутск, ул. Белинского, 58;
e-mail: chokuur@mail.ru
ResearcherID: JWQ-0157-2024

About the author

Chokuur N. Gavrilev
Postgraduate Student of the Department of Sociology,
Institute of Finance and Economics

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
58, Belinsky st., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia),
677000, Russia;
e-mail: chokuur@mail.ru
ResearcherID: JWQ-0157-2024

УДК 316.346.32

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-104-116>

Поступила: 27.11.2023

Принята: 25.02.2024

Опубликована: 11.04.2024

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АГЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Галкин Константин Александрович

*Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург)*

В настоящей статье рассматриваются вопросы формирования агентности пожилых и молодых групп населения. В исследовании мы рассматриваем, как отличаются особенности проявления агентности двух групп населения в рамках подхода к лечению, отношения к ограничительным мерам и отношения к возможностям современной медицины в преодолении новой коронавирусной инфекции. Целью статьи выступает выявление отличий в формировании подобной агентности у двух групп населения и определение ее особенностей. Эмпирической базой исследования послужили полуструктурированные интервью с молодыми и пожилыми жителями Санкт-Петербурга. Всего было собрано 20 интервью с молодыми и пожилыми информантами. В рамках сравнительного исследования источников авторы подчеркивают, что в формировании агентности пожилых и молодых людей наблюдаются отличия, а также отмечают, что различные повседневные сюжеты по-разному способствуют проявлению агентности у молодых и пожилых. Исследование позволило сделать вывод, что для молодых людей важным было формирование агентности независимо от пандемийных ограничений и обладание свободой, позволяющей им не соблюдать подобные ограничения. Во время лечения заболевания молодые люди старались следовать проверенным траекториям и не искать возможные альтернативные пути в лечении, также пренебрегали поиском способов сделать лечение более эффективным, в отличие от пожилых людей, которые проявляли бóльшую конформную агентность в соблюдении ограничительных мер, но при этом старались контролировать свое лечение и максимально проявлять проактивную позицию. В статье нами выделены и существенные отличия в понимании общего контекста пандемии и возможностей ее преодоления посредством развития сферы медицины и технологий.

Ключевые слова: молодежь, пожилые люди, пандемия COVID-19, агентность молодежи и пожилых людей в период пандемии, повседневная жизнь молодежи и пожилых людей в пандемию.

Для цитирования:

Галкин К.А. Особенности формирования агентности молодежи и пожилых людей в период пандемии COVID-19 (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 104–116. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-104-116>

SPECIFIC FEATURES OF THE FORMATION OF AGENCY OF YOUTH AND THE ELDERLY DURING THE COVID-19 PANDEMIC (A CASE STUDY OF SAINT PETERSBURG)

Konstantin A. Galkin

*The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)*

This article deals with the formation of agency in the elderly and young population groups. The study looks at how the manifestation of agency in the two groups differs in terms of the approach to treatment, attitudes to restrictive measures and to the possibilities of modern medicine in overcoming the new coronavirus infection. The purpose of the article is to identify differences in the formation of such agency in the groups of elderly and young population and to determine its specific features. The empirical basis of the study was semi-structured interviews with young and elderly residents of St. Petersburg. A total of 20 interviews were collected. Within the framework of a comparative study, the author emphasizes that there are differences in the formation of agency in the elderly and youth, and also notes that various everyday situations contribute to the manifestation of agency in young and elderly people in different ways. The study concludes that it was important for young people to form agency regardless of pandemic restrictions and to have the freedom allowing them not to comply with such restrictions. During the treatment of the disease, young people preferred to follow proven trajectories and not to look for possible alternative ways in treatment, did not search for ways to make treatment more effective, while older people showed greater conformal agency in compliance with restrictive measures, but at the same time tried to control their treatment and show a proactive attitude as much as possible. The article also highlights significant differences in the understanding of the general context of the pandemic and the possibilities of overcoming it through the development of medicine and technology.

Keywords: youth, elderly, COVID-19 pandemic, agency of youth and the elderly during the pandemic, daily life of youth and the elderly during the pandemic.

To cite:

Galkin K.A. [Specific features of the formation of agency of youth and the elderly during the COVID-19 pandemic (a case study of Saint Petersburg)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 104–116 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-104-116>

Введение

Исследования опыта пандемии и особенностей повседневной жизни показали, что наиболее важное значение в условиях пандемии обрел навык самостоятельной деятельности и гибкости, а также умение быстро адаптироваться к изменяющейся ситуации [Сорокин П.С., Зыкова А.В., 2021; Connell R., 2020]. При этом, как отмечено в исследованиях, быстро меняющаяся ситуация не всегда создавала возможности для такой же быстрой адаптации. Особые сложности возникали у различных групп людей, к

примеру: молодые люди могли быстрее адаптироваться к использованию цифровых технологий и интегрироваться в цифровые пространства, в то время как для пожилых людей использование цифровых технологий вызывало ряд сложностей, что, безусловно, замедляло процесс адаптации и создавало определенные психологические проблемы [Козырева П.М., Смирнов А.И., 2022; Келасев В.Н., Перова И.Л., 2020]. Ситуация пандемии, по сути, сформировала уникальный контекст, когда привычные повторяющиеся условия жизни и

работы, повседневные заботы резко и радикально изменились. Такая ситуация сформировала абсолютно новые условия для конструирования агентности индивидами, и эти условия отличались у различных социальных групп. В настоящем исследовании мы рассматриваем агентность как проявление своего «Я», субъектности как пожилыми, так и молодыми людьми [Jensen S.Q., 2011].

Так, если для молодежи ситуация изоляции и последовательный переход к онлайн-формату общения и взаимодействия, а также применение новых технологий, например, в сфере образования, были относительно несложными ввиду сформированности у молодых людей навыков использования цифровых технологий еще до периода пандемии, то пожилые люди, наоборот, оказались в ситуации, когда их агентность стала всячески подавляться и минимизироваться. К примеру, ограничения, связанные с введением тотальной изоляции, необходимость постоянно находиться дома, отсутствие возможностей встреч и живого общения способствовали тому, что многие из пожилых людей не чувствовали возможности контролировать ситуацию и испытывали трудности в адаптации к сложившейся ситуации. В случае с пожилыми людьми подавление агентности происходило также в рамках тотального перехода к онлайн-формату во многих сферах жизни и активного использования цифровых технологий, что в свою очередь создавало трудности для пожилых людей в адаптации к глобальной цифровизации. При этом следует отметить, что в условиях пандемии представители как молодых, так и пожилых групп населения оказались в условиях повышенного стресса, обусловленного различными факторами и по-разному проявляющегося в различных социальных средах [Kalil A. et al., 2020; Weaver J.L., Swank J.M., 2021].

Следует также отметить, что ситуация пандемии усугубила уже существующие неравенства и создала новые. Таким образом, исследователей стала интересовать проблема возможных способов адаптации различных групп населения к преодолению подобных неравенств в повседневной жизни. Важным и пока недостаточно изученным вопросом в данной ситуации выступает вопрос: насколько люди из разных социальных групп готовы к проактивному поведению и вытекающему из него сохранению

своей агентности в период пандемии? Данный вопрос имеет особое значение, т.к. на сегодняшний день существует небольшое количество исследований, сравнивающих особенности адаптации представителей различных групп, которые имеют специфические черты проактивного поведения к условиям пандемии. Также немаловажным выступает анализ поколенческих различий. Современная литература, посвященная изучению ситуации пандемии и особенности повседневной жизни людей различных групп в период COVID-19, преимущественно рассматривает особенности жизни пожилых людей и молодежи, в особенности студенческой. При этом сравнительных исследований, рассматривающих адаптацию этих групп населения, не проводилось. В настоящей статье мы ставим одной из целей закрыть данный пробел и показать, используя качественные методы, особенности переживания пандемии пожилыми и молодыми людьми.

Исследования особенностей повседневной жизни в период пандемии молодежи и пожилых людей

Исследования показывают, что влияние пандемии на различные социальные группы людей не является одинаковым. Различия во влиянии и последствиях COVID-19 для разных групп населения фиксируются повсеместно, и немаловажным фактором для их возникновения становится возраст, который нередко выступает водоразделом в восприятии самой ситуации пандемии и особенностей лечения коронавируса [Spagnolo P.A. et al., 2020]. Наиболее пострадавшими от изоляции являются такие группы, как пожилые люди и молодежь, последняя из которых практически повсеместно испытала на себе негативный эффект от вынужденного перевода обучения в дистанционный формат и закрытия колледжей и вузов [Андреевкова А.В. и др., 2022; Tarkar P., 2020]. Изменения в учебном процессе, безусловно, отразились на психологическом здоровье студенческой молодежи и восприятию ею происходящих событий. Особенности влияния пандемии на молодежь стали объектом интереса многих исследователей. Появляются публикации, посвященные ее влиянию на физическое и психологическое самочувствие студентов. В большинстве исследований, посвященных особенностям жизни и по-

вседневности молодых людей, затронута проблема негативных последствий пандемии, таких как изоляция, разрывы в коммуникации, страх и опасения, которые искажают прежнее восприятие мира и ограничивают привычные активности и включения молодежи в социальную жизнь [Silverman M. et al., 2020; Hoffman J.A., Miller E.A., 2020]. Так, многие исследователи уделяют особое внимание отрицательному влиянию на жизнь молодежи изоляции, которая обостряет чувство одиночества и исключенности, а также проблемам, связанным с успеваемостью и поиском занятий в изменившемся мире [Филипова А.Г. и др., 2023; Wang X. et al., 2020]. Кроме того, исследователи отмечают, что ситуация пандемии стала катализатором для многих ранее существующих проблем в жизни молодежи.

Значимым выступает и рассмотрение отношения молодежи к лечению заболеваний, которое было сформировано до пандемии. Оно характеризуется относительно поверхностным восприятием заболеваний, что обуславливает появление попыток устранить их самостоятельно, не обращаясь за медицинской помощью, а также низким или средним доверием к врачам и медицине в целом. Исследователи отмечают, что многим представителям группы студенческой молодежи течение самого заболевания, как и возможные физиологические риски, могут казаться не такими серьезными, как представителям других социальных групп [Семенова Л.Э. и др., 2023; Klostermann B.K. et al., 2005; Mendes A. et al., 2017]. При этом ученые обращают внимание на долгосрочные последствия пандемии, а именно на то, как ситуация изоляции и стресса из-за перенесенного заболевания может в будущем повлиять на отношение к собственному здоровью и на развитие личности.

Исследования, посвященные изучению жизни пожилых людей, фокусируются преимущественно на трех ключевых темах: ограничениях, изоляции и изменениях, которые происходят в жизни пожилых людей вследствие применения этих мер. Обзор литературы по теме позволил констатировать, что большинство авторов отмечают пагубное влияние изоляции на пожилых людей, которое заключается в их вынужденной социальной обособленности и отсутствии возможностей для проявления раз-

личных инициатив [Галкин К.А., 2021; The COVID-19 crisis..., 2021].

Вторая группа исследований, рассматривающих влияние пандемии на пожилых людей, фокусируется преимущественно на изучении освоения пожилыми людьми новых технологий и использовании ими цифровых технологий в повседневности. В рамках данных исследований ключевой проблемой выступает отсутствие доступа пожилых людей к качественной информации, а также невозможность полноценно адаптироваться к новому, измененному миру пандемии, характеризующемуся тотальным переходом к онлайн-коммуникации [Галкин К.А., 2022; Григорьева И.А., 2022]. Третья группа исследований, куда в основном включены работы по медицине, заостряет внимание на трансформациях в жизни пожилых людей, их активностях, рассматривает пожилых людей как группу риска, исходя из последствий заражения представителей этой группы новой коронавирусной инфекцией [Shreffler J. et al., 2020; Jaarsveld G.M. van, 2020]. Таким образом, исследования, посвященные пожилым людям в период пандемии, отмечают проблемы изоляции и эйджизма, неравенства в доступе к новым технологиям, возникающего в повседневной жизни, а также сложности, связанные с проявлением ими проактивной позиции в повседневности ввиду изоляции и, как следствие, утраты прежних социальных связей. При этом вопросы цифровизации и интеграции в онлайн-формат, как и вопросы ограничений в жизни пожилых и молодых людей, представляют собой сквозные сюжеты относительно понимания восприятия пандемии этими группами населения.

Эмпирическая база и методология исследования

Все информанты исследования были жителями Санкт-Петербурга. Возрастной пожилых людей от 65 до 80 лет, возрастной диапазон молодых информантов от 18 до 22 лет. Всего было собрано 20 полуструктурированных интервью с молодыми и пожилыми информантами их Санкт-Петербурга. Метод анализа интервью: тематический. Гайд был составлен таким образом, чтобы с помощью интервью можно было получить ответы на следующие вопросы: Как были устроены повседневные практики молодежи и пожилых людей в период пандемии?

Какие режимы лечения новой коронавирусной инфекции существовали? Как устроено общение молодых людей и пожилых людей и какие трансформации в период пандемии в нем произошли?

Выбор возрастных групп для сравнения был обоснован необходимостью полного понимания особенностей формирования агентности в различных возрастных категориях. Группы пожилых людей были разделены на две категории (65–75 лет и 75–80 лет) с учетом различий в их социально-экономическом статусе и уязвимости перед эпидемическими рисками. В категории 65–75 лет было взято 14 интервью. В группе 75–80 лет — 10 интервью. Группы молодежи (18–20 лет и 20–23 года) были выбраны из-за различий в образовательных и профессиональных характеристиках, влияющих на формирование агентности и отношение к эпидемическим ограничениям. В группе 18–20 лет было взято 10 интервью. В группе 20–22 лет было взято 6 интервью.

В ходе стратегии отбора информантов были учтены разнообразные критерии, такие как социальный статус, состояние здоровья, сфера профессиональной деятельности, отношение к изменениям, вызванным эпидемией, а также возраст. Этот подход позволил в исследовании осветить широкий спектр причин, побудивших людей либо соблюдать, либо не соблюдать ограничительные меры, а также выявить различные методы адаптации к новым условиям жизни среди молодежи и пожилых граждан. Анализ этих данных позволил сформировать более глубокое понимание реакции различных возрастных групп на вызовы, созданные пандемией, и выявить сопутствующие тенденции и стратегии приспособления к новой реальности.

Лечение и обращение за помощью

Траектория лечения заболевшего коронавирусом молодого или пожилого человека — это цепочка постоянных взаимодействий с различными институтами медицины, начиная с вызова врачей на дом, посещения районных поликлиник и заканчивая взаимодействием с врачами в больницах или специальных центрах, куда попадают заболевшие.

Для молодежи и пожилых людей взаимодействие с врачами начинается с того момента, когда поднимается высокая температура и ощу-

щается недомогание. При этом в нарративах пожилых людей присутствовал страх от возможности запустить болезнь, поэтому их обращение за медицинской помощью было незамедлительным:

«Как только температура подскочила, я в первый день практически уже звонила в поликлинику, конечно сразу дозвониться не получилось, но я все равно звонила, потому что тянуть с этим нельзя, запустишь чуть-чуть и кто знает, вообще могут быть серьезные проблемы, ясно же, что пока вообще никто не знает как эту заразу лечить» (ж., 76, Санкт-Петербург).

Напротив, молодые люди обращались к врачам только тогда, когда состояние организма ухудшалось и рассматривалось ими как угроза здоровью:

«Да, я когда заболела, сначала лечилась самостоятельно, т.к. думала, что это обыкновенная простуда, т.е. я покупала привычные мне средства. Я сейчас не вспомню конкретное название, мне просто мама подсказывала какие покупать, и я их покупала, я не запоминаю по названиям, вот. Но как бы я лечилась месяц, никакого проку от этого не было, а усугубила тем более тем, что мы ездили с друзьями на озеро и там мы спали на... ну, в палатках, соответственно, на холодной земле, это было начало лета и действительно было прохладно, вот. Соответственно, как бы лечение было такое, очень некачественное, скажем так. Ну, это было с моей стороны, ну, это была моя ошибка. И в последствии, когда я уже потеряла вкус, поняла, что это не обычная простуда, а действительно коронавирус и пришлось вызвать... ну, я проживала в общежитии, пришлось вызвать врача, соответственно, участкового, вот. Она взяла у меня мазок, подтвердился ковид, вот» <...> (ж., 22, Санкт-Петербург).

Как правило, для пожилых людей обращение к врачу является временем сомнений и эмоциональных решений. Но для молодых людей обращение к врачу — прагматическая безэмоциональная процедура, связанная с желанием скорее выздороветь и минимизировать негативные эффекты от заболевания.

Глубина деталей и проникновения в суть лечения и его перспектив куда более значительна у пожилых людей. Молодые люди в основном рассматривали исключительно инструментальную роль лечения, т.е. сокращение негативных эффектов от заболевания. Для пожилых людей гораздо более значимым становится состояние среды, в которой происходит лечение, часто именно у пожилых возникает множество жалоб по различным поводам, и нередко эти жалобы становятся причиной конфликта между пожилыми женщинами и врачами:

«Нет, я, конечно, все понимаю, там эпидемия и все дела, но нельзя же так вот ехать к больному человеку больше пяти часов! Это же ни в какие ворота не лезет. Почему я должен так долго ждать с высокой температурой, да и потом вот когда выписали уже меня, все равно ведь эффекта от лечения вообще ноль, потому что в целом в нашей районной поликлинике работают терапевты-пустышки» (м., 68, Санкт-Петербург).

Часто пожилые люди упоминали в нарративах о неудобствах и долгих ожиданиях прихода врачей или приезда скорой, говорили о бедном оснащении поликлиник, которые были не готовы к лечению новой инфекции. Анализ жалоб пожилых людей в нарративах показывает, что доверие между врачами и пациентами во время заболевания ковидом во многом зависело от обстановки в медучреждении и обстоятельств лечения, а также от скорости принятия этого лечения и результативности помощи. Неудобства и дискомфорт, которые служили фактором разрыва доверия между врачом и пожилым пациентом, нередко возникали из-за нехватки необходимой и своевременной информации о перспективах лечения и новых лекарствах.

В нарративах молодых людей неудобства, связанные с ожиданием врача на дом, не фиксировались, но важными были такие компоненты общения, как персонифицированная коммуникация и умение быстро разобраться в ситуации, своевременно поставить диагноз и назначить лечение. Это рассматривалось молодыми людьми в контексте успешного диалога между врачом и пациентом и, по их мнению, способствовало быстрому и правильному лечению:

Больше всего обо мне заботились врачи, когда вызывали их на дом, ведь супруге было тяжело и большую часть времени она проводила в кровати и о ней самой нужно было заботиться <...> (м., 22, Санкт-Петербург).

Продолжительное ожидание медицинской помощи создавало у студентов, работающих в очном или удаленном режиме, определенный дискомфорт. В нарративах молодых людей часто фигурировало негативное отношение к очередям в поликлинике. Очереди воспринимались ими как символ советской эпохи, как показатель неэффективности медицинского обслуживания, как символ потерянного времени, как отсутствие внимания к людям при лечении заболеваний. Предпочтительным способом действий даже в случае чуть повышенной температуры был вызов врача на дом и также обращение за помощью в платную поликлинику:

«Я обратилась к услугам платной медицины, т.к. я не хотела ждать тысячу лет, пока ко мне придет врач, а потом еще столько же до прихода результатов теста. Я вызвала платного врача, который пришел ко мне в тот же день, быстренько собрал материал и на следующий день или через день, не помню точно, мне пришли результаты теста» <...> (ж., 21, Санкт-Петербург).

В свою очередь, пожилыми людьми очереди воспринимались как неизбежность, хотя в их нарративах также присутствовало негативное отношение к ним. Некоторые информанты рассматривали возникающие у кабинетов очереди как кладезь народных советов, которые, по их мнению, были особенно необходимы в ситуации пандемии; и нередко советы, получаемые в очередях, были более значимыми, чем советы врачей или медсестер:

«В очередях сидеть, конечно, дело такое, не особо это все... Но, хорошо, что у меня ковид был в легкой форме и я могла ходить в поликлинику и поэтому вот все же стоит сказать о том, что там с людьми общаясь, поняла, какие необходимо принимать витамины и как все это лечить, знаете, там бабушкины методы и способами, и эти вот бабушкины методы, они ведь оказываются как раз самыми эффективными для лечения» (ж., 70, Санкт-Петербург).

Таким образом, анализ возможных траекторий лечения коронавируса показывает, что для пожилых людей наиболее характерным было использование различных ресурсов государственной системы здравоохранения для лечения заболевания, а молодые люди пользовались услугами государственной медицины фрагментарно, но в большей степени доверяли результату. Важным для последних было относительно быстрое лечение и эмоциональный контакт с врачами. При этом и молодые, и пожилые люди, как правило, доверяли государственной системе медицинской помощи и считали ее единственно возможной, не стараясь искать альтернативы. Кроме того, как следует из нарративов, молодые люди проявляли меньшую агентность в планировании своего лечения и предпочитали плыть по течению, следовать предписанным врачами процедурам. Пожилые люди же старались уделять больше внимания деталям и комфортности среды и, следовательно, более бережно относиться к процессу лечения коронавируса.

Соблюдение ограничительных мер

Как пожилые, так и молодые информанты соблюдали рекомендованные гигиенические меры, в которые входили как ношение масок в общественных местах, так и — в случае некоторых молодых информантов — изоляция. При этом молодые и пожилые информанты старались соблюдать ограничительные меры с разной степенью регулярности и по-разному оценивали целесообразность и эффективность вводимых мер. В целом же если отношение пожилых людей к ограничительным мерам в период пандемии было довольно лояльным, то в нарративах молодых людей нередко встречался протест против введенных в пандемию мер, а также маркирование дискомфорта от необходимости следовать в повседневности всем предписанным требованиям и рекомендациям. Чаще всего молодые информанты старались соблюдать эти требования и рекомендации ситуативно, рассматривая каждый случай с позиции эффективности и необходимости соблюдения ограничительных мер. В то же время пожилые информанты не испытывали серьезных проблем с соблюдением ограничительных мер:

«Я не знаю, насколько это эффективно, но раз это необходимо, значит и надо соблюдать. Я вообще так приучена, еще из детства и еще из своего совка, то, что нужно соблюдать, о том, что говорить по радио или по телевидению, то и стоит делать. Маску всегда носила и перчатки тоже не редко брала, да и, конечно, так некоторые опасения заразиться самим вирусом или заразить других все же меньше» (ж., 68, Санкт-Петербург).

«Честно говоря, не то, что бы сильно соблюдала. Т.е. я, например, достаточно много гуляла, хотя в это время, вроде, и не было какой-то супер сильной изоляции, но все равно как бы просили сдерживаться от посещения общественных мест, но я, честно говоря, пренебрегала этим в силу того, что ну как бы... я поступила в Питер для того, чтобы мне гулять ходить во всякие места, и, собственно, мне этого очень хотелось» <...> (ж., 22, Санкт-Петербург).

Встречались сюжеты, когда молодые люди надевали маску только в тех местах, где это грозило штрафами и где большинство людей находилось в масках. Речь идет, например, о крупных торговых центрах, вокзалах, аэропортах или местах с присутствием сотрудников полиции:

«Особенно не соблюдала, даже после перенесенного заболевания. Когда нужно было, надевала маску, чаще всего на работе, иногда в транспорте. Но я часто забывала это сделать, за что однажды даже оштрафовали» <...> (ж., 29, Санкт-Петербург).

В целом можно утверждать, что агентность двух поколений отличалась разным отношением к тотальному контролю государства над гражданами. Пожилым людям в большей степени был свойственен мягкий конформизм при соблюдении ограничительных мер, принятие этих мер как должное. Это было связано с общими поколенческими отношениями к обязательным ограничениям, к необходимости соблюдать их. Агентность пожилых людей в данном случае не сопротивлялась государственной и международной биополитике пандемии, а наоборот, во многом подчинялась ей. Также среди пожилых людей встречалось больше ин-

формантов, которые старались защитить не только себя, но и других, надевая маски и соблюдая необходимую гигиену рук.

Молодые информанты в большей степени мыслили свою агентность как не зависящую от ограничительных мер и считали, что эти меры создают дискомфорт, но нисколько не меняют ситуацию, не служат спасением для других. Часто в нарративах молодых людей присутствовало описание необходимости соблюдения ограничительных мер (преимущественно масочного режима) из-за боязни получить штраф. Молодые информанты нередко отмечали, что предпочитали соблюдать правила только в тех ситуациях, когда за их несоблюдение могли пострадать окружающие или они сами. Лишь небольшое количество молодых информантов придерживалось более радикальной позиции и старалось вообще не соблюдать вводимые ограничения по ношению масок и изоляции:

«До болезни я соблюдал только масочный режим, да и то, как и многие, не постоянно. В аэропортах/вокзалах я носил ее все время, в транспорте и в магазинах надевал только если просили. Я соблюдал их скорее из-за угрозы штрафа» <...> (м., 23, Санкт-Петербург).

Таким образом, ограничительные меры рассматривались молодыми людьми не как общепринятые коллективные правила, которые необходимо соблюдать по умолчанию, а с позиции личного комфорта, психологического здоровья, личного принятия или непринятия ограничительных мер и их последствий.

Технооптимизм и технопессимизм

Прежде чем начать в этом разделе описание нарративов, следует отметить, что под технооптимизмом мы понимаем не философскую концепцию или взгляд на развитие смыслов и идей общества будущего, предложенных в работах Д. Белла и Э. Тоффлера, а набор идей и взглядов наших информантов на эффективность борьбы новых технологий, в том числе вакцин и препаратов, с пандемией COVID-19. И хотя Э. Тоффлер отмечал, что современное технооптимистичное общество вряд ли сделает людей счастливыми, молодые информанты нашего исследования так не считали. В большинстве нарративов был сюжет о возможности

«спасения», «победы» новых технологий, вакцин и медицины в целом над пандемией коронавируса и над всеми возможными в будущем вспышками заболеваний глобального масштаба. Молодые люди отмечали, что именно возникновение такого рода пандемий способствует развитию науки и техники, которые могут разрабатывать новые лекарства и способы лечения. Таким образом, ряд молодых людей более чем оптимистично оценивают шансы предотвратить подобную эпидемию в будущем. Таким информантам была свойственна эйфория от ощущения вездесущих возможностей науки и техники, а сама пандемия описывалась ими как вызов, ответить на который вполне возможно всему человечеству. Важными в данном случае были и глобализационный контекст в описании противодействия пандемии, и определение вируса как глобального, не связанного с конкретными локациями:

«Глобально мне кажется, что пандемия скорее положительно повлияла на мир. Много рутинной работы либо ушло вообще, либо перешло в дистанционный формат. В экономике должен наступить рост, потому что все основания для этого есть. Придут новые компании, изменится подход к работе и образованию» (м., 23, Санкт-Петербург).

В нарративах молодежи роль «спасителя» была уготовлена техническому прогрессу. Именно на будущие технологии молодые люди возлагали надежды:

«Наверное, все-таки это заставило весь мир понять, что даже в 21 веке у нас, оказывается, могут происходить такие вещи, которые, вроде бы, мы думали остались в прошлом, как какая-нибудь там лихорадка или чума. И сейчас люди... ну наверное, укрепилась или укрепитя система здравоохранения» <...> (ж., 22, Санкт-Петербург).

В отличие от молодых, пожилые люди в большей степени выражали пессимизм или нейтральное отношение к событиям пандемии. Как правило, ситуация пандемии рассматривалась ими с позиции упадка прежнего, высокоразвитого технологического общества, преимущественно советского. Также отмечались

проблемы с подготовкой врачебных кадров, отсутствием в стране хорошего медицинского образования:

«Эта эпидемия и произошла-то потому, что нет СССР и нет прежней школы, как и нет школы учителей, врачей, ну и так далее... Сейчас что получается, что-то там у компьютера выучил, научился компьютер включать и туда-сюда там картинки двигать, и все, и специалист, такие вот сейчас и врачи, и учителя в целом. И конечно, теперь позор такой, огромная страна, самая большая в мире, а побороть какой-то там грипп с температурой чуть выше не может» (ж., 65, Санкт-Петербург).

Другой сюжет технопессимизма пожилых людей — это тотальный контроль, заговор правительств через использование суперсовременного биологического оружия — COVID-19. Пожилые люди отмечали, что крайне быстрое и повсеместное развитие технологий привело к тому, что у них выработалось ощущение нахождения «под колпаком». Такое ощущение возникало через различные репрессивные общественные практики, а также подкреплялось фантазиями и верой в различные конспирологические теории:

«Мир перевернулся. Прежнего уже ничего нет. Вот и эта пандемия, это тоже следствие этого перевоплощения, а как иначе можно все это назвать? Я вообще полностью убежден, что развитие этих новых технологий, все эти там 5G и так далее, вот это вот все и есть, чтобы тотально людей контролировать и чтобы заставлять, таким образом, людей плясать под чью-то дудку. Я не сторонник идеи заговора, но со всеми этими событиями сам невольно будешь верить в это во все» (м., 64, Санкт-Петербург).

Важно отметить, что многие из пожилых людей в нарративах интервью просто и спонтанно говорили о заговорах и недоверии современным технологиями, с опасением относились к их использованию. Причинами технопессимизма здесь были тревога относительно потери своей агентности в будущем, а следовательно, переживания по поводу утраты автономности и контроля над своей жизнью. Также следует от-

метить связанную с ситуацией пандемии большую эмоциональную перегруженность пожилых людей. В отличие от молодежи, они далеко не так оптимистично говорили об абсолютной победе медицины над коронавирусом, ожидали спасения от современных технологий.

Отдельного внимания заслуживает в целом критический взгляд на мир у многих пожилых людей. Он выражался в неприятии инноваций как таковых, в отсутствии той веры в технологическое спасение, которая присутствовала у молодежи.

Подводя итог, следует отметить преимущественно отличные форматы конструирования агентности пожилыми и молодыми людьми, исходя из возможностей новых технологий и их перспектив. Так, агентность молодых людей может быть охарактеризована как агентность веры в спасение. Проблемы сегодняшнего дня, трудности в лечении пандемии в данной ситуации остаются за кадром будущего. Агентность же пожилых людей представлена критическим взглядом на свою свободу и автономность, апеллированием к общему упадку науки и технологий в нашей стране, рассмотрением пандемии как суперсилы, которая посягает на автономность индивидов и ограничивает возможность их свободного выбора.

Заключение

Настоящее исследование — это попытка эмпирического изучения агентности двух различных социальных групп в период пандемии COVID-19 в контексте их адаптации и восприятия текущей реальности в сложившихся условиях. Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о том, что адаптация и молодых, и пожилых людей происходила стихийно. Как правило, ни молодые, ни пожилые информанты не старались следовать четким правилам. Однако, рассматривая контекст изоляции, следует отметить гораздо более сильную приверженность соблюдению существующих правил у пожилых людей, в то время как молодыми людьми существующие правила, как и необходимость в их соблюдении, воспринимались скорее как попытка контроля и ограничения, что, в свою очередь, вызывало нежелание их соблюдать и следовать предписанным ограничениям. При этом представленное исследование позволило выделить новый и во многом

отличающийся у пожилых и молодых людей способ формирования и сохранения агентности. Исследование показало, что уровень проявления агентности отличается в зависимости от различных ситуаций, которые существовали в повседневной жизни. Для пожилых людей наиболее важным было маркирование своей агентности во время лечения и посещения врачей. При этом агентность пожилых людей при соблюдении ограничительных мер можно назвать конформной, т.е. необходимость в соблюдении мер не ставилась пожилыми людьми под сомнение.

Также следует отметить, что в рамках исследования нам удалось выявить различные типы отношений к самой ситуации пандемии и роли научных исследований в разрешении проблемы борьбы с вирусом. Мы обозначили совершенно новые взгляды на возможности науки, которые представляют собой совокупность технооптимистичных настроений, провозглашающих победу науки и техники, которые присутствовали в нарративах молодежи, и технопессимистичных убеждений пожилых людей, а также веры в возможность заговора и использования населения Земли в период пандемии как подопытного: подобные нарративы были не редкостью в интервью с пожилыми информантами. Таким образом, рассматривая агентность пожилых и молодых людей, мы можем сделать вывод о том, что важным признаком проявления проактивной позиции пожилыми людьми было получение необходимой информации и возможность контролировать свое лечение во время заражения ковидом, при этом у пожилых людей сохранялся пессимистичный взгляд на перспективы преодоления пандемии и появления новых возможностей в лечении заболевания. Для молодых людей важным признаком проявления проактивной позиции было сохранение личной свободы и возможности несоблюдения ограничительных мер в период пандемии, при этом в вопросах сохранения здоровья и планирования своего лечения молодые люди проявляли меньшую агентность.

Представленные в исследовании результаты помогли определить особенности трансформирующейся агентности у двух социальных групп в период пандемии. Важные практические рекомендации, которые могут быть сформулированы по итогам настоящего исследования, от-

ражают необходимость учитывания особенностей восприятия ситуации пандемии лицами различных групп, минимизации психологических эффектов от изоляции для пожилых людей и осознания значимости различной представленности способов лечения и вакцинации, которые, как показало исследование, могут быть совершенно по-разному восприняты молодыми и пожилыми людьми. Также результаты исследования указывают на необходимость проведения просветительской работы с пожилыми людьми, в рамках которой необходимо рассказывать о происхождении вируса и возможных способах лечения, что, несомненно, будет способствовать более агентному поведению пожилых людей и преодолению ими технопессимистических взглядов. Следует отметить и то, что для повышения уровня агентности в ситуации пандемии необходимо обращать внимание на практики, мотивирующие и поддерживающие самостоятельность в принятии решений, а также на возможности для реализации самостоятельных решений и развития действий, вызванных ими, как для молодых групп населения, так и для пожилых.

Список литературы

- Андреевкова А.В., Дмитриева Е.В., Носкова А.В. Восприятие цифровизации школьного образования: исследовательские результаты онлайн-фокус-групп с учителями и родителями учеников // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2(168). С. 272–291. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1990>
- Галкин К.А. Социальное исключение пожилых людей в сельской местности в период пандемии COVID-19 в Республике Карелия // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 4. С. 193–210. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.760>
- Галкин К.А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20, № 3. С. 377–392. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392>
- Григорьева И.А. Включение пожилых в мир цифровых технологий в условиях «новой социальности» // Интернет и современное общество: труды XXV Междунар. объединенной науч. конф. (Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 г.) / под ред. Д.Е. Прокудина. СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 40–42.

Келасьев В.Н., Первова И.Л. Адаптация пожилых петербуржцев к ситуации пандемии коронавируса // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33, № 6. С. 1016–1026. DOI: <https://doi.org/10.34922/ae.2020.33.6.001>

Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности поведения пожилых людей в условиях распространения пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 159–167. DOI: https://doi.org/10.52070/2500-347x_2022_2_847_159

Семенова Л.Э., Сачкова М.Е., Карпушкина Н.В. Гендерная специфика образа врача и доверия к себе и другим у студенческой молодежи в период пандемии COVID-19 // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 1. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/download/1464/936> (дата обращения: 21.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-1-7>

Сорокин П.С., Зыкова А.В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5(165). С. 216–241. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>

Филипова А.Г., Зубова О.Г., Ракитина Н.Э. Трансформация повседневных практик и субъективное благополучие подростков в период пандемии // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21, № 1. С. 157–174. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-1-157-174>

Connell R. COVID-19/Sociology // Journal of Sociology. 2020. Vol. 56, iss. 4. P. 745–751. DOI: <https://doi.org/10.1177/1440783320943262>

Hoffman J.A., Miller E.A. Addressing the consequences of school closure due to COVID-19 on children's physical and mental well-being // World medical & health policy. 2020. Vol. 12, iss. 3. P. 300–310. DOI: <https://doi.org/10.1002/wmh3.365>

Jaarsveld G.M. van. The effects of COVID-19 among the elderly population: a case for closing the digital divide // Frontiers in psychiatry. 2020. Vol. 11. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2020.577427/pdf?isPublishedV2=false> (accessed: 21.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.577427>

Jensen S.Q. Othering, identity formation and agency // Qualitative studies. 2011. Vol. 2, no. 2. P. 63–78. DOI: <https://doi.org/10.7146/qs.v2i2.5510>

Kalil A., Mayer S., Shah R. Impact of the COVID-19 crisis on family dynamics in economically vulner-

able households // University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper. 2020. No. 2020–143. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3706339_code1213723.pdf?abstractid=3706339&mirid=1 (accessed: 21.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3706339>

Klostermann B.K., Slap G.B., Nebrig D.M., Tivorsak T.L., Britto M.T. Earning trust and losing it: adolescents' views on trusting physicians // Journal of Family Practice. 2005. Vol. 54, no. 8. P. 679–687.

Mendes Á., Abreu L., Vilar-Correia M.R., Borldo-Santos J. «That should be left to doctors, that's what they are there for!» — exploring the reflexivity and trust of young adults when seeking health information // Health communication. 2017. Vol. 32, iss. 9. P. 1076–1081. DOI: <https://doi.org/10.1080/10410236.2016.1199081>

Shreffler J., Petrey J., Huecker M. The impact of COVID-19 on healthcare worker wellness: a scoping review // Western Journal of Emergency Medicine. 2020. Vol. 21, no. 5. P. 1059–1066. DOI: <https://doi.org/10.5811/westjem.2020.7.48684>

Silverman M., Sibbald R., Stranges S. Ethics of COVID-19-related school closures // Canadian Journal of Public Health. 2020. Vol. 111. P. 462–465. DOI: <https://doi.org/10.17269/s41997-020-00396-1>

Spagnolo P.A., Manson J.A.E., Joffe H. Sex and gender differences in health: what the COVID-19 pandemic can teach us // Annals of Internal Medicine. 2020. Vol. 173, no. 5. P. 385–386. DOI: <https://doi.org/10.7326/m20-1941>

Tarkar P. Impact of COVID-19 pandemic on education system // International Journal of Advanced Science and Technology. 2020. Vol. 29, no. 9s. P. 3812–3814.

The COVID-19 crisis: Social perspectives / ed. by D. Lupton, K. Willis. London: Routledge, 2021. 240 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003111344>

Wang X., Sudeep H., Son Ch., Keller B., Smith A., Sasangohar F. Investigating mental health of US college students during the COVID-19 pandemic: Cross-sectional survey study // Journal of medical Internet research. 2020. Vol. 22, no. 9. URL: <https://www.jmir.org/2020/9/e22817/PDF> (accessed: 21.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.2196/22817>

Weaver J.L., Swank J.M. Parents' lived experiences with the COVID-19 pandemic // The Family Journal. 2021. Vol. 29, iss. 2. P. 136–142. DOI: <https://doi.org/10.1177/1066480720969194>

References

- Andreenkova, A.V., Dmitrieva, E.V. and Noskova, A.V. (2022). [Perception of digitalization of school education: research results of online focus groups with teachers and parents of students]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2(168), pp. 272–291. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1990>
- Connell, R. (2020). COVID-19/Sociology. *Journal of Sociology*. Vol. 56, iss. 4, pp. 745–751. DOI: <https://doi.org/10.1177/1440783320943262>
- Filippova, A.G., Zubova, O.G. and Rakitina, N.E. (2023). [Transformation of everyday practices during a pandemic and subjective well-being of adolescents]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 211, pp. 157–174. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-1-157-174>
- Galkin, K.A. (2021). [Social exclusion of elderly people in rural areas during the COVID-19 pandemic in the Republic of Karelia]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 12, no. 4, pp. 193–210. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.760>
- Galkin, K.A. (2022). [Digitalization volunteering of elderly people during the pandemic: opportunities and barriers in the context of artificial intelligence]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies] Vol. 20, no. 3, pp. 377–392. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392>
- Grigor'eva, I.A. (2022). [Inclusion of the elderly in the world of digital technologies in the conditions of «new sociality»]. *Internet i sovremennoye obshchestvo: trudy XXV Mezhdunar. ob'yedinennoy nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 23–24 iyunya 2022 g.)* [Internet and modern society: proceedings of the XXV International United Scientific Conference (St. Petersburg, June 23–24, 2022)]. St. Petersburg: ITMO University Publ., pp. 40–42.
- Hoffman, J.A. and Miller, E.A. (2020). Addressing the consequences of school closure due to COVID-19 on children's physical and mental well-being. *World Medical & Health Policy*. Vol. 12, iss. 3, pp. 300–310. DOI: <https://doi.org/10.1002/wmh3.365>
- Jaarsveld, G.M. van (2020). The effects of COVID-19 among the elderly population: a case for closing the digital divide. *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 11. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsyt.2020.577427/pdf?isPublishedV2=false> (accessed 21.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2020.577427>
- Jensen, S.Q. (2011). Othering, identity formation and agency. *Qualitative Studies*. Vol. 2, no. 2, pp. 63–78. DOI: <https://doi.org/10.7146/qs.v2i2.5510>
- Kalil, A., Mayer, S. and Shah, R. (2020). Impact of the COVID-19 crisis on family dynamics in economically vulnerable households. *University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper*. No. 2020–143. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3706339_code1213723.pdf?abstractid=3706339&mirid=1 (accessed 21.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3706339>
- Kelas'ev, V.N. and Pervova, I.L. (2020). [Adaptation of elderly Petersburgers to the situation of the coronavirus pandemic]. *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology]. Vol. 33, no. 6, pp. 1016–1026. DOI: <https://doi.org/10.34922/ae.2020.33.6.001>
- Klostermann, B.K., Slap, G.B., Nebrig, D.M., Tivorsak, T.L. and Britto, M.T. (2005). Earning trust and losing it: adolescents' views on trusting physicians. *Journal of Family Practice*. Vol. 54, no. 8, pp. 679–687.
- Kozyreva, P.M. and Smirnov, A.I. (2022). [Features of behavior of elderly people in the conditions of the spread of the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. Iss. 2(847), pp. 159–167. DOI: https://doi.org/10.52070/2500-347x_2022_2_847_159
- Lupton, D. and Willis, K. (ed.) (2021). *The COVID-19 crisis: Social perspectives*. London: Routledge Publ., 240 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003111344>
- Mendes, Á., Abreu, L., Vilar-Correia, M.R. and Borlido-Santos, J. (2017). «That should be left to doctors, that's what they are there for!» — exploring the reflexivity and trust of young adults when seeking health information. *Health Communication*. Vol. 32, iss. 9, pp. 1076–1081. DOI: <https://doi.org/10.1080/10410236.2016.1199081>
- Semenova, L.E., Sachkova, M.E. and Karpushkina, N.V. (2023). [Gender specificity of the doctor's image and trust in themselves and others of student youth during the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University]. Vol. 11, no. 1. Available at: <https://www.mininvestnik.ru/jour/article/download/1464/936> (accessed 21.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-1-7>

Shreffler, J., Petrey, J. and Huecker, M. (2020). The impact of COVID-19 on healthcare worker wellness: a scoping review. *Western Journal of Emergency Medicine*. Vol. 21, no. 5, pp. 1059–1066. DOI: <https://doi.org/10.5811/westjem.2020.7.48684>

Silverman, M., Sibbald, R. and Stranges, S. (2020). Ethics of COVID-19-related school closures. *Canadian Journal of Public Health*. Vol. 111, pp. 462–465. DOI: <https://doi.org/10.17269/s41997-020-00396-1>

Sorokin, P.S. and Zykova, A.V. (2021). [«Transformative agency» as a subject of research and development in the 21st century: a review and interpretation of international experience]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5(165), pp. 216–241. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>

Spagnolo, P.A., Manson, J.A.E. and Joffe, H. (2020). Sex and gender differences in health: what

the COVID-19 pandemic can teach us. *Annals of Internal Medicine*. Vol. 173, no. 5, pp. 385–386. DOI: <https://doi.org/10.7326/m20-1941>

Tarkar, P. (2020). Impact of COVID-19 pandemic on education system. *International Journal of Advanced Science and Technology*. Vol. 29, no. 9s, pp. 3812–3814.

Wang, X., Sudeep, H., Son, Ch., Keller, B., Smith, A. and Sasangohar, F. (2020). Investigating mental health of US college students during the COVID-19 pandemic: Cross-sectional survey study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22, no. 9. Available at: <https://www.jmir.org/2020/9/e22817/PDF> (accessed 21.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.2196/22817>

Weaver, J.L. and Swank, J.M. (2021). Parents' lived experiences with the COVID-19 pandemic. *The Family Journal*. Vol. 29, iss. 2, pp. 136–142. DOI: <https://doi.org/10.1177/1066480720969194>

Об авторе

Галкин Константин Александрович

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник

Социологический институт РАН –
филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, 25/14;
e-mail: kgalkin1989@mail.ru
ResearcherID: A-8784-2016

About the author

Konstantin A. Galkin

Candidate of Sociology, Senior Researcher

The Sociological Institute of the RAS –
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences,
25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., Saint Petersburg,
190005, Russia;
e-mail: kgalkin1989@mail.ru
ResearcherID: A-8784-2016

УДК 316.023.4

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-117-131>

Поступила: 01.02.2024

Принята: 12.03.2024

Опубликована: 11.04.2024

МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ РОДИТЕЛЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ СКАУТСКОГО ОТРЯДА

Власова Татьяна Анатольевна

Российский государственный университет социальных технологий (Москва)

При изучении практик добровольной помощи необходимо учитывать как мотивацию разных категорий волонтеров, так и особенности организаций, которые являются бенефициарами этой помощи. Исследование, представленное в настоящей статье, фокусируется на участии родителей в деятельности скаутской организации. На ресурсы, исходящие от родителей, рассчитывают разные формальные и неформальные детские организации и учреждения. Гипотеза настоящего исследования состояла в том, что установка на помощь со стороны родителей скаутскому отряду опирается на интеграционное замыкание, под которым понимается система значимых для них взаимоотношений внутри сообщества. Эмпирическая база исследовательского кейса скаутского отряда «Лесные коты» из Ижевска опирается на данные групповых интервью и опроса ($n = 91$). Тип мероприятий скаутского отряда (приключения, походы, соревнования) способствует вовлечению родителей и других членов семьи. Привлечение родителей к помощи во время мероприятий приводит к появлению устойчивого сообщества, в котором родители хорошо знают друг друга и детей. При поддержке членов сообщества потенциальные волонтеры переходят к проведению регулярных занятий с группами скаутов. По материалам опроса, родители демонстрируют типичную мотивацию относительно волонтерской работы с преобладанием ценностей причастности к общему делу и стремлением к деятельности, объединяющей семью. Трудности, о которых сообщают респонденты, связаны с ресурсными ограничениями: недостатком времени и неуверенностью в своих умениях и навыках. При этом родители, имеющие опыт добровольческой помощи, сообщили о сложившейся установке на взаимную поддержку внутри родительского сообщества.

Ключевые слова: общественная организация, скаутский отряд, участие, родители, волонтерство.

Для цитирования:

Власова Т.А. Мотивация участия родителей в деятельности детских общественных организаций на примере скаутского отряда // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 117–131. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-117-131>

MOTIVATION OF PARENTAL PARTICIPATION IN ACTIVITIES OF CHILDREN'S PUBLIC ORGANIZATIONS: THE SCOUT TROOP CASE

Tatiana A. Vlasova

Russian State University of Social Technologies (Moscow)

When studying voluntary assistance practices, it is necessary to consider both the motivation of different categories of volunteers and the characteristics of organizations that are beneficiaries of this assistance. The research presented in this article focuses on the participation of parents in the activities of a scout organization. Various formal and informal children's organizations and institutions rely on the resources coming from parents. The hypothesis of the present study is that the orientation toward help to be provided to the scout troop by parents is formed by integration closure, which is defined as a system of significant relationships within the community. The empirical base of the research case of the scout troop «Forest Cats» from Izhevsk is based on data from group interviews and surveys ($n = 91$). The type of activities of the scout troop (adventures, hiking, competitions) promotes the involvement of parents and other family members. The involvement of parents in helping during events leads to the emergence of a sustainable community in which parents know each other and children well. With the support of the community members, potential volunteers move on to regular classes with scout groups. According to the survey materials, parents demonstrate a typical motivation regarding volunteer work perceiving it as a means of involvement in the common cause with their child and as a way to satisfy their desire to be engaged in activities that unite the family. The difficulties reported by respondents are related to their resource constraints: lack of free time and lack of confidence in their skills. At the same time, parents with experience in volunteering reported on the strong orientation toward mutual support within the parent community.

Keywords: civic organization, scout troop, participation, parents, volunteering.

To cite:

Vlasova T.A. [Motivation of parental participation in activities of children's public organizations: the scout troop case]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 117–131 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-117-131>

Исследования проблемы участия родителей в деятельности образовательных учреждений были инициированы академическими дискуссиями о проявлении неравенства в разных сферах социальной жизни. Социологическое изучение феномена родительского участия, начиная с классической теории П. Бурдье [Бурдье П., Пасрон Ж.-К., 2007] и вплоть современных исследований [Alireisoğlu A., Özsoy M., 2022; Devaney C., Cross R., 2023; Hoffmann L. et al., 2023; Власова Т.А., 2019; Шаброва Н.В., 2022], демонстрируют взаимозависимость объема социального, финансового и символического капиталов семьи и общественной активности родителей. Исследования в России сфокусированы на специфике регионального образования и том влия-

нии, какое региональные особенности оказывают на отношение родителей к системе образовательных учреждений [Галеев Ю.В. и др., 2012, Попов Е.А. и др., 2023, Шманкевич Т.Ю., 2006]. В меньшей степени исследованы формы участия родителей в деятельности неформальных и/или общественных детских организаций, которые опираются на разные организационные принципы и идейные установки.

В рамках настоящего исследования была изучена деятельность скаутской организации «Лесные коты», действующей в Удмуртской Республике. Исследования скаутского движения чаще представляют собой описание принципов работы скаутских отрядов [Аболина Н.В., 2020] или анализ воспитательных результатов [Козина Е.В., Логинова В.С., 2016; Нечаев М.П.,

2014]. Сфера неформального образования позволяет компенсировать ряд сложностей, которые характерны для государственных образовательных учреждений. При этом такие организации не могут рассчитывать на стабильное бюджетное финансирование, что ограничивает их организационный потенциал. Имея статус общественных и/или автономных организаций, скаутские отряды существуют за счет родительской платы, а также грантового финансирования и фандрайзинга. Небольшое количество постоянных штатных сотрудников способствует расширению различных форм помощи от родителей-волонтеров, участвующих в основной деятельности скаутских отрядов и оказывающих разовую помощь в организации мероприятий.

Цель исследования заключается в выявлении мотивации участия родителей в волонтерской деятельности общественной скаутской организации. В основе исследования лежит метод кейс-стади. В качестве кейса был выбран отряд «Лесные коты» в г. Ижевске. Этот выбор был обусловлен, во-первых, автономностью данной детской общественной организации от учреждений системы формального образования и воспитания. Отряд «Лесные коты» входит в ассоциацию клубов «Скауты-разведчики НОРС-Р», но при этом организационно совершенно самостоятелен. Во-вторых, в отряде занимается около 150 детей, тогда как другие отряды в Ижевске намного меньше: 20–25 чел. В-третьих, руководство отряда инициирует и оказывает организационную поддержку различным исследованиям, в том числе в рамках настоящего проекта.

Методология исследования включает количественные и качественные методы. Для оценки уровня вовлеченности родителей в январе 2023 г. были проведены два групповых интервью: одно из них с родителями-волонтерами, другое — с руководителями скаутских отрядов из разных городов РФ. Кроме того, в период с 25 января по 6 февраля 2023 г. были опрошены родители детей, являющихся членами скаутского отряда «Лесные коты» в г. Ижевске. При опросе использовалась стихийная выборка. В скаутском отряде занимается около 150 детей, но часто в разные группы ходят дети из одной семьи. Было принято решение опросить по одному из родителей, соответственно, объем генеральной совокупности составил 110 родителей (достижимость составила 81 %). Опрос проводился онлайн с рекрутированием респондентов

через группу в социальной сети «ВКонтакте». В ходе исследования было опрошено 91 информантов. Кроме того, руководители отряда самостоятельно проводят опросы, направленные на оценку различных направлений деятельности. Хотя эти опросы не опирались на структурированную выборку, они отражают мнение и установки родителей, чьи дети занимаются в отряде. Результаты этих опросов также использовались в тех случаях, когда эта информация существенно дополняла данные, собранные в ходе настоящего исследования.

Статья состоит из трех разделов: в первой части обосновывается потенциал теории интеграционного замыкания применительно к анализу позиции родителей в рамках образовательных пространств, во второй части представлен социальный портрет родителей, чьи дети занимаются в скаутском отряде, в третьей части дана характеристика волонтерских установок родителей детей-скаутов.

Теория интеграционного замыкания

Эффект интеграционного замыкания был выявлен Дж. Коулманом при изучении академического успеха учеников в школах разного типа в Чикаго. Анализируя статистические данные об оценках школьников и проводившиеся в ходе исследования срезы знания, Дж. Коулман выявил высокие показатели у учеников католических школ. Кроме того, в католических учебных заведениях было значительно меньше отчисленных старшеклассников: 3,4 % по сравнению с 14,4 % в государственных школах. Указанное различие не могло быть связано с тем, что школы были частными, потому что в негосударственных нерелигиозных школах процент отчисления был также высокий — 11,9 % [Coleman J.S., 1988]. Успех католических школ, по мнению Дж. Коулмана, связан с интенсивным вовлечением родителей и других членов религиозной общины в воспитательный процесс. Взаимодействие католиков внутри приходской общины способствует формированию обширной сети знакомых. Если в обычной ситуации родители одноклассников знают друг друга только по школе, то родители-католики знакомы и вне школьного пространства. Поэтому такие родители контролируют не только собственных детей, но и любого ребенка, которого знают и в отношении которого чувствуют ответственность [Coleman J.S., 1988].

Исследования взаимодействия семьи и образовательных институтов подчеркивают, что интерес родителей к учебе детей позитивно влияет на школьные достижения, в частности, на успеваемость и участие в школьных мероприятиях [Абрамова М.А. и др., 2015; Menheere A., Hooge E.H., 2010]. При этом родители с низким социально-экономическим статусом имеют меньше возможностей для встреч и обмена информацией с учителями, посещения мероприятий в школе из-за отсутствия транспорта, денег или из-за сверхнормативной занятости [Jordan C. et al., 2001; Hoff E., 2006]. В то же время все агенты — администрация, учителя, родители и дети — заинтересованы в более активном взаимодействии друг с другом [Oostdam R., Hooge E.H., 2013]. В российских школах попытки привлечь родителей к вопросам управления образовательным процессом носят преимущественно формальный характер. Основными каналами влияния остаются родительские комитеты и попечительские советы, которые подотчетны школьной администрации (см.: [Шпаковская Л.Л., 2015; Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., 2023; Шуклина Е.А., Шаброва Н.В., 2020]). Родители с трудом вовлекаются в практики волонтерского участия, часто ограничиваясь финансовой помощью образовательным учреждениям.

Организации, чья деятельность является социально значимой (в западной социологии их называют социальными сервисами), требует кооперации с акторами вне организации, такими как управленческие структуры, другие организации, общественные активисты [Brandsen T., Honingh M., 2015]. Детские общественные организации, не имея бюджетного финансирования, в меньшей степени контактируют с управленческими структурами. Тем важнее для таких организаций система горизонтальных связей, например, с другими скаутскими или некоммерческими организациями. Кроме того, отсутствие бюджетного финансирования не позволяет иметь постоянный штат сотрудников, поэтому скаутские организации для проведения занятий и мероприятий рекрутируют волонтеров из числа родителей.

Деятельность волонтеров и феномен добровольчества хорошо изучен как в зарубежной [Malinen S., Harju L., 2017; Traeger C. et al., 2022], так и в отечественной [Сухарькова М.П., 2017; Краснопольская И.И. и др., 2022] социологии. При этом исследования посвящены моло-

дежным волонтерским движениям и феномену волонтерства людей старшего возраста [Певная М.В. и др., 2021; Ростовская Т.К. и др., 2021; Серова Е.А., Ключева Н.В., 2022; Парфенова О.А., Галкин К.А., 2023]. В отличие от молодежи и пенсионеров, родители составляют такую категорию волонтеров, которая трудно фиксируется, поскольку их добровольная помощь образовательным организациям (родительские взносы, помощь в классе и в школе, сопровождение учеников на мероприятия) не осознается как волонтерская. Общественные детские организации маркируют участие родителей как волонтерство, развивают различные формы поощрения добровольчества и, таким образом, повышают его ценность.

Признание ценности волонтерской помощи в скаутских отрядах мотивирует родителей. Согласно исследованиям, решающее значение для мотивации имеет совпадение ценностей организации и личных ценностей волонтеров [Клепикова А.А., 2011; Englert B. et al., 2019]. Такое совпадение обеспечивает лояльность волонтеров к деятельности организации, их инициативу, стремление расширять круг общения внутри сообщества [Wilson J., 2000; Ellemers N., Boezeman E.J., 2010]. В рамках настоящего исследования можно предположить, что те же качества родителей-волонтеров способствуют установлению интеграционного замыкания внутри родительского сообщества.

Скаутский отряд «Лесные коты»: дети и родители

Скаутский отряд «Лесные коты» возник в Ижевске в 2018 г. Он является частью скаутской организации НОРС-Р, действующей с 1998 г. и объединяющей 70 скаутских отрядов в разных регионах РФ. Филиал в Удмуртии включает три отряда: в Ижевске, Якшур-Бодье, деревне Кигбаево. Все скауты разделены на группы («стаи» и «патрули»). «Стая» состоит из 8–12 детей младшего возраста (5–11 лет). «Патруль» представляет собой группу из 6–8 старших детей, чей возраст 11–17 лет. С каждой группой занимается волонтер. Обычно такими волонтерами являются родители, чьи дети тоже являются скаутами. Руководители отряда ведут активную работу, рекрутируя волонтеров из числа наиболее активных родителей. Одним из приемов работы является использование разных каналов информирования родителей о принципах скаутского

движения, о направлениях деятельности отряда и о мероприятиях. Скаутский отряд, будучи менее формализованной организацией, чем школы, предполагает слабо иерархизированную структуру отношений, где востребованы, прежде всего, добровольное участие и высокая степень вовлеченности детей-скаутов и их родителей.

Структура выборки опроса демонстрирует следующее соотношение: женщины составляют большинство (73,6 %), около четверти составляют мужчины (26,4 %). Более активное участие женщин в воспитании детей типично для современного распределения семейных обязанностей. Другой важный фактор — сплочение семьи, когда в деятельность скаута и одного из родителей (обычно мамы) включаются старшие и младшие дети, а также отцы. Участники фокус-группы замечали, что отцы включаются в подготовку мероприятий, если требуются технические навыки. Информанты из Ижевска вспоминали конструирование машинок на «котогонки» и корабликов на «которегату». Также отцы помогали организовать поездки, обеспечивая доставку детей к месту проведения мероприятий, в том числе за городом. Но, как правило, ведущими активистами являются женщины, привлекая своих мужей к той работе, где нужны «мужские руки». Одна из руководителей скаутского отряда из Казани назвала свои усилия, направленные на вовлечение мужчин, «приручением отцов». Своеобразной механикой «приручения» является передача им инициативы в организации мероприятий. Так, например, отцы приглашались на собрания, где им предлагалось организовать мероприятия, посвященные празднованию 8 марта, которое предполагало сюрприз для их жен и дочерей. Тон, которым описывается опыт привлечения мужчин, бывает ироническим: *«Они прямо вынуждены, бедняжки, прийти и как-то друг с другом коммуницировать»* (жен., руководитель скаутского отряда). Тем не менее, все информанты были согласны с тем, что отцы откликаются на прямую просьбу о помощи.

Возрастная категория респондентов соответствует людям, чьи дети являются школьниками: 67 % респондентов — 30–40 лет, 29,7 % — 40–50 лет. Результаты опроса демонстрируют типичную структуру современной городской среды, где в большинстве семей (52,7 % ответов) два ребенка. Около четверти респондентов сообщили, что имеют одного ребенка (27,5 %). По данным Удмуртстат, в семьях, где дети роди-

лись в 2012–2017 гг., именно они составляют основной контингент участников скаутского отряда, в половине случаев были вторыми детьми в семье¹. Родители, чьи дети занимаются в отряде «Лесные коты», имеют достаточно высокий уровень образования: 78 % респондентов получили высшее образование. Но при этом значительное количество работают в сферах с относительно невысокими доходами: 27,8 % — в социальной сфере (учителя, врачи), 21,5 % — в производственной сфере, 13,9 % — в сфере торговли. Во всех этих сферах уровень заработной платы не превышает среднюю по Удмуртской Республике, составляющей в 2023 г. 50 013,1 руб.² В ходе группового интервью участники сообщали, что люди из их окружения, т.е. со сходным уровнем образования и дохода, предпочитают для своих детей такие виды деятельности, которые предполагают сочетание физической активности, расширение кругозора и взаимодействие со сверстниками. Как показывает опрос, сами родители ориентированы на активные виды досуга, где могут принять участие их дети. Большинство родителей для проведения досуга в семье выбирают совместные прогулки (81,3 %), настольные игры (71,4 %), посещение развлекательных мест (69,2 %) (рис. 1).

В рамках опроса, посвященного открытию загородной базы для мероприятий, которым проводили руководители отряда, было выявлено желание родителей проводить больше мероприятий, предполагавших «выезд на природу». Выяснилось, что помимо участия в скаутских походах, более половины респондентов организуют

¹ Естественное движение населения УР с 1939 года / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике. URL: [https://18.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Естественное движение населения УР с 1939 года.xls](https://18.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Естественное_движение_населения_УР_с_1939_года.xls) (дата обращения: 09.03.2024).

² Среднемесячная заработная плата работников всех организаций по видам экономической деятельности за август 2023 года / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике. URL: [https://docviewer.yandex.ru/?tm=1712487484&tld=ru&lang=ru&name=zarp\(42\).pdf&text=Среднемесячная+заработная+плата+работников+всех+организаций+по+видам+экономической+деятельности+за+август+2023+года+/-+Территориальный+орган+Федеральной+службы+государственной+статистики+по+Удмуртской+Республике&url=https%3A%2F%2F18.rosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Fzarp%2842%29.pdf&lr=50&mime=pdf&l10n=ru&sign=69d6dc2502f4558c9a26bf47ca92e902&keyno=0](https://docviewer.yandex.ru/?tm=1712487484&tld=ru&lang=ru&name=zarp(42).pdf&text=Среднемесячная+заработная+плата+работников+всех+организаций+по+видам+экономической+деятельности+за+август+2023+года+/-+Территориальный+орган+Федеральной+службы+государственной+статистики+по+Удмуртской+Республике&url=https%3A%2F%2F18.rosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Fzarp%2842%29.pdf&lr=50&mime=pdf&l10n=ru&sign=69d6dc2502f4558c9a26bf47ca92e902&keyno=0) (дата обращения: 09.03.2024).

семейные пикники и прогулки за городом. Кроме того, 81,4 % родителей, имея выбор, предпочли бы отдых на природе отдыху в городе. Одна из причин интереса к занятиям в скаутском отряде и со стороны родителей, и со стороны де-

тей — регулярные походы, где может принимать участие вся семья. По результатам исследования, большинство родителей были с детьми в походах, не предусматривавших ночевки (рис. 2).

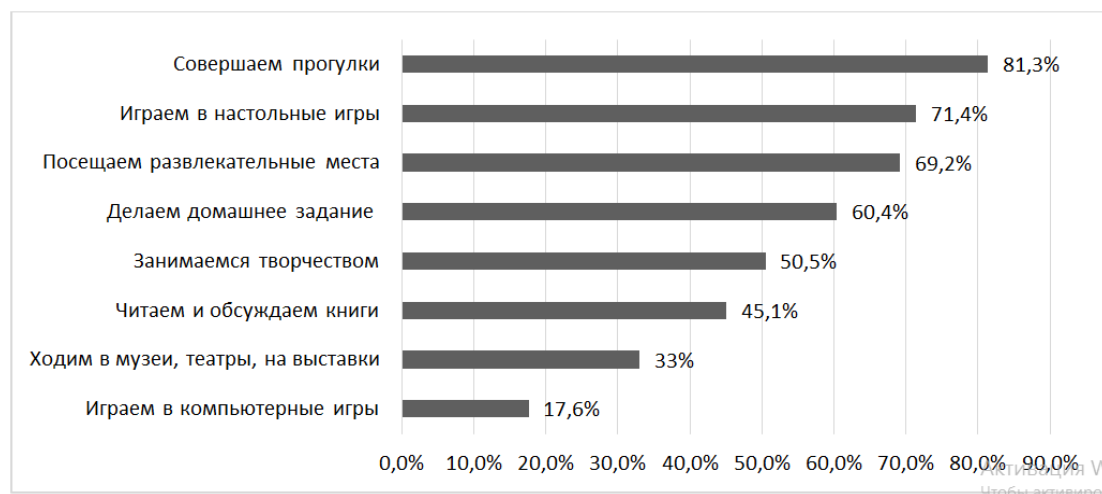

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что вы обычно делаете совместно с ребенком/детьми в свободное время?» (процент от числа ответивших)

Fig 1. The distribution of answers to the question «What do you usually do with your child/children during free time?» (percentage of the number of respondents)

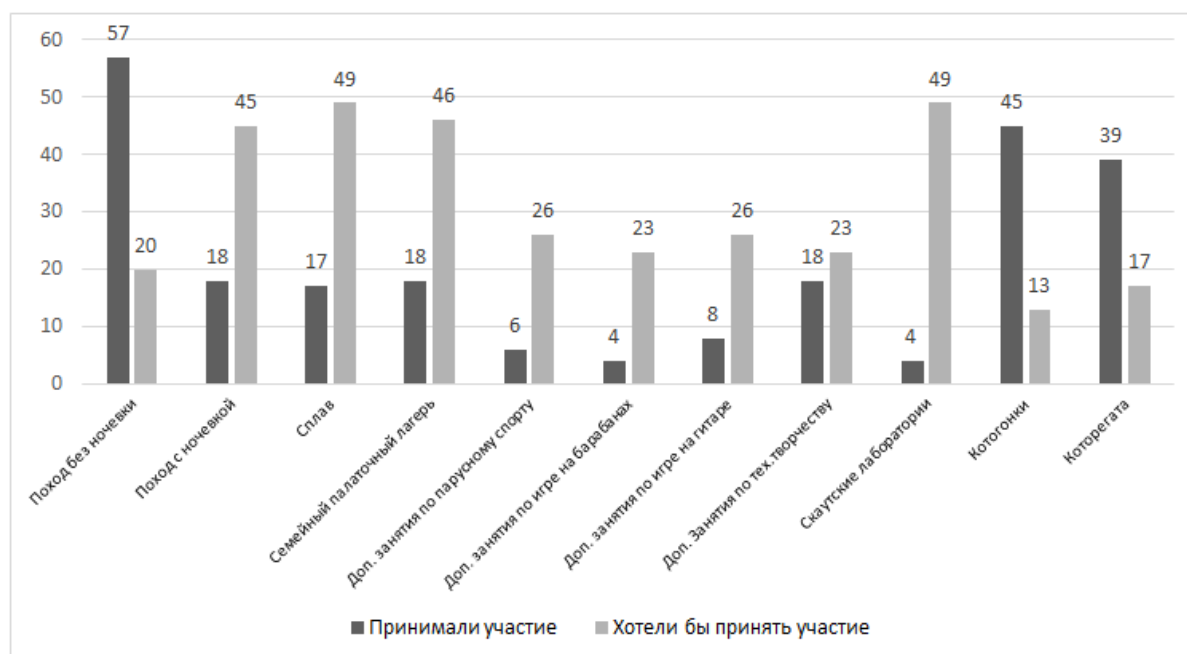

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «В каких мероприятиях скаутского отряда вы участвовали/хотели бы принять участие вместе с ребенком?» (количество ответов)

Fig. 2. The distribution of answers to the question «What Scout troop activities have you participated in or would you like to participate in with your child?» (number of responses)

Участие в выездных мероприятиях скаутского отряда создает дополнительные возможности для неформального общения детей и родителей. Также для родителей большое значение имеет социальный капитал, выражающийся в значимых связях, и культурный капитал — приобретение ценных умений и навыков детьми. Родители отмечают формирование самостоятельности (74,6 %) и ответственности (64,4 %) у ребенка, связывая их с участием в походах и другими видами деятельности в скаутском отряде. Результаты опроса показывают, что около трети респондентов (35,2 %) лично знают друзей своего ребенка по скаутскому отряду. При этом почти половина респондентов (48,4 %) сообщили, что их дети рассказывают им о своих друзьях, но лично они этих друзей не знают.

Руководители скаутских отрядов в интервью сообщили о достаточно высокой степени вовлеченности родителей, отмечая при этом значение личных связей и непосредственного контакта между родителями для повышения активности детей. Однако родители предпочитают опираться на уже сложившиеся дружеские связи. Таким образом, воспроизводится деление родителей на активных и неактивных, в рамках которого обе этих группы ощущают «разрыв». В ходе группового интервью проявлялось переживание, связанное с тем, что какие-то действия одних родителей, например, во время похода или мероприятия, могут вызвать недовольство или возмущение у других, которые сами не принимали участия в походах. Этот контраст особенно очевиден при сравнении тех фрагментов интервью, где информанты рассказывают, как они решали проблемы коммуникации с детьми при проведении занятий или на выездных мероприятиях.

Инф. 1. Общение со взрослыми, потому что каждый где-то вот в своем мире у нас, есть совершенно космические родители. Да, вот так ласково.

Инт: Инопланетные?

Инф. 1: Да, они в каком-то своем мире живут, ты им говоришь какие-то вещи, они тебя либо вообще не воспринимают, либо воспринимают ну там как-то, не знаю. <...> Для каждого свой ребенок, он пусечка, лапочка.

Инф. 2: И его все обидели.

Инф. 1: Да. А то, что вы тут не справляетесь!

Сами родители описывают эти противоречия, сопоставляя их со сложностями, которые характерны для отношений в рамках взаимодействия в школьных классах. Тем не менее, именно из тех, кто оказывает помощь в организации походов и мероприятий, рекрутируются волонтеры, которые ведут занятия с группами скаутов. Выездные мероприятия, где востребованы отношения взаимопомощи и дружеской поддержки, выступают основой для установления отношений интеграционного замыкания.

Участие родителей в волонтерских практиках

Изучение эффекта интеграционного замыкания применительно к сфере образования в современной России сталкивается со сложностями, связанными со слабой степенью автономии сообществ родителей от организационных структур общественных организаций. Если в США родители помимо школы могли взаимодействовать в рамках религиозных или светских общественных движений, то в России родители чаще всего не переносят структуру своих социальных связей из одной сферы социальной активности в другую. Участники исследования в ходе интервью говорили о своем опыте участия в социально значимых инициативах (экологических, молодежных), но с оговоркой, что редко могут применить этот опыт в условиях общеобразовательных школ. Предположительно, сфера дополнительного образования детей, менее формализованная и более автономная, может повлиять на характер социальных связей родителей. Еще одним ограничением для применения концепции интеграционного замыкания является отсутствие возможности сделать вывод о влиянии связей между родителями на образовательную успешность членов скаутского отряда. Во-первых, в скаутском отряде не фиксируется уровень успешности детей в школе. Во-вторых, участники скаутского отряда являются учениками младшей школы, где образовательные показатели менее значимы по сравнению с общей адаптированностью детей к моделям управляемого и ответственного поведения, востребованного как в школе, так и вне ее. Поэтому в рамках настоящего исследования был сделан фокус на то, как влияет волонтерство родителей на воспитание качеств, способствующих социальной адаптации детей в ска-

утском отряде, которое потом переносится в школьную жизнь.

В отряде «Лесные коты» ведется регулярная просветительская работа: издаются печатные и видеоматериалы, где разъясняются основные принципы скаутского движения, а также содержательно описываются направления занятий на разных этапах скаутского обучения. Материалы ознакомительных курсов для родителей предполагают онлайн-участие. 45,1 % родителей не принимали в них участие. Но те, кто прошел все (19,8 %) или только некоторые (35,2 %), сочли их очень полезными с точки зрения информированности о содержании деятельности скаутских организаций. В целом, родители заявляют о том, что они хотели бы узнать больше о скаутском движении. Получая больше информации об отряде и опираясь на свой опыт помощи школьным педагогам,

74,8 % родителей готовы быть волонтерами в скаутских мероприятиях. При этом большинство волонтеров (72,9 % из ответивших) могут уделять волонтерству не более 1–2 часов в неделю. Еще 17,1 % могут участвовать в волонтерских практиках 3–4 часа в неделю.

Среди предпочтительных форм оказания волонтерской деятельности нужно отметить помощь с доставкой детей (49,3 %), помощь в организации выездных лагерей (45,1 %) и проведение мастер-классов (43,7 %). Это именно те типы волонтерской помощи, которые не требуют специальной подготовки, выполняются совместно с другими родителями и не требуют много времени. В наименьшей степени родители готовы к помощи, требующей специальных навыков (фото- и видеосъемки, программирования или дизайна) (рис. 3).

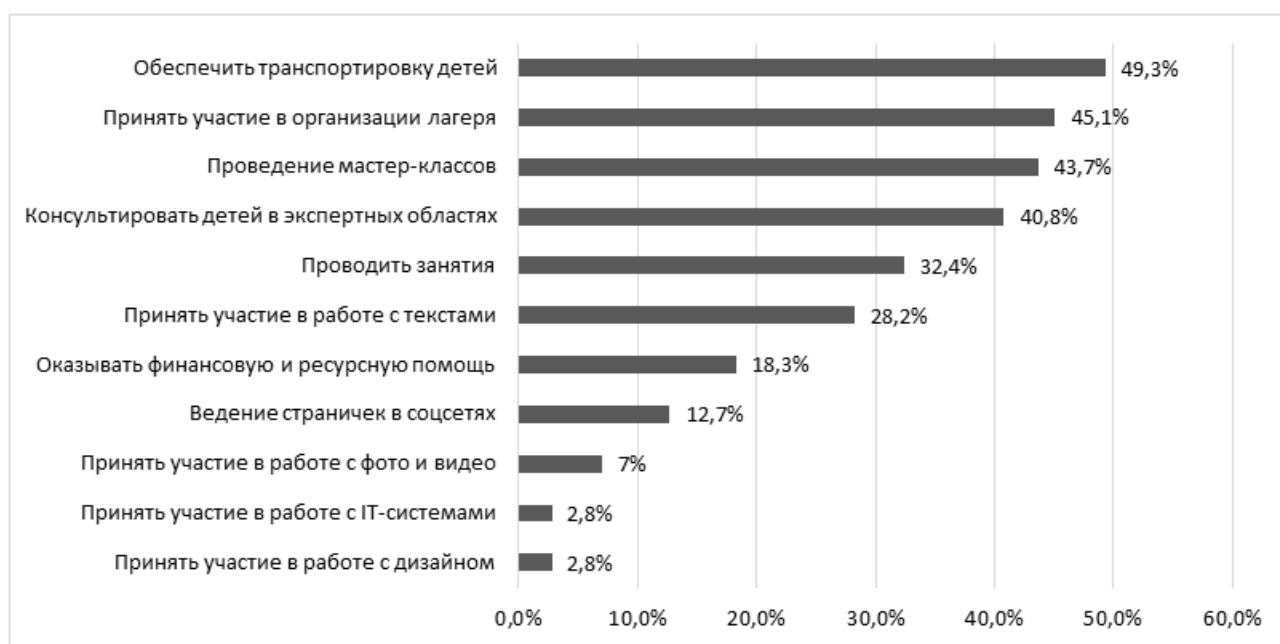

Рис. 3. Формы волонтерской помощи, в которой готовы участвовать родители (процент от числа ответивших)

Fig. 3. Forms of volunteer assistance in which parents are willing to participate (percentage of the number of respondents)

В мотивации родителей-волонтеров доминируют две формы установок: во-первых, осознание социальной значимости и причастности к работе отряда, а во-вторых, желание больше общаться со своими детьми. Комплекс ответов, которые выбирали респонденты, в целом соответствует типичной мотивации волонтеров, включающей получение полезного опыта, по-

требность оказывать помощь другим людям, стремление ощущать собственную полезность, желание путешествовать и реализовать свой творческий потенциал (рис. 4).

Сложности волонтерской деятельности, которые отмечают респонденты, связаны с их ресурсными ограничениями (рис. 5). Значительная часть респондентов (65,2%) ссылается на

нехватку времени, что участники групповых интервью характеризуют как тактику ухода от волонтерской помощи. Другие сложности, которые называли респонденты, представляют

собой констатацию ограничений навыков в организации мероприятий и неумение общаться с детьми. При этом родители не ссылались на финансовые ограничения.

Рис. 4. Распределение ответов о мотивации участия в волонтерской деятельности (процент от числа ответивших)

Fig. 4. Distribution of answers about motivation for participation in volunteer activities (percentage of the number of respondents)

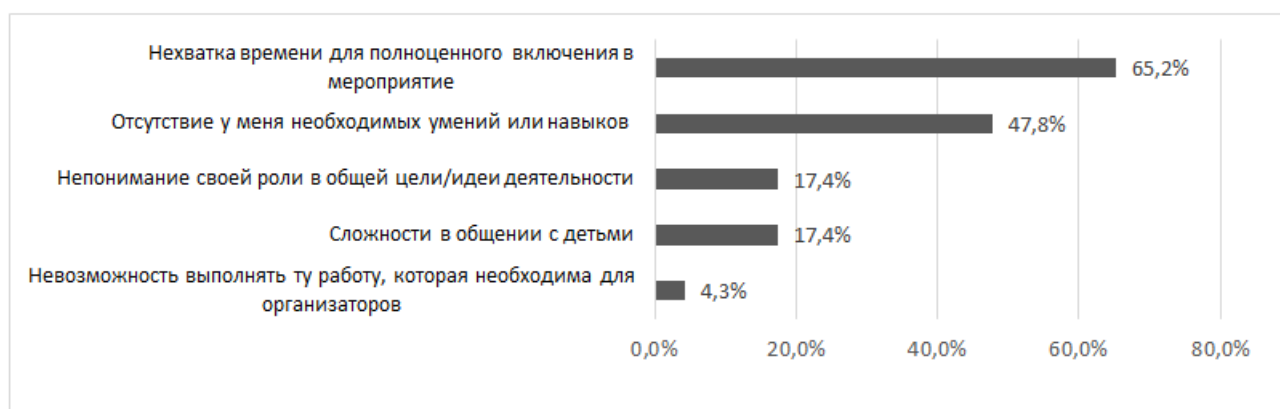

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «С какими трудностями в волонтерской деятельности вы сталкивались?» (процент от числа ответивших)

Fig. 5. The distribution of answers to the question «What difficulties have you encountered in volunteering?» (percentage of the number of respondents)

При общем положительном настрое по отношению к волонтерству лишь наиболее мотивированные родители включаются в работу, предполагающую ведение занятий у групп де-

тей разного возраста. Типичной «карьерой» волонтера является переход от активной помощи в организации походов и мероприятий к ведению еженедельных занятий. По словам руково-

дителей, в настоящее время нет сложившихся методик подготовки специалистов по работе со скаутами. Те, кто сами были скаутами, опираются на собственный опыт, а те, кто не был, стараются приобретать методички и пособия, которые пока издаются в очень ограниченном количестве. Сильной стороной работы с родителями-волонтерами в скаутском отряде является поэтапность включения в деятельность отряда, готовность руководителей отряда проконсультировать и помочь на первых порах.

Также важно для волонтеров разнообразие видов волонтерской деятельности (от занятий в бассейне до совместных поездок) и возможность попасть в среду, где поддержат любую инициативу и можно найти компанию для разных видов деятельности:

«...если мы хотим сходить куда-то на экскурсию, мы всегда можем сказать, что, а вот там вот проходит это, давайте сходим, и мы наберем компанию, мы сходим, мы договоримся» (жен., 40 лет, юрист, волонтер скаутского отряда).

Активное сообщество родителей-волонтеров образует достаточно сплоченную команду, объединенную эффектом интеграционного замыкания. Родители-активисты, являясь выпускниками различных образовательных программ (инженерные, педагогические, юридические, экономические) и работая в разных сферах (бизнес, производство, социальная сфера), продуктивно дополняют друг друга. Основой для сотрудничества является позитивное отношение к волонтерству, к которому участники исследования относились как к возможности сделать небольшое, но значимое дело. Участники групповых интервью понимали добровольчество как своеобразную «отдушину»: возможность сделать что-то для других, поделиться навыками, пережить спектр новых положительных эмоций.

Опираясь на материалы интервью, можно предположить, что институциональные условия в современной школе дают мало возможностей для проявления родительского активизма. У родителей, проявивших инициативу, нет уверенности, что они получают помощь в организации мероприятия от педагогического корпуса или от других родителей. Для родителей волон-

терство в скаутском отряде связано с двумя позитивными факторами: чувством причастности к значимому делу, в которое включены их дети, и появлением круга людей с близкими интересами. Почти все активные родители до сотрудничества со скаутским отрядом имели опыт волонтерской деятельности, который позволил им сформировать соответствующую личностную установку по отношению к практикам добровольной помощи. Вовлечение родителей в волонтерскую деятельность коррелирует с активностью детей. Информанты отмечали, что их собственные дети принимают участие в большем количестве мероприятий, легче справляются с заданием, проявляют собственную инициативу. Среди примеров такой инициативы перечислялись разработка своих вариантов скаутских нашивок, самостоятельное проведение мастер-классов, подготовка номеров для концертов. Дети родителей-волонтеров чаще склонны брать ответственность за сверстников, а также опекать детей младшего возраста. Есть основания предполагать, что активная позиция детей в скаутском отряде переносится в сферу школьного взаимодействия. Обоснование этих предположений требует дальнейшего изучения.

* * *

В рамках социологических исследований можно выявить, в какой степени разные категории населения вовлечены в волонтерскую деятельность. По сравнению с подростками и молодежью, а также людьми пенсионного возраста, экономически активные люди реже становятся волонтерами, т.к. не располагают свободным временем. При этом представители именно этой социальной категории обладают наибольшим объемом ресурсов. В то же время значительная часть экономически активного населения являются родителями, их ресурсный потенциал востребован в формальных учреждениях образования и воспитания. Детские неформальные общественные организации, которые еще в большей степени, чем школы, нуждаются в ресурсной поддержке со стороны родителей, используют различные инструменты их вовлечения. Типологически способ взаимодействия в неформальных организациях сходен с явлением интеграционного замыкания, которое Дж. Коулман зафиксировал в католических школах. В образовательных пространствах ин-

теграционное замыкание проявляется как связь между родителями, позволяющая осуществлять контроль и заботу не только в отношении собственных детей, но детей членов сообщества.

Скаутские отряды, где нет постоянного штата сотрудников, а программа обучения включает большое количество мероприятий, предполагающих активные формы занятий, остро нуждаются в добровольной помощи родителей. Процесс организации планомерной работы с родителями, из которых рекрутируются волонтеры, исследовался на примере отряда «Лесные коты» (Ижевск, Удмуртская Республика). На основании материалов интервью выявлено два аспекта проблемы вовлечения родителей в деятельность детской общественной организации. Первый аспект связан с формированием установок родителей по отношению к деятельности скаутского отряда и организации практик волонтерства. Социально-демографические характеристики родителей, чьи дети являются членами скаутского отряда, типичны для городских семей. Особенность их установки заключается в ориентации на активное взаимодействие с детьми. Занятия в скаутском отряде требуют вовлеченности родителей в процесс выполнения заданий, сбора атрибутики, организации походов. Благодаря видеоурокам для родителей повышается их осведомленность о направлениях деятельности отряда, о скаутских принципах и возможных формах добровольной помощи со стороны взрослых. Однако основным каналом рекрутирования волонтеров для проведения регулярных занятий являются личные взаимоотношения и дружеские связи между родителями.

Второй аспект проблемы — особенности организации волонтерского участия в работе скаутского отряда. Родители-волонтеры демонстрируют обычные мотивационные паттерны, сочетающие представления об общественной пользе с ценностями внутрисемейной сплоченности. Большинство родителей готовы оказывать помощь в рамках мероприятий (доставка детей на личном транспорте, организация мероприятий, проведение мастер-классов) в режиме, требующем не более 1–2 часов в неделю. Трудности волонтерства, которые отмечают родители, касаются ресурсных ограничений при общем позитивном отношении к добровольной помощи. Сложности частично объяс-

няются тем, что разработка методики подготовки добровольцев находится на начальном этапе, поэтому обучение новичков основывается на передаче личного опыта. С другой стороны, личные отношения между волонтерами, а также между волонтерами и руководителями отряда, углубляют эффект интеграционного замыкания. Родители вовлекаются в устойчивые сети общения, обеспечивающие воспроизводство дружеских связей и взаимопомощи.

Список литературы

- Аболина Н.В. Скаутское движение как фактор воспитания молодежи // *Modern Science*. 2020. № 11(4). С. 198–201.
- Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Влияние уровня образования родителей на формирование образовательных стратегий детей (на примере выпускников школ Новосибирской области) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015. Т. 18, № 2. С. 87–102.
- Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Просвещение, 2007. 267 с.
- Власова Т.А. Инклюзия и селективность в католических школах в Польше // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17, № 3. С. 407–422. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-3-407-422>
- Галеев Ю.В., Гильмутдинов А.Х., Алишев Т.Б. Региональная система общего образования в представлениях его участников // *Вопросы образования*. 2012. № 2. С. 232–256. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-232-256>
- Клепикова А.А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9, № 3. С. 391–416.
- Козина Е.В., Логинова В.С. Воспитательный потенциал социума: из опыта скаутского движения в России // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 7(4). С. 60–63.
- Краснопольская И.И., Гусева П.Д., Мейс Л., Кнаан Р. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 2(168). С. 384–408. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113>
- Нечаев М.П. Технологии скаутского воспитания в становлении личности гражданина России //

Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2014. № 1(110). С. 102–111.

Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 1. С. 200–223. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>

Певная М.В., Кульминская А.В., Широкова Е.А., Шуклина Е.А. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3(163). С. 492–510. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>

Попов Е.А., Ахмедова А.Р., Кода Е.А., Подъяпольский А.Д., Козлова В.А. Социальные практики участия родителей в жизнедеятельности школы (по материалам социологического исследования в г. Барнауле) // Социодинамика. 2023. № 5. С. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.5.40593>

Ростовская Т.К., Сизикова В.В., Толмачев Д.П. Волонтерская деятельность старшего поколения: региональный аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 61–68. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-3-61-68>

Серова Е.А., Ключева Н.В. Межпоколенческие различия в ценностях и выборе видов волонтерской деятельности у молодых и «серебряных» волонтеров // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 4. С. 454–461. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-454-461>

Сухарькова М.П. Подходы к изучению мотивации участия в практиках волонтерства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 9. С. 12–16. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.9.2>

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Путевка в жизнь: Социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2023. 224 с.

Шаброва Н.В. Институциональные возможности и практики участия американских родителей в системе школьного образования // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 3. С. 142–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.834>

Шманкевич Т.Ю. Школа и город: «родительские стратегии» как гражданские практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9, № 3. С. 129–136.

Шпаковская Л.Л. Городская инфраструктура заботы о детях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 4. С. 111–125.

Шуклина Е.А., Шаброва Н.В. Образовательная политика в оценках родителей «успешных» и «неуспешных» школьников // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 3. С. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.3.2>

Alireisoğlu A., Özsoy M. Investigation of the effect of adaptation trainings for parents of primary school students on the level of family participation after the pandemic // Social Science Development Journal. 2022. Vol. 7, iss. 30. P. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.31567/ssd.577>

Brandesen T., Honingh M. Distinguishing Different Types of Coproduction: A Conceptual Analysis Based on the Classical Definitions // Public Administration Review. 2015. Vol. 76, iss. 3. P. 427–435. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.12465>

Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120. DOI: <https://doi.org/10.1086/228943>

Devaney C., Cross R. Parenting support and parental participation // International Perspectives on Parenting Support and Parental Participation in Children and Family Services / ed. by C. Devaney, R. Crosse. London: Routledge, 2023. P. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003334248-3>

Ellemers N., Boezeman E.J. Empowering the volunteer organization. What volunteer organizations can do to recruit, content, and retain volunteers // The psychology of prosocial behavior: Group processes, intergroup relations, and helping / ed. by S. Stürmer, M. Snyder. Oxford, UK: Wiley–Blackwell, 2010. P. 245–266. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781444307948.ch13>

Englert B., Thaler J., Helmig B. Fit Themes in Volunteering: How Do Volunteers Perceive Person-Environment Fit? // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2019. Vol. 49, iss. 2. P. 336–356. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764019872005>

Hoff E. How social contexts support and shape language development // Developmental Review. 2006. Vol. 26, iss. 1. P. 55–88. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dr.2005.11.002>

Hoffmann L., Völlm C., Bernard M., Fink A., Richter M., Dawal B. What does social participation mean? A qualitative study exploring the concept of participation from the perspectives of experts and parents // BMJ Open. 2023. Vol. 13, iss. 7. URL:

<https://bmjopen.bmj.com/content/bmjopen/13/7/e072684.full.pdf> (accessed: 09.03.2024). DOI:

<https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-072684>

Jordan C., Orozco E., Averett A. Emerging Issues in School, Family & Community Connections: Annual Synthesis. Austin, TX: Southwest Educational Development Laboratory, 2001. 76 p.

Malinen S., Harju L. Volunteer engagement: Exploring the distinction between job and organizational engagement // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2017. Vol. 28, iss. 1. P. 69–89. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-016-9823-z>

Menheere A., Hooge E.H. Parental involvement in children's education: A review study about the effect of parental involvement on children's school education with a focus on the position of illiterate parents // *Journal of the European Teacher Education Network (JETEN)*. 2010. Vol. 6. P. 144–157.

Oostdam R., Hooge E.H. Making the difference with active parenting; forming educational partnerships between parents and schools // *European Journal of Psychology of Education*. 2013. Vol. 28, iss. 2. P. 337–351. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10212-012-0117-6>

Traeger C., Alfes K., Fürstenberg N. Perceived Organizational Support and Volunteer Outcomes: Evidence from a German Environmental Nonprofit Organization // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2022. Vol. 52, iss. 3. P. 763–786. DOI: <https://doi.org/10.1177/08997640221103292>

Wilson J. Volunteering // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 215–240. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.215>

References

Abolina, N.V. (2020). [The scout movement as a factor of youth education]. *Modern Science*. No. 11(4), pp. 198–201.

Abramova, M.A., Goncharova, G.S. and Kostyuk, V.G. (2015). [The influence of parents' level of education on the formation of children's educational strategies (example of school graduates of the Novosibirsk region)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 18, no. 2, pp. 87–102.

Alireisoğlu, A. and Özsoy, M. (2022). Investigation of the effect of adaptation trainings for parents of primary school students on the level of family participation after the pandemic. *Social Science Development Journal*. Vol. 7, iss. 30, pp. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.31567/ssd.577>

Bourdieu, P. and Passeron, J.-C. (2007). *Vospriizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction in education, society and culture]. Moscow: Prosveschenie Publ., 267 p.

Brandsen, T. and Honingh, M. (2015). Distinguishing different types of coproduction: a conceptual analysis based on the classical definitions. *Public Administration Review*. Vol. 76, iss. 3, pp. 427–435. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.12465>

Chernova, Zh.V. and Shpakovskaya, L.L. (2023). *Putevka v zhizn': Sotsiologicheskie esse ob obrazovanii, klassovom neravenstve i sotsial'nom isklyuchenii v Rossii* [A start in life: Sociological essays on education, class inequality and social exclusion in Russia]. St. Petersburg: European University Publ., 224 p.

Coleman, J.S. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94, pp. 95–120. DOI: <https://doi.org/10.1086/228943>

Devaney, C. and Cross, R. (2023). Parenting support and parental participation. C. Devaney, R. Cross (eds.) *International perspectives on parenting support and parental participation in children and family services*. London: Routledge Publ., pp. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003334248-3>

Ellemers, N. and Boezeman, E.J. (2010). Empowering the volunteer organization. What volunteer organizations can do to recruit, content, and retain volunteers. S. Stürmer, M. Snyder (eds.) *The psychology of prosocial behavior: Group processes, intergroup relations, and helping*. Oxford, UK: Wiley–Blackwell Publ., pp. 245–266. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781444307948.ch13>

Englert, B., Thaler, J. and Helmig, B. (2019). Fit themes in volunteering: How do volunteers perceive person-environment fit? *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 49, iss. 2, pp. 336–356. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764019872005>

Galeev, Yu.V., Gil'mutdinov, A.Kh. and Alishev, T.B. (2012). [The regional system of public education in the participants' points of view]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 2, pp. 232–256. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-232-256>

Hoff, E. (2006). How social contexts support and shape language development. *Developmental Review*. Vol. 26, iss. 1, pp. 55–88. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dr.2005.11.002>

Hoffmann, L., Völm, C., Bernard, M., Fink, A., Richter, M. and Dawal, B. (2023). What does social participation mean? A qualitative study exploring the concept of participation from the perspectives of ex-

perts and parents. *BMJ Open*. Vol. 13, iss. 7. Available at: <https://bmjopen.bmj.com/content/bmjopen/13/7/e072684.full.pdf> (accessed 09.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-072684>

Jordan, C., Orozco, E. and Averett, A. (2001). *Emerging issues in school, family & community connection: annual synthesis*. Austin, TX: Southwest Educational Development Laboratory Publ., 76 p.

Klepikova, A.A. (2011). [Charity organisation volunteers in a state institution for people with severe disabilities: constructs of volunteering and professionalism]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 9, no. 3, pp. 391–416.

Kozina, E.V. and Loginova, V.S. (2016). [The educational potential of society: from the experience of the Scout movement in Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current Problems of the Humanities and Natural Sciences]. No. 7(4), pp. 60–63.

Krasnopol'skaya, I.I., Guseva, P.D., Meys, L. and Knaan, R. (2022). [Determinants of the episodic volunteer satisfaction]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2(168), pp. 384–408. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113>

Malinen, S. and Harju, L. (2017). Volunteer engagement: Exploring the distinction between job and organizational engagement. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 28, iss. 1, pp. 69–89. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-016-9823-z>

Menheere, A. and Hooge, E.H. (2010) Parental involvement in children's education: A review study about the effect of parental involvement on children's school education with a focus on the position of illiterate parents. *Journal of the European Teacher Education Network (JETEN)*. Vol. 6, pp. 144–157.

Nechaev, M.P. (2014). [Technologies of scout education in the formation of the personality of a Russian citizen]. *Vestnik Akademii detsko-yunosheskogo turizma i kraevedeniya* [Bulletin of the Academy of Children's and Youth Tourism and Local Lore]. No. 1(110), pp. 102–111.

Oostdam, R. and Hooge, E.H. (2013). Making the difference with active parenting; forming educational partnerships between parents and schools. *European Journal of Psychology of Education*. Vol. 28, iss. 2, pp. 337–351. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10212-012-0117-6>

Parfenova, O.A. and Galkin, K.A. (2023). [Social activity and participation of older Russians in the context of active longevity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26, no. 1, pp. 200–223. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>

Pevnaya, M.V., Kul'minskaya, A.V., Shirokova, E.A. and Shuklina, E.A. (2021). [Youth volunteering during the pandemic: a portrait of a hero of a difficult time]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3(163), pp. 492–510. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>

Popov, E.A., Akhmedova, A.R., Koda, E.A., Podyapol'skiy, A.D. and Kozlova, V.A. (2023). [Social practices of parents' participation in the life of the school (based on the materials of a sociological study in Barnaul)]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 5, pp. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.5.40593>

Rostovskaya, T.K., Sizikova, V.V. and Tolmachev, D.P. (2021). [Volunteer activity of the older generation: a regional aspect]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of the South-Russian state technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. Vol. 14, no. 3, pp. 61–68. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-3-61-68>

Serova, E.A. and Klyueva, N.V. (2022). [Intergenerational differences in values and volunteer activity in young and senior volunteers]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. Vol. 24, no. 4, pp. 454–461. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-454-461>

Shabrova, N.V. (2022). [Institutional opportunities and practices for the participation of American parents in the school system]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 13, no. 3, pp. 142–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.834>

Shmankevich, T.Yu. (2006). [School and city: «Parental strategies» as civic practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 9, no. 3, pp. 129–136.

Shpakovskaya, L.L. (2015). [Urban infrastructure of childcare: the real and the ideal spaces]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 18, no. 4, pp. 111–125.

Shuklina, E.A. and Shabrova, N.V. (2020). [Educational policy from the perspective of parents of «successful» and «unsuccessful» schoolchildren].

Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 3, pp. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.3.2>

Sukhar'kova, M.P. (2017). [Approaches to studying motivation to participate in volunteer practices]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 9, pp. 12–16. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.9.2>

Traeger, C., Alfes, K. and Fürstenberg, N. (2022). Perceived organizational support and volunteer out-

comes: Evidence from a German environmental non-profit organization. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 52, iss. 3, pp. 763–786. DOI: <https://doi.org/10.1177/08997640221103292>

Vlasova, T.A. (2019). [Inclusion and selection in catholic schools in Poland]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 17, no. 3, pp. 407–422. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-3-407-422>

Wilson, J. (2000). Volunteering. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26, pp. 215–240. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.215>

Об авторе

Власова Татьяна Анатольевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии и медиакоммуникации

Российский государственный университет
социальных технологий,
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, 49;
e-mail: tavlasova@yandex.ru
ResearcherID: X-4689-2018

About the author

Tatiana A. Vlasova

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology
and Media Communication

Russian State University of Social technologies,
49, Losinoostrovskaya st., Moscow, 107150, Russia;
e-mail: tavlasova@yandex.ru
ResearcherID: X-4689-2018

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 в *алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «>», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennyye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/kopiya-reestr-inostrannyih-agentov-05-04-2024.pdf>.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2024 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	11 апреля
в № 2 — до 01 мая	4 июля
в № 3 — до 01 августа	3 октября
в № 4 — до 01 октября	27 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For resources in English the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2024

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 11
No 2 May 1	July 4
No 3 August 1	October 3
No 4 October 1	December 27

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2024
Выпуск 1

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 08.04.2024
Дата выхода в свет 11.04.2024
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 16,04
Тираж 45 экз. Заказ 893.

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Философско-социологический факультет.
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Управление издательской деятельности.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке